

ОТЧЕТЪ

О ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1871 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.	Эггера и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.	Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.	Н. Киммеля, въ Ригѣ.
А. Черкесова, въ С. П. Б.	Эпюджянца и Комп., въ Тифлисѣ.
А. Е. Кехрибарджи, въ Одесѣ.	

Цена 45 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ. Августъ 1872 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(В. О., 9. л. № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25-го сентября 1871 года, Непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Весселовскимъ.	1—14
Разборъ сочиненія А. Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II». <i>Н. П. Семенова</i>	15—57
Разборъ второй части сочиненія М. Морозкина: «Иезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до настоящаго времени». <i>А. Н. Попова</i>	58—68
Разборъ сочиненія О. Миллера: «Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кievское». <i>Академика Ѳ. И. Булаева</i>	64—89
Разборъ сочиненія Н. Ламбина: «Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и Угличахъ». <i>Академика А. Ѳ. Бычкова</i>	90—107
О запискѣ безымяннаго Таврическаго (Anonymus-tauricus). (По поводу сочиненія Н. П. Ламбина). <i>Академика А. А. Куника</i>	108—112

ОТЧЕТЪ

о

ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ,
25 сентября 1871 г. Непремѣннымъ Секретаремъ, академикомъ **К. С. Весоловскимъ.**

Сочиненій по русской и славянской исторіи, представленныхъ въ нынѣшнемъ году на соисканіе наградъ графа Уварова, было двѣнадцать; кромѣ того одно сочиненіе было отложено отъ прошлогодняго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія конференціею Академіи была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академикомъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Θ. Бычкова, А. А. Куника, А. А. Шифнера и В. В. Вельямнова-Зернова. Въслѣдствіи, по отсутствію изъ Петербурга гг. Срезневскаго и Вельямнова-Зернова, ихъ мѣсто, въ составѣ коммиссіи, занимали академики: А. В. Никитенко и М. И. Броссе.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, коммиссія избрала рецензентовъ для каждаго изъ конкурсныхъ сочиненій, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, коммиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, по той причинѣ, что рецензія одного изъ нихъ не могла служить коммиссіи основаніемъ для произнесенія о немъ приговора, а рецензія

другаго не была вовсе доставлена лицомъ, принявшимъ на себя разсмотрѣніе сочиненія.

Затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ одиннадцати сочиненій, коммиссія положила: четыре изъ нихъ удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Крестьянское дѣло въ царствованіи Императора Александра II. Александра Скребицкаго. 4 тома въ 5 книгахъ. Боннъ на Рейнѣ 1862 — 1868 г.

Разборъ этого сочиненія, по приглашенію Академіи, былъ составленъ сенаторомъ Н. П. Семеновымъ.

Безъ сомнѣнія, ни одна реформа въ государствѣ не пропавела такого кореннаго переворота въ бытѣ народномъ, какъ крестьянская реформа въ Россіи; съ манифеста 19 февраля 1861 г. началась новая эпоха въ жизни нашего народа, и всѣ послѣдующія измѣненія по различнымъ частямъ нашего государственнаго управленія имѣютъ своимъ началомъ Положеніе 19 февраля. При такомъ значеніи освобожденія крестьянъ, понятно, какую высокую цѣну въ глазахъ нашихъ долженъ имѣть всякій трудъ, относящійся до разработки исторіи великаго переворота, до приведенія въ порядокъ матеріаловъ, которые оставило намъ по себѣ это событіе. Но такой трудъ въ настоящее время встрѣтилъ бы, конечно, непреодолимые препятствія. При невозможности приступить къ подобному труду, по мнѣнію г. Семенова, надо считать весьма полезными частную разработку матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, сведеніе ихъ въ одно цѣлое, приведеніе ихъ въ надлежащій порядокъ — однимъ словомъ, подготовленіе ихъ для будущихъ историковъ. Такой трудъ исполненъ г. Скребицкимъ.

Его сочиненіе обнимаетъ собою, за все время разработки крестьянскаго вопроса, только періодъ дѣятельности редакціонныхъ коммиссій, съ открытія ихъ 4 марта 1859 г., до внесенія полнаго проекта на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, или собственно до закрытія коммиссій, т. е. до 10 октября 1860 г. Авторъ располагалъ матеріалами, доставленными, по распоряженію перваго предсѣдателя этихъ коммиссій Я. И. Ростовцева, извѣстному писателю, барону Гакстгаузену, который намѣревался издать сочиненіе объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, но,

за смертью, не успѣлъ осуществить свое предпріятіе. Г. Скребицкій былъ приглашенъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, но совершилъ свой трудъ уже одинъ, безъ посторонней помощи. Такимъ образомъ, онъ пользовался только матеріалами редакціонныхъ комиссій и сборникомъ правительственныхъ распоряженій по устройству крестьянскаго быта. Никакого другаго матеріала онъ и не могъ имѣть, какъ потому, что барону Гакстаузену было сообщено только то, чѣмъ могъ въ то время располагать самъ председатель редакціонныхъ комиссій, т. е. официальные источники, составлявшіе предметъ разработки комиссій, такъ и потому, что когда г. Скребицкій принялся за свой трудъ и продолжалъ его, правительство считало многія бумаги и документы неподлежащими оглашенію, и наконецъ потому, что весьма важная доля частныхъ матеріаловъ не могла быть вовсе обнародована, по близости времени совершившагося событія. По этимъ соображеніямъ, рецензентъ полагаетъ, что для справедливой оцѣнки книги г. Скребицкаго надо стать на исключительную точку зрѣнія. Не быть ни участникомъ, ни ближайшимъ свидѣтелемъ дѣла освобожденія крестьянъ, онъ, съ тѣмъ однимъ матеріаломъ, которымъ имѣлъ возможность распоряжаться, не могъ избрать путь чисто исторической его разработки. Какъ онъ отнесся къ своей задачѣ, можно судить изъ предисловія къ сочиненію: «Мы, говоритъ онъ, современники великой реформы, обязаны передать историческій матеріалъ крестьянскаго дѣла послѣдующимъ поколѣніямъ цѣликомъ, предоставивъ имъ только критическую оцѣнку его, облегченную и проверенную послѣдующимъ опытомъ, для которой не настало еще время. Эта мысль легла въ основѣ разработки матеріаловъ, которыми я располагалъ. Ими можно было пользоваться двояко: во-первыхъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ частности и подробности, можно было изложить, въ формѣ историческаго повѣствованія, главные, выдающіяся черты совершившейся реформы; или, во-вторыхъ, не дѣлая различія между главнымъ и второстепеннымъ, за обоими признать одинаковыя права историческаго гражданства. Первая форма изложенія имѣла бы то преимущество, что дала бы большинству публики возможность легко познакомиться съ предметомъ, но по необходимости вѣроятно, часто не безъ основанія, навлекла бы на меня упрекъ въ произвольномъ выборѣ матеріаловъ. Поэтому, отказавшись отъ первой, хотя и болѣе легкой формы изложенія, я съ строгою послѣдовательностью привелъ послѣднюю».

Такимъ отношеніемъ автора къ предмету обусловливаются, по

миѣнію рецензента, какъ недостатки, такъ и достоинства его сочиненія.

Собственно говоря, у г. Скребицкаго нѣтъ критическаго разбора и оцѣнки матеріаловъ. При такомъ отсутствіи критики, изложеніе всѣхъ матеріаловъ въ одинаковой степени и размѣрахъ, какой бы они ни были относительной важности, лишаетъ должнаго интереса и самое введеніе, въ которомъ авторъ передаетъ исторически ходъ дѣла. Другимъ общимъ недостаткомъ въ текстѣ труда, рецензентъ считаетъ отсутствіе хронологій событій или даже прямыхъ указаній на нее; чрезъ это утрачивается послѣдовательность миѣній, которыя были высказаны столь большимъ числомъ лицъ и учреждений по крестьянскому дѣлу, и чтеніе сочиненія, глава за главою, дѣлается невозможнымъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ искупается системою изложенія, очень удобною для пользованія сочиненіемъ, какъ справочною книгою. Оно издано въ 4 томахъ, изъ которыхъ второй раздѣленъ на двѣ части, что составляетъ пять большихъ книгъ въ 5,382 страницы. Кромѣ введенія, оно содержитъ въ себѣ четыре отдѣла, по тремъ отдѣленіямъ редакціонныхъ комиссій, и четвертому, къ которому отнесены финансовая комиссія и особая, занимавшаяся приготовленіемъ работъ, невошедшихъ въ общую программу докладовъ отдѣленій. Такимъ образомъ первый томъ соотвѣтствуетъ двумъ отдѣленіямъ комиссій: юридическому и административному; двѣ части 2-го тома и третій томъ — хозяйственному отдѣленію, и четвертый — финансовой и особой комиссіямъ. Главы расположены по программѣ докладовъ редакціонныхъ комиссій общему ихъ присутствію, по каждому отдѣленію. Въ каждой главѣ излагается все, что къ предмету ея относится изъ проектовъ, соображеній и отзывовъ лицъ и учреждений, участвовавшихъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ такомъ приблизительно порядкѣ: сначала идетъ изложеніе проектовъ губернскихъ комитетовъ и обзоръ ихъ основаній, затѣмъ соображеній и заключеній редакціонныхъ комиссій и наконецъ отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ обоихъ призывовъ. На первой страницѣ каждой главы сдѣланы ссылки на источники, а въ выноскахъ приводятся замѣчанія и соображенія разныхъ лицъ, дававшихъ въ томъ или другомъ порядкѣ свои заключенія.

Кромѣ удачно придуманной системы изложенія, къ достоинствамъ сочиненія г. Скребицкаго рецензентъ относитъ его добросовѣтность въ обработкѣ трудовъ редакціонныхъ комиссій и въ сведеніи въ одно цѣлое его разрозненныхъ частей. То, чѣмъ

онъ пользовался, изложено имъ съ чрезвычайною точностью: соображенія и заключенія редакціонныхъ комиссій, а также отзывы депутатовъ, онъ приводитъ подлинникомъ, почти во всей ихъ цѣлоств, что, конечно, было возможно лишь при избранномъ имъ планѣ труда.

Ссылками на источники облегчаются повѣрка сочиненія съ ними и обращеніе къ подлиннымъ, не приведеннымъ въ порядокъ матеріаламъ.

Въ заключеніе, рецензентъ находитъ, что если сочиненіе г. Скребицкаго не можетъ быть названо, въ строгомъ смыслѣ, исторіею крестьянскаго дѣла даже въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то все таки оно есть разработанный сводъ матеріаловъ, оставленныхъ ими, и его несомнѣнное достоинство заключается въ томъ, что оно представляетъ собою единственный до сихъ поръ и вѣрный ключъ къ исторической обработкѣ того, что оставили по себѣ эти комиссіи, и будетъ служить важнымъ пособіемъ для послѣдующихъ работъ по исторіи крестьянской реформы. Практическая польза сочиненія г. Скребицкаго увеличивается еще тѣмъ, что въ немъ нашли себѣ мѣсто, хотя и въ пяти большихъ книгахъ, однако въ значительно меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ документахъ, изданныхъ оффиціальнымъ путемъ и отчасти составляющихъ уже и теперь библіографическую рѣдкость,—все самое существенное изъ трудовъ редакціонныхъ комиссій и губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

II.

Иезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II и до нашего времени. Часть 2-я. Сочиненіе свящ. М. Морошкина. С.-Петербургъ, 1870 г.

Первая часть этого сочиненія уже являлась на судъ Академіи три года тому назадъ, въ числѣ трудовъ, участвовавшихъ въ одиннадцатомъ соисканіи Уваровскихъ наградъ, и была удостоена преміи. Съ тѣхъ поръ талантливый авторъ ревностно продолжалъ трудиться надъ довершеніемъ своей задачи, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ довести ее до конца: неожиданная и ранняя кончина пресѣкла полезную учено-литературную дѣятельность отца Морошкина, прежде чѣмъ онъ дописалъ послѣднія главы своего оживленнаго и подробнаго разсказа о судьбѣ іезуитскаго ордена въ нашемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, вторая часть сочиненія, которая должна была обнимать собою исторію іезуитовъ въ Россіи съ кончины

Императора Павла I и до нашего времени, была доведена лишь до 1811 года. Въ такомъ видѣ она и явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, дополненная нѣсколькими матеріалами, приготовленными имъ для послѣднихъ главъ. Принявъ эту книгу на соисканіе Уваровскихъ премій, Академія пригласила разсмотрѣть ее того же критика, сужденіе котораго о первой части этого сочиненія послужило Академіи основаніемъ для ея приговора объ ней. Въ составленной имъ рецензіи, А. Н. Поповъ заявляетъ, что вторая часть сочиненія отца Морошкина содержитъ въ себѣ, не менѣе первой части, любопытныя свѣдѣнія, тщательно собранныя, искусно обработанныя и стройно изложенныя. Имѣя въ виду благопріятный отзывъ писателя, который самъ изучалъ исторію іезуитскаго ордена и обогатилъ нашу литературу прекрасными статьями о политикѣ Римскаго Двора въ Россіи, Академія назначила за книгу отца Морошкина премію, которая вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ послѣднею данью уваженія Академіи къ памяти трудолюбиваго и даровитаго историка, преждевременно сошедшаго въ могилу.

III.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Ильи Муромецъ и богатырство Кіевское. Сочин. О. Миллера. С.-Петербургъ, 1870.

Подробный разборъ этой книги былъ составленъ академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

Взявъ предметомъ своего сочиненія Илью Муромца, г. Миллеръ сосредоточилъ около этого героя обширное изслѣдованіе вообще всѣхъ былинь о такъ называемомъ богатырствѣ Кіевскомъ. Изложеніе свое онъ начинаетъ съ эпизода о боѣ отца съ сыномъ, и, усматривая въ этомъ эпизодѣ связь Муромца съ Святогоромъ, переходитъ вообще къ богатырямъ старшимъ; затѣмъ предлагаетъ обстоятельную характеристику эпического князя Владиміра и его богатырей, туземныхъ и завѣжныхъ, проводитъ ее по былинамъ отъ самыхъ раннихъ преданій до позднѣйшихъ слѣдовъ татарщины, Ермака и казачества; потомъ цѣлую главу посвящаетъ калкамъ переходнымъ и отношенію Ильи Муромца къ Идолицу и князю Цареградскому, и наконецъ, предложивъ сравненіе Кіевскихъ былинь съ Новгородскими, заключаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ того значенія, какое имѣетъ періодъ Суздальскій въ развитіи нашего богатырскаго эпоса.

Обращаясь къ оцѣнкѣ труда г. Миллера, рецензентъ прежде всего разсматриваетъ методъ, котораго онъ держался.

До сихъ поръ, изслѣдователи были не брали на себя труда— критически разсмотрѣть всѣ извѣстныя редакціи и варіаціи, въ которыхъ является каждая былина, и для своихъ наблюденій довольствовались тѣмъ или другимъ ихъ пересказомъ, основываясь въ своемъ выборѣ на личномъ вкусѣ. Такое отношеніе къ матеріалу народнаго эпоса противорѣчило основнымъ правиламъ современной филологической критики. Г. Миллеру рецензентъ приписываетъ заслугу исправленія въ нашей ученой литературѣ этого существеннаго недостатка: первую задачею его труда было обстоятельное сравненіе всѣхъ редакцій и варіантовъ каждой былины. Само собою разумѣется, наука не останется при томъ, что только начато г. Миллеромъ; однако во всякомъ случаѣ продолжатели критической работы надъ нашимъ народнымъ эпосомъ будутъ признательны ему за починъ, на который онъ положилъ столько труда. Если бы онъ въ своей книгѣ ограничился только однимъ этимъ дѣломъ, то и тогда она, по словамъ г. Буслаева, заняла бы почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ.

Собравъ тексты нашего эпоса во всемъ ихъ разнообразномъ обиліи, г. Миллеръ приложилъ къ нимъ сравнительный методъ, выработанный нѣмецкими учеными. И прежде многіе сравнивали русскій эпосъ съ народною поэзіею другихъ народовъ; но это дѣлалось не систематически, по частямъ, болѣе случайно, такъ что эти попытки носили на себѣ явный характеръ односторонности. Чтобы устранить этотъ недостатокъ надобно было, запасшись обширными свѣдѣніями сравнительнаго изученія иностранныхъ литературъ, повсюду отыскивать сходное съ русскимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ внести русскій эпосъ въ сравнительное изученіе вообще народной поэзіи всѣхъ народовъ, поскольку этотъ предметъ доступенъ современной наукѣ. Задача трудная и уже по тому въ настоящее время не разрѣшимая, что сравнительная наука далеко еще не обошла того громаднаго цикла народностей, который ей предстоитъ. Впрочемъ, г. Миллеръ предусмотрительно ограничилъ область своихъ сравнительныхъ наблюденій: во-первыхъ, онъ сосредоточивается на родственныхъ индо-европейскихъ народностяхъ, и особенно останавливается на эпосѣ германскомъ, какъ наиболѣе разработанномъ; во-вторыхъ, входитъ въ сближенія русскаго эпоса съ поэзіею родственныхъ намъ славянъ, особенно сербовъ, и наконецъ, смѣняя кругъ сравненій съ русскою на-

родностью, проводить параллели между быльями и сказками, загадками, лѣтописными сагами, мѣстными преданіями и проч. Кроме сродства племеннаго, онъ допускаетъ сродство по одинаковости умственнаго и нравственнаго развитія народовъ въ такъ называемомъ эпическомъ періодѣ. Что касается до теоріи заимствованія, то авторъ, находя ее примѣнимою къ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, объясняемымъ дѣйствительно историческимъ вліяніемъ, признаетъ ее непригодною для изслѣдованія такихъ самородныхъ памятниковъ народной жизни, какъ наши былины.

Своими началами былинный эпосъ восходитъ къ доисторической эпохѣ созданія мифовъ, и потомъ, обособляясь вмѣстѣ съ языкомъ, прикрѣпляется къ родной мѣстности, и развиваясь въ теченіе извѣстнаго періода, вноситъ въ свое содержаніе черты народнаго быта и главнѣйшія историческія черты. Такую разновременную смѣсь элементовъ авторъ называетъ *словнымъ составомъ* народнаго эпоса, и всю свою книгу посвящаетъ наблюденію надъ нимъ въ нашихъ былинахъ.

Для опредѣленія мифическихъ основъ русскаго эпоса, онъ пользуется сравнительною мифологіею, прилагая теорію такъ называемой мифологіи природы къ объясненію древнѣйшихъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ богатырскихъ личностей и дѣлъ, для общей же характеристики эпическихъ походженій онъ руководствуется установленными въ наукѣ, такъ называемыми сказочными формулами. — Въ отношеніи послѣднихъ, г. Миллеръ, по отзыву рецензента, пришелъ къ результатамъ вполне удовлетворительнымъ при настоящемъ состояніи науки; что же касается общихъ принциповъ, къ которымъ авторъ, на основаніи мифологіи природы, старается подвести разнообразныя данныя нашего былиннаго эпоса, то принятую имъ теорію борьбы двухъ элементовъ изъ за третьяго, рецензентъ находитъ едва ли соотвѣтствующею строгимъ требованіямъ науки. При всемъ томъ, г. Буслаевъ признаетъ, что г. Миллеръ оказалъ несомнѣнную услугу наукѣ, внесеніемъ нашихъ богатырей въ циклъ мифическихъ существъ поскольку наши былины своими ранними основами соприкасаются съ мифомъ. Но добросовѣтность и предусмотрительность автора не допускаютъ его сказать въ этомъ дѣлѣ послѣднее слово, и остановиться на окончательно признаваемыхъ имъ результатахъ, такъ какъ, по его собственному справедливому замѣчанію, еще трудно отличить мифъ отъ исторіи.

Отдавая полную справедливость общесравнительному методу,

которому посвящена большая часть книги г. Миллера, рецензентъ сожалѣетъ, что и прочія научныя средства для изслѣдованія нашего эпоса, т. е. средства лингвистическія и историческія, не доведены въ ней до такой же полноты и не уравновѣшены со средствами сравнительными. Хотя г. Миллеръ иногда и касается лингвистическихъ соображеній, однако заимствуетъ ихъ изъ вторыхъ рукъ, и поэтому не можетъ относиться къ нимъ критически и самостоятельно. Между тѣмъ, еслибы онъ по всей своей книгѣ провелъ въ стройной системѣ элементъ лингвистическій, то, безъ сомнѣнія, придалъ бы болѣе прочности своимъ изысканіямъ, какъ по мѣологии, такъ и по народному быту. Средствами историческими, т. е. литературными письменными памятниками нашей старины, освѣщенными критикою историческою въ собственномъ смыслѣ слова и критикою филологическою, состоящею въ изслѣдованіи устныхъ былинъ въ связи съ письменными памятниками, г. Миллеръ хотя и пользуется, гдѣ представляется къ тому случай, однако не съ тою полнотою, которой требовали эти пособія. Отсюда произошло, что у него явилось много упущеній, которыя бросаются сами собою въ глаза при чтеніи книги. Указавъ на главныя изъ нихъ, рецензентъ переходитъ къ результатамъ, къ которымъ привелъ автора его методъ изслѣдованія.

Во-первыхъ, онъ доказываетъ *своеобразность и цѣльность* нашего эпоса, употребляя для своихъ изслѣдованій преимущественно методъ сравнительный, въ томъ научномъ смыслѣ, какъ этотъ методъ принять въ сравнительномъ языковѣдѣніи и сравнительной мѣологии. Но такъ какъ эта своеобразность и цѣльность могли развиваться и окрѣпнуть только путемъ исторической формаціи русской народности, то въ этомъ отношеніи у автора встрѣчается много пробѣловъ, при всемъ его желаніи время отъ времени прикрѣплять сравнительные выводы къ историческимъ и бытовымъ фактамъ. Если бы г. Миллеръ постоянно и тверже держался народной почвы, бытовой и исторической, то имѣлъ бы возможность съ болѣею основательностью историческое своеобразіе нашего эпоса противопоставить эпосу германскому. Съ другой стороны, чтобы опредѣлить цѣльность нашего эпоса, надобно было бы понять его во всей его первоначальной, органической цѣлости, какъ онъ является въ лѣтописныхъ сказкахъ, житіяхъ святыхъ, мѣстныхъ преданіяхъ, названіяхъ урочищъ, и проч. Былины же составляютъ только часть этого цѣлага, которое и должно быть собственно названо русскимъ народнымъ эпосомъ.

Во-вторыхъ, авторъ называетъ нашъ эпосъ *простонароднымъ*, слѣдую общепринятому предрасудку. На это рецензентъ замѣчаетъ, что рѣзкое разграниченіе такъ называемаго образованнаго класса людей отъ простонародной массы возникло только въ позднѣйшее время, и если принять въ соображеніе, сколько былиннаго вошло въ наши лѣтописи и другіе письменные памятники, даже позднѣйшіе, то всѣ эти произведенія древней русской литературы придется назвать простонародными.

Въ-третьихъ, г. Миллеръ, при сопоставленіи русскаго эпоса съ германскимъ, признаетъ первый *болѣе сочувственнымъ*. Сочувствіе къ своему, родному, и особенно въ дѣлѣ народности и народной поэзіи, по замѣчанію рецензента, есть такое естественное явленіе, общее всѣмъ народамъ, и цивилизованнымъ и дикимъ, что о немъ не стоило бы и распространяться, если бы это чувство, воспитанное предвзятою теоріею славянофиловъ, было для г. Миллера только источникомъ воодушевленія въ его трудныхъ изслѣдованіяхъ, а не примѣшивалось бы къ чисто научнымъ выводамъ, которые должны быть далеки отъ всякаго личнаго увлеченія. Авторъ съ удивительною скромностью называетъ себя ученикомъ и послѣдователемъ славянофиловъ, между тѣмъ какъ все достоинство его книги составляетъ такое дѣло, которымъ славянофилы всего менѣе занимались, а именно сравнительное изученіе нашего эпоса, самое обстоятельное и добросовѣстное. Поэтому напрасно онъ увѣряетъ, что предпринялъ этотъ утомительный трудъ для того только, чтобы убѣдиться въ истинѣ основныхъ заключеній объ этомъ предметѣ нашихъ славянофиловъ: сравнительныя параллели, которыми онъ сопровождаетъ разборъ нашихъ былинъ, имѣютъ, по мнѣнію г. Буслаева, важное для науки безотносительное значеніе.

Указавъ такимъ образомъ на достоинства и на недостатки труда г. Миллера, рецензентъ заключаетъ, что не смотря на эти послѣднія, изслѣдованіе г. Миллера, по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности, оставляетъ за собою далеко все то, что до сихъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу.

IV.

Опытъ возстановленія и объясненія Песторовой лѣтописи. I. Изслѣдованіе о Свенелдѣ и Угличахъ. Н. Ламбина. (Рукопись.)

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ академикомъ А. Ѳ.

Бычковымъ; кромѣ того академикъ Куникъ сообщилъ комиссіи нѣсколько своихъ замѣчаній относительно одной части этого труда.

Г. Ламбинъ уже извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ между прочимъ удачнымъ возстановленіемъ одного испорченнаго мѣста «повѣсти временныхъ лѣтъ». Нынѣ онъ снова обратилъ свое вниманіе на лѣтопись Нестора и, въ представленномъ трудѣ, поставилъ себѣ задачею исправить и объяснить текстъ нѣкоторыхъ мѣстъ, касающихся Свѣнельда, или Свенальда и Угличей.

Свѣнельдъ—выдающаяся личность въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Сподвижникъ и совѣтникъ Игоря, Ольги, Святослава и Ярополка, покоритель Угличей, участникъ въ погромѣ Древлянъ, въ войнѣ Святослава съ Печенѣгами и въ заключеніи мирнаго договора съ Греками, наконецъ виновникъ печальной распри между сыновьями Святослава, онъ заслуживаетъ того, чтобы текстъ тѣхъ мѣстъ въ лѣтописи, которыя къ нему относятся, былъ возстановленъ и объясненъ надлежащимъ образомъ. Такого же вниманія заслуживаютъ и тѣ мѣста въ ней, гдѣ говорится объ Угличахъ, которыхъ самое существованіе отвергается нѣкоторыми историками.

Приступая къ разрѣшенію своей задачи, которую, безъ сомнѣнія, ни одинъ историкъ не назоветъ маловажною и бесплодною для науки, авторъ счелъ нужнымъ дословно сличить по всѣмъ спискамъ тѣ лѣтописныя сказанія, въ которыхъ упоминается имя Свѣнельда, критически разобрать ихъ, указавъ при этомъ, какія изъ нихъ и въ какомъ именно видѣ могутъ и должны принадлежать Нестору, и на основаніи этого разбора рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) Какъ именно назывался воевода Игоря и Святослава, доселѣ обыкновенно именуемый у насъ Свѣнельдомъ?

2) Нестору ли или новѣйшему автору, какъ полагаютъ Карамзинъ, принадлежитъ сказаніе о войнѣ Свѣнельда съ Угличами, помѣщенное подъ 914-мъ годомъ во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи, но не встрѣчающееся въ древнихъ?

3) Изъ какого первоначальнаго, правильнаго чтенія могли, съ наибольшею вѣроятностію, возникнуть тѣ, явно испорченныя выраженія нашихъ списковъ, которыя, въ упомянутомъ сказаніи объ Угличахъ, представляютъ доселѣ камень преткновенія для изслѣдователей?

4) Было ли у насъ два Свѣнельда, какъ догадывался Шлецеръ, или только одно историческое лицо извѣстно подъ этимъ именемъ въ нашей лѣтописи, и если одно, то почему оно, въ про-

долженіе шестидесяти - трехъ - лѣтняго своего поприща, является дѣйствующимъ только въ немногіе годы, а именно только въ началѣ и въ концѣ княженія Игоря и Святослава и въ первую пору княженія Ярополка?

5) Наконецъ, что значить и откуда происходитъ выраженіе *тоже а отецъ Мистишинъ*, присоединенное во всѣхъ спискахъ къ имени Свѣнelda подь 945-мъ годомъ, при самомъ началѣ повѣсти объ Ольгиной мести?

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то г. Ламбинъ, рассмотрѣвъ множество вариантовъ имени Свѣнelda, встрѣчающихся въ спискахъ лѣтописи, даетъ предпочтеніе чтенію Свенгелдъ, при чемъ объясняетъ его производствомъ отъ скандинавскихъ словъ Sven и haelad и ссылкой на греческую транскрипцію этого имени у Льва Діакона. Рецензентъ, а равно и академикъ Куникъ, отдавая справедливость пріемамъ, употребленнымъ авторомъ для рѣшенія этого вопроса, тѣмъ не менѣе считаютъ его предположенія не вполне доказанными и находятъ болѣе правильнымъ чтеніе *Сатнальдъ*.

Изъ сопоставленія тѣхъ мѣстъ лѣтописи, которыя относятся къ вопросу о томъ, было ли у насъ два Свѣнelda, и почему онъ въ лѣтописи является дѣйствующимъ лицомъ только дважды, г. Ламбинъ обначаетъ несостоятельность предположенія Шлецера и, показывая связь между первымъ извѣстіемъ о Свѣнeldѣ и послѣднимъ, приходитъ къ убѣжденію, что лѣтописный Свѣнelda былъ одно лицо. Затѣмъ, авторъ вдается въ разъясненіе того, что значать присоединенныя къ этому имени, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, слова *тоже отецъ Мистишинъ*, которыя служили поводомъ къ многимъ толкованіямъ и спорамъ. Разобравъ всѣ существующія до сихъ поръ мнѣнія по этому вопросу и доказавъ, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ критики, г. Ламбинъ убѣждается что это не болѣе какъ вставка, а притомъ искаженная, которая, будучи сначала кѣмъ нибудь записана на поляхъ лѣтописи, впоследствии, при перепискѣ, попала въ текстъ ея, и что читать ее слѣдуетъ: «тъ же оцъ мстивъ снѣ», т. е. «это отецъ, мстившій за сына». Эту, по словамъ рецензента, удачную и не представляющую ничего невѣроятнаго догадку г. Ламбина подтверждаютъ съ одной стороны многіе списки лѣтописи, въ которыхъ сохранились на поляхъ подобныя объясненія, или глоссы, сдѣланныя читателями, а также небольшое число рукописей, въ которыхъ глоссы внесены въ текстъ позднѣйшими переписчиками.

Переходя къ вопросу объ Угличахъ, авторъ разбираетъ тѣ причины, которыя дали Карамзину поводъ усумниться въ ихъ существованіи, а затѣмъ дѣлаетъ предположенія объ ихъ наименованіи и мѣстѣ жительства, а также объ ихъ исторіи въ тотъ промежутокъ времени, котораго касается его послѣдованіе. Здѣсь г. Ламбинъ, во многихъ случаяхъ счастливо восстанавливаетъ испорченный текстъ лѣтописи и опровергаетъ установившіяся мнѣнія историковъ; но въ то же время онъ иногда пускается въ такія догадки, которыя рецензентъ находитъ неизбѣжными прочной фактической опоры, а потому недостаточно убѣдительными и даже голословными. Таковъ предлагаемый имъ очеркъ жизни Свѣслѣда, его гипотеза о существованіи въ Кіевѣ, въ первую эпоху русской исторіи, греческаго агентства, его предположеніе о томъ, что основу лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси составляетъ оффиціальная реляція этого агентства объ убіеніи Аскольда и Дира и объ утверженіи въ Кіевѣ Олега, и т. под.

Несмотря на эти недостатки, трудъ г. Ламбина имѣетъ, по мнѣнію г. Бычкова, важное значеніе какъ для объясненія Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и для первоначальной исторіи Руси. Академикъ Кушкѣ, съ своей стороны, находитъ, что г. Ламбину сверхъ того принадлежитъ та заслуга, что онъ сдѣлалъ первый опытъ строго научнаго разбора и правильной оцѣнки одного важнаго для нашей исторіи древняго памятника, а именно открытой извѣстнымъ византинистомъ Газе Записки Таврическаго анонима, и что кромѣ того онъ старался, на основаніи славянскихъ, византійскихъ и восточныхъ источниковъ, разъяснить постепенное распространеніе древне-русскаго владычества отъ Днѣпра до низовьевъ Дуная и далѣе до побережья Боспора Киммерійскаго и Таманскаго полуострова. По отзыву г. Куника, тѣ причины, отъ которыхъ произошло въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣковъ названіе «Русскаго моря», становятся теперь болѣе ясными, и услуга наукѣ, оказанная въ этомъ случаѣ г. Ламбинымъ, должна быть признана всякимъ, кто возьмется впоследствии за дальнѣйшія разысканія объ этомъ предметѣ, и въ особенности объ исторіи древне-русской торговли.

Въ соисканіи Уваровскихъ премій за драматическія произведенія въ настоящемъ году участвовало четыре пьесы, а именно три печатныя и одна рукописная. Разсмотрѣніе ихъ и произнесеніе о нихъ приговора было возложено Конференціею Академіи на осо-

бую комиссію, состоящую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академиковъ И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Θ. Бычкова, В. В. Вельяминова-Зернова и В. П. Безобразова. Впослѣдствіи, по случаю отсутствія гг. Срезневскаго и Вельяминова-Зернова изъ Петербурга, ихъ мѣсто, въ составѣ комиссіи, заступали А. А. Куникъ и Д. М. Перевощиковъ.

Ознакомившись съ переданными на ея разсмотрѣніе произведеніями, комиссія поручила одному изъ своихъ членовъ, А. В. Никитенко, составленіе рецензій. По выслушаніи ихъ комиссія, въ засѣданіи 10-го сентября, приступила къ окончательному сужденію о томъ, въ какой степени каждая изъ конкурсныхъ пьесъ соотвѣтствуетъ условіямъ, начертаннымъ въ правилахъ о раздачѣ Уваровскихъ наградъ за драматическія сочиненія. При этомъ комиссія нашла, что и на нынѣшній конкурсъ, какъ и на многіе предшествовавшіе, явились пьесы, представляющія собою тѣ или другія несомнѣнныя достоинства, но что ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ совокупности тѣхъ требованій, какія Положеніемъ объ Уваровскихъ наградахъ указаны для присужденія премій. Поэтому комиссія признала, что въ настоящемъ году не можетъ быть присуждена кому-либо премія за драматическое произведеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ Академія сожалѣетъ, что въ ея распоряженіи нѣтъ какихъ нибудь другихъ средствъ для публичнаго признанія съ ея стороны достоинствъ нѣкоторыхъ конкурсныхъ пьесъ.

Въ заключеніе Академія сочла долгомъ выразить свою признательность гг. постороннимъ рецензентамъ, за содѣйствіе, которое они оказали ей составленіемъ разборовъ конкурсныхъ произведеній; пяти же изъ нихъ, а именно: Н. В. Калачову, Н. П. Семенову, В. В. Ягичу, А. Е. Станкевичу и О. Θ. Готвальду, она назначила золотыя Уваровскія медали.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА СКРЕБИЦКАГО:

«Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II»,
4 тома въ 5 книгахъ, въ 8 д. л., СЛХ и 5223 стр. Боннъ на Рейнѣ.
1862 — 1868 года.

Рецензія Н. П. Семенова.

Безъ сомнѣнія, никакая реформа въ государствѣ не произвела такого переворота въ бытѣ народа, какъ крестьянская реформа въ Россіи. Съ манифеста 19 февраля 1861 года начинается новая эпоха жизни русскаго народа. Всѣ наши послѣдующія преобразованія по разнымъ частямъ государственнаго управленія имѣютъ началомъ Положеніе 19 февраля. Если мы возьмемъ судебную реформу, осуществленную уставами 1864 года, то увидимъ, что она была вызвана освобожденіемъ крестьянъ. Не касаясь формы, которую получило у насъ новое судебное устройство, мы должны признать, что прежній судъ, по крайней мѣрѣ гражданскій, существовалъ не для всѣхъ сословій, потому что крѣпостные люди не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ, никакой собственности, а слѣдовательно и не могло возникнуть у нихъ никакихъ гражданскихъ дѣлъ, такъ что въ этомъ отношеніи правительство какъ бы и не знало ихъ. Только съ 1847 года разрѣшено было имъ приобретать, съ дозволенія помѣщика, въ собственность землю, на свое имя, но это право было такъ обставлено и такъ противорѣчило всему прошлому законодательству о помѣщичьихъ крестьянахъ, что не внесло никакой перемѣны въ гражданскую жизнь народа и вовсе почти

не осуществлялось. Дарованіе же, съ освобожденіемъ крестьянъ, гражданской полноправности болѣе чѣмъ двадцати милліонамъ личностей, при наступленіи новыхъ порядковъ и отношеній, требовало настоятельно реформы въ нашемъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ, потому что прежнихъ судебныхъ мѣстъ было бы совершенно недостаточно и по количеству и по составу ихъ для разбора дѣлъ и споровъ, имѣющихъ возникать изъ новыхъ гражданскихъ отношеній прибывшаго, можно сказать, болѣе чѣмъ двадцати-милліоннаго населенія въ Россіи.

Къ учрежденію земства привело насъ освобожденіе крестьянъ, въ основу котораго, при разработкѣ новаго устройства ихъ быта, положены были начатки самоуправления.

Расширеніе свободы печати, дарованное 6 апрѣля 1865 года, было также вызвано крестьянской реформой. При разработкѣ крестьянскаго дѣла въ губернскихъ комитетахъ не было еще допущено гласности, и циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 21 января 1858 года дано было знать начальникамъ губерній, «что ни постановленія комитетовъ, ни извлеченія изъ нихъ не только не могутъ и не должны быть помѣщаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ (какъ это случилось въ одной губерніи), но, согласно постановленію главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, не должны быть ни печатаемы, ни литографируемы, даже для самихъ губернскихъ комитетовъ»¹⁾; тѣмъ не менѣе, въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу обнаружилась несостоятельность письменнаго дѣлопроизводства при составленіи проектовъ освобожденія крестьянъ, почему редакціонныя комиссіи получили уже разрѣшеніе печатать свои труды, по мѣрѣ ихъ разработки²⁾. Разсылка журналовъ общаго присутствія редакціонныхъ комиссій и докладовъ ихъ отдѣленій, печатавшихся въ 3000 экземплярахъ, разнымъ лицамъ въ губерніи и извѣстная степень гласности дѣйствій правительства убѣдили его, что въ обнародованіи видовъ его и предположеній нѣтъ той опасности, которая представлялась тогда нѣкоторымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что гласность и даже нѣкоторая публичность дѣйствій правительства получили начало въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу. Съ того же

¹⁾ Сборн. Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ 1861 г. Т. I, стр. 221 и 222.

²⁾ См. мою статью: Дѣятельность Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣст. за 1864 г. № 10, стр. 507 и 508 и № 12, стр. 485.

времени приложение печатнаго станка сдѣлалось обыкновеннымъ и во всѣхъ послѣдующихъ комиссіяхъ, занимавшихся преобразованіемъ разныхъ частей управленія, и въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ.

Мятежь въ Царствѣ Польскомъ, охватившій въ 1863 году и наши западныя губерніи, когда польскіе помѣщики думали воспользоваться совершаемымъ правительствомъ преобразованіемъ и направить освобожденіе крестьянъ къ своимъ особымъ цѣлямъ, поднялъ духъ освобожденнаго народа и возбудилъ общественное мнѣніе; тогда возникла у насъ новая, такъ называемая, политическая литература.

Если продолжать обзоръ событій, то окажется, что во всемъ, что Россія вынесла перемѣнъ съ 19 февраля 1861 года, на все болѣе или менѣе, прямо или косвенно, имѣла вліяніе крестьянская реформа.

Преобразования Петра и мудрая, національная политика Екатерины II сообщили Россіи то могущество, которое держало ее до сего времени въ ряду первостепенныхъ европейскихъ державъ, ими увеличена была русская государственная область, но безъ сомнѣнія одно только освобожденіе крестьянъ можетъ открыть Россіи ту духовную высоту, на которой должно обнаружиться проявленіе ея силъ въ умственной области, на поприщѣ науки и искусствъ; одна гражданская свобода всѣхъ состояній въ государствѣ можетъ довести ее до того развитія, при которомъ она, въ общемъ равновѣсіи европейскихъ державъ, тяготѣла бы не одною своею массою и пространствомъ, но сдѣлалась бы вкладчицею въ общую сокровищницу труда и мысли произведеній самобытнаго творчества своего народа.

Если таково значеніе освобожденія крестьянъ, то становится понятнымъ, какую должень имѣть цѣну въ глазахъ русскаго чело-вѣка всякій трудъ, относящійся до разработки всей исторіи этого великаго переворота, или какой нибудь части ея, до приведенія въ порядокъ, въ видахъ ихъ сохраненія, матеріаловъ, которые оставило намъ печатно или письменно это событіе, совершившееся въ наши дни; понятно, какого вниманія заслуживаетъ самый процессъ всего развитія этой государственной реформы.

Историческая обработка дѣла освобожденія крестьянъ, раскрытіе существенной связи всѣхъ предположеній, какъ они дѣлались и принимались или отвергались въ свое время, какъ они вытекали одни изъ другихъ и какими вызывались обстоятельствами, въ хро-

нологической послѣдовательности, въ доступной для чтенія формѣ, принесло бы въ настоящее время неоцѣненную пользу въ отношеніи къ предпринимаемымъ и стоящимъ на очереди преобразованіямъ, вызваннымъ, какъ я сказалъ выше, и вызываемымъ еще освобожденіемъ крестьянъ, по разнымъ частямъ управленія. При существованіи такого труда можно было бы постоянно давать себѣ отчетъ, какъ осуществились и осуществляютъ въ самой жизни народа Положенія 19 февраля. Безъ этого слѣдить за ходомъ ихъ развитія, по неразработанному и не приведенному ни въ историческую, ни въ хронологическую связь матеріалу, нѣтъ возможности, особенно когда онъ такъ огроменъ и до сихъ поръ, строго говоря, не былъ приведенъ ни въ какой порядокъ. По судебной реформѣ сдѣлано было бывшимъ статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта С. И. Заруднымъ руководящее изданіе: «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, изд. Госуд. Канцеляріи, Санктпетербургъ, 1866 года». Если бы что нибудь хотя въ этомъ родѣ было сдѣлано и для крестьянской реформы, то это могло бы служить нѣкоторымъ пособіемъ къ болѣе вѣрному пониманію основаній крестьянской реформы, и правительству, имѣя всегда подъ глазами подобное руководящее изданіе, могло бы съ болѣе яснымъ сознаніемъ устранять свосременно все, что оказывается по опыту ненужнымъ или даже вредитъ народному благосостоянію и напротивъ поддерживать и усиливать дѣйствіе того, что полезно и необходимо для поднятія народныхъ силъ; законодательство не можетъ оставаться безъ движенія въ живомъ организмѣ общества, но только то изъ него имѣетъ задатки жизни, что соотвѣтствуетъ улучшенію быта и духовному развитію народа. На-примѣръ, крестьянскій волостной судъ созданъ въ свое время Положеніемъ о крестьянахъ при послѣднемъ переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, когда болѣе двадцати милліоновъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ готовились вступитъ въ новую, полноправную жизнь, когда имъ сдѣлался необходимъ гражданскій судъ отъ правительства, для разбора имѣющихъ возникать между ними тяжбъ и споровъ, въ разрѣшеніи которыхъ они прежде обходились однимъ домашнимъ судомъ, разбирались по обычаю, часто извѣстному только въ одной деревнѣ, который, при старыхъ отношеніяхъ, былъ для нихъ удовлетворителенъ. Учредить для нихъ судъ немедленно, на юридическихъ началахъ, не было никакой возможности, тѣмъ болѣе что правительство уже сознавало тогда необходимость общаго преобразованія всей судеб-

ной части. Оно его и совершило, на новыхъ основаніяхъ, не принимая въ соображеніе никакихъ сословныхъ дѣленій. Послѣ этого какой же смыслъ и значеніе можетъ имѣть сословный, сельскій судъ — учрежденіе созданное временно, по необходимости и напоминающее первобытное состояніе общества, учрежденіе не руководствующееся закономъ, по невѣденію и безграмотности судей?— я уже не буду говорить о томъ, какъ осуществляется этотъ судъ въ сельской жизни, и какую услугу онъ приноситъ крестьянскому быту. Если бы эта мысль представилась въ свое время ясно составителямъ судебныхъ уставовъ, безъ сомнѣнія этотъ судъ былъ бы упраздненъ съ ихъ введеніемъ, но въ такомъ случаѣ необходимость сообразоваться въ начертаніи законоположеній новаго судопроизводства и новаго судоустройства съ бытомъ всего народа и простотою его гражданскихъ отношеній привела бы естественно къ болѣе самостоятельной разработкѣ судебныхъ уставовъ, къ продолженію въ нихъ, если можно такъ выразиться, крестьянской реформы. При такомъ направленіи созданный крестьянскимъ положеніемъ институтъ мировыхъ посредниковъ, которые имѣли уже время и возможность ближе изучить сельскій бытъ и Положеніе о крестьянахъ, которые были уже и поставлены къ нимъ извѣстнымъ образомъ и сами выработали опредѣленные отношенія къ народной жизни, по всѣмъ вѣроятностямъ, не былъ бы оставленъ въ стороне, тогда какъ онъ могъ бытъ непосредственно обратиться въ институтъ мировыхъ судей, что представляло, безъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ болѣе удобствъ для тѣхъ, которые на содержаніе этихъ учрежденій должны расходовать собственные деньги. Теперь же созданъ новый, такъ сказать, двойной институтъ, призваны другіе мировые суды, какъ будто прежняго совѣтъ и не существовало, а мировые посредники потеряли отъ этого свое значеніе. Указанный практическій взглядъ на дѣло отвлекъ бы несомнѣнно нашихъ преобразователей отъ излишняго подражанія французской магистратурѣ, далеко несовершенной, которая возымѣла такое сильное и рѣшительное вліяніе на наши новыя судебныя учрежденія, и вообще можно сказать съ увѣренностію, что по всѣмъ частямъ управленія относительно финансовъ, народнаго просвѣщенія и т. д., вносъ, введенное вновь, не было бы вовсе сдѣлано, а другое сдѣлано было иначе, если бы не забывалось, что по сущности вещей всѣ совершенныя и имѣющія еще совершиться по разнымъ частямъ управленія реформы неразрывно связаны съ основаніями крестьянскаго Положенія, — другими словами, если бы при каждой новой рефор-

мѣ принимались въ соображеніе не одни высшіе, образованные классы общества, а вся масса народа. Наконецъ, можетъ быть сдѣлалось бы уже и то, что еще до сего времени вовсе не сдѣлано. Это показываетъ, что всестороннее, самое глубокое изученіе крестьянскаго дѣла необходимо въ настоящее время для всякаго государственнаго дѣятеля, который желаетъ, чтобы его дѣятельность была плодотворною. И само общественное мнѣніе и сама литература, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, сбиваются нерѣдко, отзываясь съ похвалами о такихъ мѣрахъ и введеніяхъ и привѣтствуя такія предположенія, которыя противорѣчатъ основаніямъ крестьянской реформы, оставляя напротивъ безъ вниманія или и нападая на то, что есть прямое развитіе ея началъ, на томъ пути, который ведетъ къ поднятію народнаго благосостоянія.

Но такой трудъ, который освѣтилъ бы этотъ путь, въ настоящее время встрѣтилъ бы конечно непреодолимые препятствія, и если бы еще могъ быть совершенъ, то не иначе, какъ по инициативѣ правительства, съ его разрѣшенія, при его средствахъ и подѣ его особымъ покровительствомъ.

При невозможности приступить въ настоящее время къ подобному труду, остается еще полезный трудъ разработки матеріаловъ по частямъ, сведенія ихъ въ одно цѣлое и приведенія ихъ всѣхъ въ надлежащій порядокъ,—однимъ словомъ, подготовленіе ихъ будущему историку.

Въ отношеніи именно крестьянской реформы, какъ начала новой жизни для Россіи, всякій такой, добросовѣстный и разумный трудъ, особенно если онъ еще совершенъ на частныя средства, когда на большое распространеніе такого изданія у насъ въ публикѣ трудно даже и рассчитывать, заслуживаетъ полнаго вниманія и поощренія. Матеріалъ, оставленный учрежденіями по крестьянскому дѣлу такъ великъ и такъ разнообразенъ, какъ сама реформа, затронувшая по существу своему всѣ стороны народной жизни и слѣдовательно одинъ только сводъ этихъ матеріаловъ требуетъ уже обдуманной разработки и такимъ образомъ представляетъ до извѣстной степени самостоятельную работу. По этимъ соображеніямъ нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ труда г. Скребицкаго. Онъ есть первая попытка разработки крестьянскаго дѣла.

Прежде чѣмъ приступимъ къ его подробному разсмотрѣнію, необходимо ознакомиться съ учрежденіями, которыя были созданы временно для начертанія Положеній объ освобожденіи крестьянъ. Всѣ они въ совокупности представляютъ тотъ механизмъ, въ ко-

торомъ каждое изъ нихъ служило какъ въ машинѣ колесо для переработки стараго матеріала въ новое произведеніе, предназначавшееся къ обновленію всего быта и строя Россіи, за тѣмъ нужно сдѣлать обзоръ матеріала, который оставили исторіи эти учрежденія.

Самымъ первымъ учрежденіемъ, возникшимъ по крестьянскому дѣлу, которое впрочемъ позже, именно 8 января 1858 года, получило формально и официально наименованіе *Главнаго Комитета*, былъ такъ называвшійся *особый комитетъ*, начавшій собираться съ 3 января 1857 года¹⁾. Онъ былъ учрежденъ «для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи».

Главный комитетъ имѣлъ свой, отдѣльный отъ прочихъ учреждений по крестьянскому дѣлу и опредѣленный кругъ дѣятельности. Въ ряду ихъ онъ представлялъ, во время составленія положеній, высшую, такъ сказать, и послѣднюю инстанцію, откуда всѣ постановленія восходили уже непосредственно на Высочайшее утвержденіе. При разсмотрѣніи и утвержденіи положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, отношеніе его къ Государственному Совѣту было какъ бы особаго, въ принципѣ временно созданнаго, спеціальнаго департамента Государственнаго Совѣта къ общему его собранію.

Къ официальной дѣятельности главнаго комитета относятся:

1) Извѣстные рескрипты 1857 года генераль-губернаторамъ и начальникамъ губерній, объ улучшеніи быта крестьянъ.

2) Высочайше утвержденныя начала, данныя въ руководство редакціоннымъ комиссіямъ, въ *журналахъ* главнаго комитета 26 октября 1858 года «о порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ и положеній губернскихъ комитетовъ» и 4 декабря того же года: «объ основаніяхъ, которыя должны служить руководствомъ при разсмотрѣніи проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ»²⁾.

3) Организанія учреждений по крестьянскому дѣлу и цѣлый рядъ административныхъ распоряженій, наставленій и переходныхъ

¹⁾ Печатная записка: Обзорѣніе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1861 г., стр. 4.

²⁾ Второе изд. редакціонныхъ комиссій, т. I, кн. I. стр. 199—211.

мѣръ въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ, посылавшихся губернскимъ властямъ во время разработки крестьянскаго дѣла ¹⁾).

4) Наконецъ, при окончательномъ разсмотрѣнн работы редакціонныхъ комиссіи, главному комитету принадлежатъ тѣ *измѣненія*, которыя послѣдовали въ проектѣ «Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», представленномъ туда комиссіями и составляющемъ 18-ю часть такъ называемаго перваго изданія матеріаловъ редакціонныхъ комиссіи, другими словами главному комитету относительно болѣе существенныхъ измѣненій принадлежитъ вся *разница* между положеніями о крестьянахъ, изложенныхъ въ этомъ 18 томѣ и положеніями, которыя были утверждены Его Императорскимъ Величествомъ и обнародованы 19 февраля 1861 года. Такъ наприм.: къ категоріи подобныхъ измѣненій принадлежитъ право, предоставленное помѣщикамъ слагать съ себя всѣ обязательства положеній 19 февраля относительно временно-обязанныхъ крестьянъ, уступкою имъ въ даръ одной четверти надѣла (12 ст. общаго, 122 и 123 ст. мѣстнаго полож. 19 февраля 1861 г. для губерній Великороссійскихъ, Новорос. и Бѣлорус.). Этого постановленія въ проектѣ редакціонныхъ комиссіи не было; такой надѣлъ получилъ въ послѣдствіи на народномъ языкѣ названіе спротскаго. Въ Государственномъ же Совѣтѣ не послѣдовало, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ особенно важныхъ измѣненій.

Главный комитетъ былъ первоначально составленъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова, «съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ тогда, когда Его Императорское Величество не изволитъ предсѣдательствовать въ ономъ», изъ 12 членовъ Государственнаго Совѣта: 1) Великаго Князя Константина Николаевича, который, послѣ кончины князя Орлова, былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, 2) графа Дмитрія Николаевича Блудова, 3) министра двора графа Владимира Ѳедоровича Адлерберга, 4) князя Павла Павловича Гагарина, 5) министра внутреннихъ дѣлъ Сергія Степановича Ланскаго, 6) барона Модеста Андреевича Корфа, который впрочемъ тогда же отказался совѣмъ отъ этого назначенія, 7) министра юстиціи графа Виктора Никитича Панина, 8) шефа жандармовъ князя Василя Андреевича Долгорукова, 9) главноуправляющаго путя-

¹⁾ Сборникъ правилъ распоряж. по устр. быта крестьянъ I томъ 1861 года и послѣдующіе.

ми сообщенія и публичными зданіями Константина Владиміровича Чевкина, 10) министра государственныхъ имуществъ Михаила Николаевича Муравьева, 11) Петра Фодоровича Брока и 12) Якова Ивановича Ростовцова ¹⁾.

Такимъ образомъ въ составъ главнаго комитета, при первоначальной его организаціи, вошло 13 лицъ.

Возникшимъ затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ учрежденіемъ были губернскіе комитеты, въ числѣ 46-ти, «для развитія основаній (изложенныхъ въ рескриптахъ 1857 года) и примѣненія ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерній или края». Они открывались послѣ 20 ноября 1857 года Высочайшими рескриптами «объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», по мѣру ихъ разсылки начальникамъ губерній, и сверхъ того двѣ общія коммисіи: Влѣнская и Кіевская.

Труды губернскихъ комитетовъ составляютъ отдѣльный по каждой губерніи проектъ объ улучшеніи быта крестьянъ, примѣненный къ мѣстности губерній. Сюда нужно отнести и письменные отзывы членовъ отъ губернскихъ комитетовъ, какъ ихъ представителей, поданные ими въ редакціонныя коммисіи и отпечатанные. Впрочемъ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Число членовъ губернскихъ комитетовъ не вездѣ было одинаково, смотря по тому, сколько было помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніи; такъ въ Вятской было весьма немного помѣщичьихъ крестьянъ, въ Пермской были только приписанные къ заводамъ.

Въ комитеты вошла самая большая масса дѣятелей по крестьянскому дѣлу, именно кромѣ 48 председателей, по числу всѣхъ губернскихъ комитетовъ и двухъ коммисіи, 999 членовъ и 416 кандидатовъ къ нимъ, на случай ихъ болѣзни, отсутствія или наконецъ выбытія, а всего 1463 человекъ ²⁾.

За сямъ идетъ въ томъ же хронологическомъ порядкѣ учрежденіе 4 марта 1858 года *Земскаго Отдѣла* при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи» ³⁾. Это учрежденіе составило тогда отдѣленіе центрального статистическаго комитета, существовавшаго уже и

¹⁾ Сборникъ Правит. распоряженій по устр. быта крестьянъ. С.-Петербургъ. 1861 года томъ 1, стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 334 — 380.

³⁾ Тамъ же, стр. 27 — 29.

прежде. Всѣ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и бумаги, до крестьянскаго дѣла относившіяся, докладывались ему и исходили изъ этого отдѣла. Съ образованіемъ редакціонныхъ комиссій онъ былъ въ послѣдствіи присоединенъ къ нимъ и подчиненъ имъ относительно занятій ¹⁾, которыя состояли въ приготовленіи и обработкѣ для нихъ нѣкоторыхъ матеріаловъ.

Къ документамъ дѣятельности, которыя оставилъ офиціально земскій отдѣлъ, слѣдуетъ отнести:

1) Дополнительные отношенія къ Высочайшимъ рескриптамъ 1857 года или *инструкцію министра внутреннихъ дѣлъ* губернскимъ комитетамъ.

2) Программу занятій губернскихъ комитетовъ 21 апрѣля 1858 г.

3) Рядъ различныхъ циркуляровъ и предписаній начальникамъ губерній въ продолженіе разработки крестьянскаго дѣла, исходившихъ непосредственно отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

4) Наконецъ къ работамъ собственно чиновниковъ земскаго отдѣла относится сводъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, составленный по программамъ, придуманной въ редакціонныхъ комиссіяхъ ²⁾ и вошедшей въ ихъ матеріалы, а также нѣкоторыя работы, составляющія «приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій».

Земскій отдѣлъ былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, изъ трехъ членовъ; одинъ изъ нихъ былъ непремѣнный и завѣдывалъ ходомъ дѣла и перепискою, слѣдовательно изъ 4-хъ лицъ. Канцелярію же его составляли два старшихъ редактора и два младшихъ, секретарь, журналистъ и библіотекаръ, общіе съ статистическимъ отдѣломъ центрального статистическаго комитета, всего семь человекъ.

15 іюля того же года была учреждена особая комиссія при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу: «для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ», а также для ближайшаго сношенія съ членами или депутатами отъ каждаго губернскаго комитета, которыхъ положено было вызвать «для представленія высшему правительству всѣхъ

¹⁾ См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русскій Вѣстн. за 1864 г. № 11, стр. 94.

²⁾ Тамъ же, № 10, стр. 498, 499, 503 и 504.

свѣдѣній, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта»¹⁾).

Это учрежденіе должно было составить рабочую такъ сказать комиссію изъ среды самаго главнаго комитета, подобно тому какъ при большихъ сѣздахъ, напримѣръ въ нашихъ дворянскихъ собраніяхъ при выборахъ всегда образуется особая комиссія изъ нѣсколькихъ членовъ для разработки разныхъ предложеній и вопросовъ. Но этотъ планъ дѣятельности не осуществился и съ открытіемъ редакціонныхъ комиссій къ нимъ перешелъ и пріемъ депутатовъ и вся разработка дѣла, и особая комиссія сама собой перестала существовать.

Оставленные ею для исторіи слѣды дѣятельности суть отдѣльныя рецензіи нѣкоторыхъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, сдѣланныя ея членами по тремъ или четыремъ губерніямъ, изъ которыхъ были представлены первые проекты положеній, напримѣръ, записки Я. И. Ростовцова о проектахъ положеній губернскихъ комитетовъ: Нижегородскаго, С.-Петербургскаго и Симбирскаго и другія²⁾. Подобныя записки гр. В. Н. Панина не вошли въ печатный матеріалъ. За тѣмъ эти занятія были совѣтъ оставлены.

Особая комиссія состояла изъ четырехъ членовъ, почему, для отличія отъ другихъ, можетъ съ большимъ удобствомъ называться комиссіей изъ четырехъ. Эти члены, назначенные по Высочайшему повелѣнію изъ членовъ главнаго комитета, были: министръ Внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, министръ Юстиціи гр. В. Н. Панинъ, министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ и Я. И. Ростовцовъ.

Сама комиссія при главномъ комитетѣ, въ журналѣ отъ 4 февраля 1859 года, приняла инициативу учрежденія редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу: «для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ, дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся». По акту учрежденія ихъ, редакціонныя комиссіи, открытыя 4 марта 1859 года,

¹⁾ См. Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ. С.-Петербургъ. 1861 года, т. I, стр. 31—33.

²⁾ Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій. С.-Петербургъ. 1859 года, т. I, кн. I, стр. 257—289.

получили организацію бюрократическаго порядка въ общей системѣ правительственной іерархіи, какъ всё прочія учрежденія по крестьянскому дѣлу, такъ что коммисіи должны были составлять какъ бы одно изъ звѣньевъ всей цѣпи этихъ учрежденій; но соизволеніе Государя на учрежденіе редакціонныхъ коммисій, выраженное съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ нихъ принялъ на себя Я. И. Ростовцовъ ¹⁾, измѣнило ихъ внутреннюю организацію, слитіемъ ихъ всѣхъ въ одну коммисію и поставило ее въ совершенно исключительныя отношенія ко всѣмъ другимъ учрежденіямъ по крестьянскому дѣлу, противныя тогдашнимъ понятіямъ о правительственныхъ учрежденіяхъ вообще, что отчасти послужило въ то время къ обвиненію ихъ въ присвоеніи непринадлежащей имъ власти относительно разрѣшенія вопросовъ, возникавшихъ по мѣрѣ развитія крестьянскаго дѣла.

Вслѣдствіе этого первоначально предполагаемаго ихъ устройства редакціонныя коммисіи сохранили до конца, вопреки ихъ сліянію, свое множественное названіе въ официальныхъ сношеніяхъ и печатныхъ документахъ. Ихъ можно охарактеризовать названіемъ съѣзда экспертовъ съ официальнымъ значеніемъ, для правительственныхъ цѣлей. Этими экспертами были лица, непринадлежавшія къ составу правительства, большею частію они и не состояли въ государственной службѣ; къ экспертамъ были какъ бы присоединены, въ качествѣ членовъ же, представители отъ нѣсколькихъ вѣдомствъ. Въ порядкѣ подчиненія, редакціонныя коммисіи стояли фактически, во все время ихъ занятій, въ непосредственномъ вѣденіи Государя Императора черезъ своихъ предсѣдателей, сначала Я. И. Ростовцова, а потомъ гр. В. Н. Панина, видѣ всякаго подчиненія государственнымъ учрежденіямъ, такъ что въ дѣйствительности онѣ представляли сами какъ бы отдѣльное въ государствѣ, временное учрежденіе ²⁾.

Редакціонныя коммисіи составили окончательно Положенія 19 февраля, въ числѣ 17 проектовъ, именно: *Общія положенія* 1) о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, 2) объ устройствѣ дворовыхъ людей, 3) о выкупѣ, 4) о губернскихъ и уѣзд-

¹⁾ См. мою замѣтку: «Взглядъ Я. И. Ростовцова на дѣло освобожденія крестьянъ». Современная лѣтопись (при Московскихъ вѣдомостяхъ), февраль, 1864 года № 7, стр. 6.

²⁾ См. статью мою: «Вызовъ и пріемъ депутатовъ». Русск. Вѣстникъ за 1868 годъ № 11, стр. 84.

ныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, 5) правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: *Мѣстные положенія* о земельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, 6) въ губерніяхъ: Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ, 7) въ губерніяхъ Малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской, 8) въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской, 9) въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской; *Дополнительныя правила* 10) объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о особѣи симъ владѣльцамъ, 11) о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства министерства финансовъ, 12) о крестьянахъ и рабочихъ, отбывающихъ работы при Пермскихъ частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, 13) о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: 14) въ землѣ Войска Донскаго, 15) въ Ставропольской губерніи, 16) въ Сибири и 17) о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области.

Все Высочайше утвержденное Положеніе 19 февраля, съ указами правительствующему сенату, манифестомъ и приложениями, заключаетъ 374 печатныя страницы въ листъ, и въ немъ общія положенія составляютъ 636 статей, мѣстные положенія—981, дополнительные правила—192, а все вмѣстѣ—1809 статей.

Редакціонныя комиссіи состояли изъ 17 членовъ отъ правительства, принадлежавшихъ девяти вѣдомствамъ: по *три*: отъ министерствъ: 1) внутреннихъ дѣлъ и 2) государственныхъ имуществъ; по *два*: 1) отъ государственной канцеляріи, 2) отъ министерства юстиціи, 3) отъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и 4) отъ министерства финансовъ; по *одному*: 1) отъ комиссіи главнаго комитета, 2) отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и 3) отъ вѣдомства опекунскаго совѣта и 21-го члена-эксперта, приглашенныхъ изъ разныхъ мѣстностей или полюсъ Россіи, а всего изъ 38 человекъ, изъ коихъ одинъ членъ-экспертъ былъ неприсутствующимъ членомъ, но письменно участвовалъ въ трудахъ комиссій, а одинъ совершенно устранилъ себя отъ всякаго участія въ занятіяхъ, почему слѣдуетъ

считать 37 членовъ ¹⁾. Кроме того при комиссіяхъ для обработки разныхъ справокъ при докладахъ отдѣлений, составленія вѣдомостей и т. п. было приглашено председателемъ нѣсколько лицъ, по простому найму, подъ именемъ, какъ выражался Я. И. Ростовцовъ, «молодыхъ людей» ²⁾.

27 марта того же года, равнымъ образомъ по инициативѣ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, была образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссія о *губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ*: «для начертанія проектовъ новыхъ узаконеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи и объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, а также для дальнѣйшаго развитія утвержденныхъ Его Величествомъ началъ къ устройству городской полиціи».

Эта комиссія имѣла настоящій характеръ всѣхъ комиссій временно учреждаемыхъ правительствомъ, она была составлена единственно изъ чиновниковъ; но такъ какъ она была учреждена уже послѣ редакціонныхъ, куда были введены въ составъ эксперты, то эта мысль отразилась и на составѣ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ; именно, въ видѣ экспертовъ приглашены были въ составъ ея нѣкоторые начальники губерній, одни постоянно, на все время ея существованія, другіе временно, если пріѣзжали тогда въ Петербургъ.

Произведеніями этой комиссіи были:

1) Проектъ о судебныхъ слѣдователяхъ.

2) Проектъ «о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ по крестьянскому дѣлу».

Первый проектъ былъ представленъ изъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ прямо въ главный комитетъ и Государственный Совѣтъ, а проектъ о мировыхъ посредникахъ былъ предварительно переданъ въ редакціонныя комиссіи, гдѣ подвергся совершенной переработкѣ во всѣхъ своихъ основаніяхъ ³⁾.

Комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ состояла, подъ председательствомъ Н. А. Милютина, изъ пяти членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, *двухъ* отъ министерства юстиціи,

¹⁾ Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ, т. I, стр. 263 — 266 и Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ 1864 г. № 10, стр. 468 — 469; № 11, стр. 125 и № 12, стр. 464.

²⁾ Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ 1864 г. № 10, стр. 477.

³⁾ См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. А. Скребицкаго. Заря за 1871 г. № 1. Январь, стр. 37 въ выноскѣ.

по одному: отъ министерствъ 1) государственныхъ имуществъ, 2) финансовъ, 3) военнаго, 4) отъ главнаго управленія путями сообщеній и публичныхъ зданій, 5) отъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцелярїи, 6) отъ государственной канцелярїи и 7) изъ С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, что составляло 15 лицъ (изъ нихъ четверо были вмѣстѣ и членами редакціонныхъ комиссій).

Кромѣ того еще постоянными членами были три избранныхъ губернатора и С.-Петербургскій вице-губернаторъ — четыре лица, что вмѣстѣ составляетъ 19 членовъ комиссій. Временно присутствовали исправляющій должность С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, 6 губернаторовъ и 2 вице-губернатора, всего 9 лицъ ¹⁾.

Наконецъ 27 апрѣля того же года учреждена была при редакціонныхъ комиссіяхъ такъ называвшаяся *финансовая комиссія* «для разсмотрѣнія предположеній о финансовыхъ мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій и для обсужденія какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ въ выкупѣ» ²⁾.

Эта комиссія сдѣлалась отдѣленіемъ редакціонныхъ комиссій и работала вмѣстѣ съ ними. Всѣ ея члены были вмѣстѣ и членами отъ правительства или экспертами редакціонныхъ комиссій.

Она составила проектъ положенія о выкупѣ усадебной осѣдлости и поземельныхъ угодій крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости.

Въ составъ ея, кромѣ предѣдателя редакціонныхъ комиссій, вошло еще девять членовъ редакціонныхъ комиссій.

Сверхъ всего этого самыми рескриптами 1857 года объ улучшеніи быта крестьянъ генераль-губернаторы и начальники губерній обязывались представлять министру внутреннихъ дѣлъ, при проектахъ положеній губернскихъ комитетовъ, и свои собственные мнѣнія. Давали свои заключенія и другія лица, стоявшія во главѣ разныхъ частей управленія.

Такимъ образомъ въ учрежденіяхъ семи категорій или разрядовъ долженъ былъ разрабатываться крестьянскій вопросъ.

Въ естественной связи съ поименованными учрежденіями стоятъ еще учрежденія, созданныя редакціонными комиссіями по крестьян-

¹⁾ Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ, 1861 г., томъ I, стр. 268 — 271.

²⁾ Тамъ же, стр. 66, 266 и 267.

скому дѣлу и высшимъ правительствомъ, по обнаруженіи Положенія 19 февраля, для постепеннаго приведенія его въ дѣйствіе.

Первымъ и самымъ важнымъ изъ нихъ слѣдуетъ поставить мировой институтъ, а потому удобнѣе разсмотрѣть ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) *Мировые посредники*, которыхъ было назначено по одному въ каждомъ мировомъ участкѣ, а число участковъ въ каждомъ уѣздѣ предоставлено было опредѣлить уѣздному дворянскому собранію, съ утвержденія начальника губерніи.

Мировымъ посредникамъ предоставлены были слѣдующія управленія: а) ближайшій разборъ и опредѣленіе, въ виду мѣстныхъ условій, новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, б) мѣстное управленіе и надзоръ за крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, в) нотаріальныя дѣйствія: совершеніе и засвидѣтельствованіе всѣхъ актовъ и договоровъ между помѣщиками, временно-обязанными крестьянами и дворовыми людьми, г) судебнo-полицейское разбирательство въ извѣстныхъ предѣлахъ участка, подвѣдомственнаго мировому посреднику (2, 23 и послѣд. стат. Положенія 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ).

Плоды ихъ дѣятельности: а) окончательное введеніе уставныхъ грамотъ во всѣхъ 46 губерніяхъ, подлежащихъ реформѣ и не вездѣ еще оконченныя, б) разверстаніе крестьянскихъ надѣловъ съ помѣщичьими землями и в) совершеніе выкупныхъ сдѣлокъ— послѣднихъ дѣйствій, прекращающихъ всѣ обязательныя отношенія.

2) *Уѣздные мировые съезды*. Это— общее собраніе посредниковъ и, въ опредѣленныхъ Положеніемъ 19 февраля случаяхъ; инстанція для разсмотрѣнія ихъ дѣйствій; сверхъ того съездамъ предоставлены непосредственно: а) администрація и контроль надъ сельскимъ общественнымъ управленіемъ, б) хозяйственно-распорядительныя дѣла, другими словами, начатки земства. Въ составъ ихъ, кромѣ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда, введень членъ отъ правительства, какъ бы въ видѣ прокурорскаго надзора (97, 105 и послѣд. статьи Полож. 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ).

Дѣятельность этихъ учреждений сливается съ дѣятельностію мировыхъ посредниковъ.

3) *Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія*. высшая губернская инстанція, поставленная надъ мировыми учрежденіями, не имѣющая конечно своихъ отдѣльныхъ сторонъ дѣятельности.

Хотя она представляет централизацию управления по крестьянскому дѣлу въ губерніи, но не въ той степени, какъ министерскія учрежденія въ своихъ вѣдомствахъ. Лица, вошедшія въ составъ ихъ, имѣютъ независимое положеніе въ кругу ихъ дѣятельности. Посредники съ одной стороны поставлены, по мимо мирового съѣзда, въ непосредственныя отношенія къ губернскимъ присутствіямъ, мировые съѣзды, съ другой стороны, относятся къ нимъ какъ къ высшей инстанціи по дѣламъ, подлежащимъ ихъ первоначальному дѣйствию. Однимъ словомъ, губернское присутствіе въ одно и тоже время есть вторая инстанція, какъ для каждаго мирового съѣзда, такъ и для каждаго посредника. Личнаго же подчиненія посредниковъ въ ихъ единичной, равно и совокупной дѣятельности съѣздовъ губернскому присутствію не допущено вовсе (ст. 126 и послѣд. Полож. 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ).

Внесеніе такихъ началъ въ крестьянскія учрежденія придало имъ живость и силу, которыхъ всегда недоставало учрежденіямъ, построеннымъ на бюрократическихъ началахъ чрезмѣрной централизацией управленія; проведеніе въ жизнь крестьянской реформы достаточно убѣждаетъ въ томъ, что эти начала болѣе соотвѣтствуютъ гражданскому развитію народа, нежели совершенное господство единоличности и безотвѣтное подчиненіе чиновниковъ всѣмъ высшимъ на ступеняхъ служебной іерархіи лицамъ, входящимъ въ составъ администраціи.

Въ губернскія присутствія, подъ предѣлательствомъ начальника губерніи, введены постоянными членами: губерпскій предводитель дворянства, управляющій палатою государственныхъ имуществъ, губерпскій прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, назначаемыхъ отъ правительства и два члена изъ мѣстныхъ же дворянъ, избираемыхъ собраніемъ губерпскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, всего 8 лицъ (123 ст. Полож. 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ).

Кромѣ мировыхъ учрежденій редакціонныя коммисіи и высшее правительство создали Положеніемъ 19 февраля:

4) *Волостной крестьяпскій судъ* при волостныхъ или сельскихъ сходахъ, о которомъ говорено было выше. Онъ устроенъ за неуществованіемъ общаго для крестьянъ гражданскаго суда, по подобію суда или расправы у государственныхъ крестьянъ въ ихъ сель-

скомъ судебномъ уставѣ, до изданія общаго устава (93 и 102 ст. 1 примѣч. Общаго Положенія 19 февраля).

Въ составъ его избирается ежегодно волостными или въ извѣстныхъ случаяхъ сельскими сходами отъ 4 до двѣнадцати очередныхъ судей.

5) Вслѣдствіе предоставленія правительствующему сенату, какъ высшему въ государствѣ коллегіальному судебнo-административному учрежденію, утвержденія въ должностяхъ мировыхъ посредниковъ, всѣ дѣла о нихъ были сосредоточены, послѣ объявленія Положенія 19 февраля, въ 1-мъ департаментѣ его, въ одной *экспедиции*, подъ вѣденіемъ оберъ-секретаря.

6) Завѣдываніе выкупною операціею въ имперіи возложено было на первое время на *С.-Петербургскую сохранныю казну*, подъ ближайшимъ вѣденіемъ министра финансовъ и подъ высшимъ надзоромъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій (Положеніе 19 февраля о выкупѣ ст. 39); дѣйствія сохранный казны, подъ наименованіемъ *главнаго выкупнаго учрежденія*, начались 27 октября 1861 года ¹⁾.

На этомъ учрежденіи слѣдуетъ остановиться, потому что если и были еще коммисіи для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, а также государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ или для приведенія въ дѣйствіе реформы въ западныхъ губерніяхъ, то это были все спеціальныя учрежденія, не имѣвшія общаго дѣйствія на всю Россію, какъ тѣ, кои поименованы, и достаточно здѣсь объяснить только, что Положеніе 19 февраля для всѣхъ мѣстныхъ и спеціальныхъ проектовъ было въ сущности основаніемъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что созданіе новыхъ учреждений для разработки крестьянскаго дѣла началось сверху: именно прежде учрежденъ былъ главный комитетъ, что правительство тогда уже убѣдилось въ необходимости начать и вести это сложное дѣло внѣ общаго строя государственныхъ учреждений, не обычнымъ порядкомъ.

Призванный къ существованію въ первыхъ числахъ января 1857 года, особый комитетъ, начавшій дѣйствовать секретно и нерѣшительно, въ концѣ года ознаменовалъ свою дѣятельность смѣлымъ шагомъ: объявленіемъ всемогуществѣйшихъ рескриптовъ съ 20 ноября, въ то время, когда еще никто не могъ составить себѣ

¹⁾ Печатная записка: Отчетъ главнаго выкупнаго учрежденія за 1862 г.

даже и приблизительнаго понятія о томъ, какъ должно совершиться освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Вызовъ къ тому былъ сдѣланъ, не безъ особой мысли, дворянствомъ Виленской губерніи. Переписка объ этомъ въ одномъ изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ числѣ прочихъ, заведенныхъ особо по каждой губерніи, гдѣ предполагалась реформа, представляетъ большой историческій интересъ и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тогдашнее положеніе края. Къ сожалѣнію, пожаръ, истребившій Апраксинъ дворъ въ 1862 году и захватившій зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, уничтожилъ нѣсколько такихъ производствъ, и изъ всѣхъ 46 дѣлъ, по числу губерній, гдѣ совершилась реформа, уцѣлѣло, если я не ошибаюсь, 25; но еще болѣе интересъ заключаетъ въ себѣ переписка по той же губерніи въ главномъ комитетѣ.

Рескриптами 1857 года особый или главный комитетъ началъ открывать губернскіе комитеты, такъ что въ хронологическомъ порядкѣ, непосредственно послѣ высшаго учрежденія по крестьянскому дѣлу послѣдовало, если можно такъ выразиться, учрежденіе низшихъ или первыхъ его инстанцій въ губерціяхъ. Въ созданіи ихъ, безъ примѣси чиновнаго элемента, состоялось первое въ текущемъ столѣтіи обращеніе верховной власти къ содѣйствію общества въ дѣлѣ государственнаго устройства и если призвано было къ участию въ немъ одно сословіе, т. е. дворянство, то конечно потому только, что другія не были непосредственно заинтересованы развязкой прежнихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, а эти послѣдніе, по неразвитости своей, истекавшей изъ крѣпостнаго состоянія, едва ли могли тогда отстоять сознательно свои будущіе интересы, которые, нужно отдать полную справедливость всему русскому дворянству, были до конца ограждены имъ лучше, нежели бы даже самими крестьянами, какъ это показываетъ весь благоприятный для нихъ исходъ дѣла.

Но не этимъ только двумъ инстанціямъ пришлось разработывать все дѣло освобожденія крестьянъ; разрывъ, послѣдовавшій у насъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, между различными слоями общества, отдѣлившій въ самомъ его бытѣ и привычкахъ высшій слой отъ средняго и низшаго, былъ такъ силенъ, что потребности низшихъ классовъ не могли быть поняты съ надлежащею ясностью и почувствованы въ средѣ нашего высшаго общества; само крѣпостное состояніе, можно сказать, всего почти народа было въ этомъ случаѣ одною изъ важныхъ причинъ. Здѣсь не мѣсто входить въ историческое ихъ изслѣдованіе; достаточно ска-

звать, что это обстоятельство привело мало по малу къ тому, что большая часть лицъ, входившихъ въ составъ высшей служебной іерархіи, пріобрѣла привычку проводить свои досуги, свое свободное отъ государственныхъ занятій время не внутри Россіи, не вблизи народа, а за границей, откуда и переносились къ намъ часто государственные и гражданскіе идеалы, и передѣлывался на иностранный образецъ самый бытъ высшаго общества. А если и случалось кому нибудь изъ столичныхъ служебныхъ лицъ проѣзжаться по пространной Россіи, то такое лицо было всегда на столько окружаемо попеченіями губернской и уѣздной служебной аристократіи, что могло большею частію видѣть развѣ только то, что она желала ему показать и всегда при выгодномъ по возможности освѣщеніи.

По господствовавшему тогда въ чиновномъ мірѣ понятіямъ, крестьянское дѣло считалось какъ бы специальною принадлежностью министерства внутреннихъ дѣлъ, а потому за губернскими комитетами слѣдовало учрежденіе при немъ *земскаго отдѣла*, для подготовленія всего, что относилось «къ земско-хозяйственному устройству въ имперіи», какъ это выражено въ официальныхъ бумагахъ, т. е. матеріаловъ для соображеній высшаго правительства. Въ послѣдствіи, когда этотъ отдѣлъ подчинился редакціоннымъ комиссіямъ, онъ служилъ, какъ мы видѣли, для подготовки разныхъ справокъ, необходимыхъ для редакціонныхъ комиссій при разработкѣ ими крестьянскаго вопроса.

Съ приближеніемъ срока представленія высшему правительству проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ для тѣхъ по крайней мѣрѣ губерній, которыя первыя получили рескрипты 1857 года, главный комитетъ выдѣляетъ изъ своей среды комиссію изъ четырехъ членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ проектовъ, т. е. для подготовки всего дѣла главному комитету; но одна эта комиссія естественно не могла совладѣть съ такимъ громаднымъ дѣломъ; тогда рождается предположеніе создать особыя редакціонныя комиссіи, для составленія цѣлаго крестьянскаго Положенія для всей Россіи. Сначала, разумѣется, представляется мысль составить эти комиссіи изъ непремѣнныхъ и другихъ членовъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ были уже сосредоточены всѣ земскія дѣла и куда должны были непосредственно представляться проекты положеній губернскихъ комитетовъ. По первоначальному плану, должны были образоваться двѣ комиссіи: одна, *общіе* положеній, другая *мѣстныхъ*, общая изъ однихъ чиновниковъ, мѣстная изъ чиновниковъ же и экспертовъ, т. е. посторон-

нихъ лицъ, избранныхъ предѣдателями общихъ комиссій. Изъ этого видно, что эксперты предназначались къ разработкѣ только подробностей, что общаго Положенія они не должны были касаться и такимъ образомъ естественно должны были состоять въ зависимости отъ составителей Общихъ Положеній, какъ бы высшей инстанціи. Вслѣдствіе назначенія, по волѣ Государя, предѣдателями комиссій посторонняго лица, къ вѣдомству министерствъ не принадлежащаго ¹⁾, и по прибытіи экспертовъ, лицъ ближе знакомыхъ съ бытомъ губерній и съ мѣстными потребностями, все перемѣняетъ видъ—общія комиссіи сливаются въ одну. Общія и мѣстные Положенія составляются вмѣстѣ, разгородки падаютъ, свѣжій элементъ, не принадлежащій канцеляріямъ, обращаетъ и представителей правительства въ живыхъ людей и свободныхъ дѣятелей. Редакціонныя комиссіи становятся на мѣсто комиссій при главномъ комитетѣ, которая въ дѣйствительности перестаетъ существовать, уступая свою дѣятельность редакціоннымъ комиссіямъ. Эти послѣднія, черезъ своихъ предѣдателей—Я. И. Ростовцова и графа В. Н. Панина, поставленныхъ въ непосредственныя, а въ началѣ дѣятельности перваго изъ нихъ—въ почти ежедневныя сношенія съ верховной властью, пріобрѣтаютъ на все время своихъ занятій независимое отъ всей служебной іерархіи и самостоятельное положеніе, что и доставляетъ имъ возможность привести къ окончанію многосложный трудъ.

Далѣе, въ общемъ строѣ вѣдомствъ, правительство образуетъ еще при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, изъ служебныхъ только лицъ, комиссію объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, которая также вступаетъ въ связь съ редакціонными комиссіями по предмету составленія проекта о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ по крестьянскому дѣлу.

Наконецъ этотъ рядъ комитетовъ и комиссій замыкается финансовою комиссіей для начертанія проекта выкупа крестьянами земельныхъ угодій, которая составляетъ только придатокъ новыхъ членовъ къ редакціоннымъ комиссіямъ.

Если бы нужно было опредѣлять характеръ управленія, существовавшій у насъ до наступленія крестьянской реформы, то съ эпохи образованія у насъ министерствъ и постоянного государ-

¹⁾ См. мои статьи: Взглядъ Я. И. Ростовцова на дѣло освобожденія крестьянъ, Современная лѣтопись (при Московскихъ вѣдомостяхъ), Февраль. 1864 года № 7 и Дѣят. Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣстникъ за 1864 годъ № 10, стр. 489 въ выноскѣ.

ственного совѣта, его слѣдуетъ назвать смѣшаннымъ: бюрократическимъ-коллегіальнымъ. Этотъ характеръ отразился и на всѣхъ учрежденіяхъ, созданныхъ собственно для разработки крестьянскаго дѣла.

Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, съ своей особой комиссіей, былъ и остался какъ бы отдѣленіемъ государственнаго совѣта.

Губернскіе комитеты получили форму коллегіальныхъ учрежденій, въ родѣ нашихъ дворянскихъ чрезвычайныхъ собраній; это видно какъ изъ состава ихъ подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей дворянства, такъ и изъ переписки о порядкѣ подачи въ нихъ мнѣній ¹⁾; но особеннаго замѣчанія заслуживаетъ то, что когда правительство пожелало обнять крестьянское дѣло со всѣхъ сторонъ, когда для этой цѣли оно положило вызвать въ Петербургъ членовъ изъ cadaго губернскаго комитета, то оно нашлось вынужденнымъ пригласить ихъ по одному отъ cadaго выраженаго въ комитетѣ мнѣнія, какъ большинства, такъ и меньшинства ²⁾, такъ что Рязанская губернія напримѣръ, выслала трехъ членовъ, изъ которыхъ одинъ (А. И. Кошелевъ) былъ представителемъ своего мнѣнія, а значеніе cadaго единичнаго мнѣнія, какъ бы оно выражено ни было, ни чѣмъ такъ не ограждается, какъ установленіемъ единогласія или перевѣса значительнаго большинства, напримѣръ двухъ третей надъ меньшинствомъ голосовъ для рѣшенія дѣла, что именно и составляетъ условіе прочности коллегіальныхъ учрежденій.

Земскій отдѣлъ былъ чисто бюрократическаго образованія и представлялъ настоящій типъ канцеляріи.

Комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣла характеръ всѣхъ временныхъ комиссій при министерствахъ для составленія проектовъ по преобразованію какихъ либо частей управленія.

Редакціонныя комиссіи съ приданной къ нимъ финансовой, должны были получить, по первоначальному плану, подобное же бюрократическое устройство; но чтобы стать въ то положеніе, въ которомъ возможна была для нихъ свобода дѣйствій, чтобы сосредоточить въ себѣ всю дѣятельность по крестьянскому вопросу, что было необходимо для успѣха дѣла, онѣ, какъ мы видѣли выше,

¹⁾ Сборникъ Правит. распоряж. по устр. быта крестьянъ 1861 года, т. I, стр. 51 и 115.

²⁾ См. мою статью: Вызовъ и приемъ депутатовъ. Русск. Вѣстн. за 1868 г. № 11, стр. 36 — 39.

перемѣнили свою бюрократическую форму организаціи на коллегіальную, въ нихъ образовались отдѣленія съ общимъ собраніемъ всѣхъ членовъ, спорные вопросы рѣшались какъ въ отдѣленіяхъ, такъ и въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ, хотя и простымъ, съ перевѣсомъ голоса предсѣдателя въ случаѣ равенства голосовъ. Правда, было въ комиссіяхъ покушеніе партіи отнять значеніе у каждаго отдѣльнаго мнѣнія и скрыть всякое возникшее разногласіе, было исходатайствовано повелѣніе «не вносить такихъ мнѣній въ журналы, которые печатаются» ¹⁾, но это вызвало возраженія и само общее присутствіе въ печатномъ своемъ журналѣ (№№ 30 и 31, 10 и 15 іюня 1859 года) сдѣлало оговорку, что подпись члена «есть только удостовѣреніе того, что каждый отдѣльный пунктъ журнала былъ утвержденъ большинствомъ комиссій» и что «никто не лишается права, заявивъ въ тоже время свое особое мнѣніе, впоследствии изложить его письменно съ тѣмъ, чтобы мнѣніе это было рассмотрѣно въ свое время установленнымъ порядкомъ» ²⁾. Въ послѣдствіи, по распоряженію высшаго правительства, всѣ отдѣльныя мнѣнія членовъ редакціонныхъ комиссій были напечатаны и представлены въ главный комитетъ и въ государственный совѣтъ.

Безъ сомнѣнія, такая выходящая изъ ряду обыкновенныхъ дѣлъ реформа, какъ крестьянская, и вообще проекты государственныхъ преобразованій не могутъ удобно разрабатываться въ обыкновенныхъ коллегіальныхъ собраніяхъ, и прежде учреждались у насъ для того особыя комиссіи, по окончательное обсужденіе изготовленныхъ проектовъ, но рѣшеніе приводить ихъ въ дѣйствіе должны произноситься въ коллегіальныхъ собраніяхъ, огражденных отъ всякаго давленія извнѣ, чтобы такимъ образомъ мѣры правительства исходили обдуманно. Только пригъ безпристрастномъ и разностороннемъ ихъ рассмотрѣніи можно отъ нихъ ожидать практической пользы.

Обзоръ учреждений для разработки крестьянскаго дѣла показываетъ, что основаніе ему положили губернскіе комитеты, а составленіе окончательныхъ проектовъ Положеній объ освобожденіи крестьянъ, рассмотрѣнныхъ въ главномъ комитетѣ и государственнымъ совѣтѣ, принадлежитъ редакціоннымъ комиссіямъ.

Остается рассмотреть какой характеръ удержался преимуще-

¹⁾ См. Дѣят. Я. И. Ростовцова. Русск. Вѣстн. 1864 г. № 12, стр. 451.

²⁾ См. второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій 1859 года. т. I, кн. I, стр. 93.

ственно въ крестьянскихъ губернскихъ и уѣздныхъ мировыхъ учрежденіяхъ.

Изъ мировыхъ посредниковъ образованъ мировой съѣздъ, который есть для нихъ общее собраніе. Онъ «поставляетъ свои рѣшенія единогласно или по большинству голосовъ. При равенствѣ голосовъ, даетъ перевѣсъ голосъ предсѣдателя. Если образуется болѣе двухъ мнѣній и при томъ ни одно изъ нихъ не будетъ имѣть установленнаго большинства, то дѣло переносится на разрѣшеніе губернскаго присутствія» (ст. 112 Полож. 19 февраля о губерн. и уѣзди. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд.). Слѣдовательно мировые съѣзды имѣютъ коллегіальное устройство, и въ нихъ предусмотрѣны и случай разногласія. Замѣчательно, что редакціонныя комиссіи и высшее правительство въ тѣхъ дѣлахъ, когда они особенно желали оградить интересы крестьянъ, установили единогласіе рѣшеній въ мировыхъ съѣздахъ, именно относительно перенесенія крестьянскихъ усадебъ безъ ихъ согласія и обязательнаго для нихъ разверстанія полевыхъ угодій съ помѣщичьими при переселеніи крестьянъ (ст. 75 и 76 мѣсти. Полож. для губерній Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ). Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія представляютъ то же коллегіальное устройство, хотя во всѣхъ случаяхъ съ простымъ большинствомъ голосовъ и съ перевѣсомъ, при равенствѣ ихъ, голоса предсѣдателя (ст. 131 Полож. о губернс. и уѣзди. учрежд.).

Такимъ образомъ редакціонныя комиссіи сдѣлали свое дѣло,— въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыхъ образованіе отъ нихъ зависѣло, онѣ положили въ основу ихъ коллегіальное начало, но когда надлежало приурочить ихъ къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, затрудненія разрѣшились такимъ образомъ: правительствующему сенату, которому въ силу 1 ст. его учрежденія какъ верховному мѣсту «въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи», кромѣ закономъ особенно изъятыхъ, предоставлено только право утверждать посредниковъ въ должности (ст. 14 Полож. о губернс. и уѣзди. учрежд.) и разрѣшать дѣла изъ этой обязанности истекающія, т. е. сохранять съ внѣшней стороны прежній порядокъ коллегіальнаго управленія, что же касается внутренней — разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до разбора крестьянъ съ помѣщиками и административныхъ распоряженій, то, относительно подчиненія мировыхъ учреждений въ порядкѣ инстанцій высшему правительству, все Положеніе 19 февраля о губернскихъ и уѣздныхъ учрежде-

ніяхъ замыкается слѣдующимъ положеніемъ: «Если по особенно важнымъ обстоятельствамъ, заслуживающимъ вниманія высшаго правительства, начальникъ губерніи затруднится исполнить рѣшеніе губернскаго присутствія, то ему предоставляется, приостановивъ подъ собственною отвѣтственностью исполненіе означеннаго рѣшенія, представить въ то же время о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла министру внутреннихъ дѣлъ». Этимъ самымъ все развитіе крестьянской реформы, изъятое такимъ образомъ даже и по дѣламъ судебного свойства изъ вѣдѣнія высшаго коллегіальнаго учрежденія въ государствѣ, было предоставлено направленію единоличной власти. По этому любопытно прослѣдить, какая участь постигла вообще учрежденія по крестьянскому дѣлу, какъ тѣ, которыя были созданы для разработки его, такъ и тѣ, которыя образованы для приведенія въ исполненіе Положеній 19 февраля, оставляя въ сторонѣ крестьянскій волостной судъ, который есть специальное и особое учрежденіе, непосредственной связи съ приведеніемъ въ дѣйствіе Положеній неимѣющее, комиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которая примкнула къ крестьянскимъ учрежденіямъ только по предмету проекта о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ, и главное выкупное учрежденіе въ коллегіальной формѣ, открывшее свои дѣйствія 27 октября 1861 г. послѣ обнародованія Положеній 19 февраля.

Губернскіе комитеты закрывались постепенно, съ окончаніемъ составленія своихъ проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, и какъ бы на мѣсто ихъ стали послѣ обнародованія Положеній 19 февраля губернскія присутствія.

Редакціонныя комиссіи и слывшаяся съ ними финансовая, были закрыты съ нѣкоторою поспѣшностью 10 октября 1860 года, до начала разсмотрѣнія ихъ проектовъ даже въ главномъ комитетѣ. Эта поспѣшность видна изъ того, что Высочайшимъ повелѣніемъ о закрытіи ихъ, объявленнымъ имъ предсѣдателемъ графомъ В. П. Панинымъ, предписывалось между прочимъ: «передать всѣ неоконченныя работы въ вѣденіе и распоряженіе государственнаго секретаря» ¹⁾. Эти неоконченныя работы заключались собственно въ томъ, что не всѣ печатные экземпляры матеріаловъ редакціонныхъ комиссій были приготовлены къ разсылкѣ и нѣкоторыя бу-

¹⁾ Первое изданіе матер. редакц. комиссіи ч. 18 журн. общ. присутствія № 140.

маги канцелярій комиссиі не были еще надлежащимъ образомъ приведены въ порядокъ и подшиты къ дѣламъ.

Земскій отдѣлъ получилъ новое образованіе и увеличенный штатъ; изъ отдѣленія центрального статистическаго комитета онъ былъ возведенъ на степень департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, на равныхъ правахъ съ другими, т. е. при министерствѣ образовалась въ большомъ размѣрѣ канцелярія для производства всѣхъ дѣлъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости ¹⁾.

Наконецъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, котораго особая комиссиія перестала существовать сама собою, остался въ прежнемъ своемъ значеніи, съ переменною только личнаго состава и прежняго наименованія, на «главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія».

Слѣдовательно губернскія и уѣздныя мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу приобрѣли двѣ высшія правительственныя инстанціи: земскій отдѣлъ, который есть ни что иное, какъ канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ, и главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, всѣ мнѣнія котораго подтверждаются верховною властью. Такимъ образомъ, если, со времени преобразованій начала текущаго столѣтія, удѣлѣнныя тогда коллегіальныя учрежденія въ Россіи стояли, до крестьянской реформы, параллельно съ бюрократическими или министерскими учрежденіями, то крестьянская реформа положила основаніе другому порядку вещей въ дѣлѣ государственнаго управленія; созданныя для приведенія ее въ дѣйствіе губернскія и уѣздныя учрежденія съ коллегіальнымъ устройствомъ составили нижній этажъ здания, а верхній составили учрежденія съ бюрократическимъ или министерскимъ устройствомъ. Вскорѣ за тѣмъ судебная реформа устранила прокурорскій надзоръ правительства, какъ за судебными мѣстами, такъ и за всѣми административными учрежденіями, обращеніемъ его въ спеціальнѣйшій по судебнымъ уголовнымъ дѣламъ обвинительный институтъ, какъ во Франціи, и положила конецъ нашимъ коллегіальнымъ учрежденіямъ въ лицѣ сената, уничтоженіемъ его судебного управленія и замѣною его судебныхъ департаментовъ кассационнымъ судомъ.

Послѣдствія такого новаго порядка вещей въ нашемъ государственномъ управленіи выразились до сихъ поръ, относительно кре-

¹⁾ Сборникъ Правит. распоряженій по устр. быта крестьян. С.-Петербургъ, 1861 и 1862 года т. I, стр. 37 и 29 и т. II, ч. 2, стр. 14—17.

стьянской реформы, въ томъ, что когда судебные уставы обопли крестьянскій мировой институтъ, какъ будто сго и не существовало, создавъ свой особый: мировыхъ судей, и мировые посредники остались какъ-бы устранинными отъ управленія, то тогда высшій по крестьянскому дѣлу учрежденія, послѣ истеченія двухъ-лѣтняго срока, опредѣленнаго на составленіе уставныхъ грамотъ, принялись за сокращеніе числа ихъ, и это распоряженіе, какъ начало уничтоженія мировыхъ учреждений, сообщило всему институту вялость дѣйствій, тогда какъ крестьянское дѣло еще и нынѣ не кончено, какъ относительно разверстанія угодій, такъ и относительно приведенія крестьянъ и помѣщиковъ къ повсемѣстному совершенію выкупныхъ сдѣлокъ (я не говорю о западныхъ губерніяхъ, гдѣ выкупъ сдѣланъ внослѣдствіи обязательнымъ). Что крестьянское дѣло далеко не завершилось, лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить и то, что въ черноземной полосѣ Россіи есть даже имѣнія, удержавшіяся до сего времени на барщинѣ. Земскій отдѣлъ съ своей стороны вошелъ съ самаго начала въ обширныя толкованія по поводу всевозможныхъ случаевъ примѣненія Положеній 19 февраля; переписка его приняла обычные канцелярскіе размѣры, такъ что вскорѣ въ иныхъ случаяхъ трудно было даже узнать первоначальное положеніе; объ этомъ свидѣлствуютъ томы правительственныхъ распоряженій въ сборникѣ по устройству быта крестьянъ, который печатается и по настоящее время.

Ознакомившись съ происхожденіемъ учреждений по крестьянскому дѣлу и ихъ значеніемъ въ ряду другихъ государственныхъ учреждений, мы можемъ перейти къ обзору матеріаловъ, оставленныхъ ими.

Изъ того, что уже было сказано выше, мы можемъ заключить, что высшее правительство въ самомъ началѣ приступило къ дѣлу освобожденія крестьянъ съ особою осторожностію; даже послѣ открытія редакціонныхъ комиссій предсѣдатель ихъ Я. И. Ростовцовъ, когда ему сдѣлано было предложеніе опубликовать, установленнымъ порядкомъ, чрезъ правительствующій сенатъ объ ихъ учрежденіи, говорилъ еще: «надо чтобы это дѣлалось, такъ сказать, келсію, между нами, какъ въ семьѣ. Мы должны дѣлать все это, можно сказать, секретно; это дѣло должно пока оставаться тайной между нами» ¹⁾. Избранные для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ, члены Государственнаго Совѣта, въ первые дни 1857 г., стали собираться безъ огласки, въ особый или секретный комитетъ.

¹⁾ См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русскій Вѣстн. за 1854 г. № 10, стр. 495

Официальные выраженія въ сферѣ правительственной дѣятельности часто характеризуютъ переходы общественной жизни. Такъ въ прошломъ столѣтіи, когда правительство не желало огласки въ своихъ дѣйствіяхъ, оно употребляло прилагательное *тайный*, на примѣръ: тайный верховный совѣтъ, тайная канцелярія. Это слово въ свое время наводило на всякаго ужасъ обстановкой тайны: допросами, пытками и всякими истязаніями ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ смягчались нравы, въ текущемъ столѣтіи это названіе уступило мѣсто другому, какъ будто менѣе страшному. Императоръ Александръ I уничтожилъ тайную канцелярію, «даже велѣлъ не упоминать ея названія, а производить секретныя дѣла въ обыкновенныхъ публичныхъ присутственныхъ мѣстахъ и присылать на обревизованіе въ первый сената департаментъ» ²⁾. Тѣ комитеты или коммисіи, которые предполагалось окружить тайной, стали называться *секретными*. Такихъ случаевъ въ прошедшее царствованіе было нѣсколько. Въ 1839 году, когда необходимость уничтоженія рано или поздно крѣпостнаго права стала съ бѣльшею настойчивостью представляться умамъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, былъ учрежденъ комитетъ изъ семи членовъ ³⁾, съ двоякою цѣлью:

а) «на какомъ основаніи можно впредь дозволить помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, не стѣсняясь нынѣшнимъ Положеніемъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ»;

б) «разсмотрѣть какія мѣры признаны будутъ успѣшнѣйшими для составленія инвентарей по каждой губерніи, предоставивъ сіе губернскому дворянству, или начавъ съ однихъ казенныхъ имуществъ».

Хотя изъ одного этого опредѣленія занятій можно уже заключить, что во всякомъ случаѣ дѣло шло только о приговорительныхъ мѣрахъ къ освобожденію крестьянъ, при чемъ не допускалось тогда

¹⁾ См Жизнь и приключенія Андрея Болотова. Русская Старина, кн. 1. Январь. 1871 года въ приложеніи стр. 74—95.

²⁾ См. Сочин. Державина, Я. Грота, 1871 года, т. 6, стр. 756.

³⁾ Членами комитета были назначены: 1) генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, 2) графъ Орловъ, 3) министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, 4) министръ юстиціи статсъ-секретарь графъ Баудонъ, 5) членъ Государственнаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Тучковъ, 6) статсъ-секретарь Танѣевъ и 7) управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ. Правителемъ дѣлъ камергеръ Ханьковъ. Три извлеченія изъ дѣлъ 4 секретныхъ комитетовъ, при письмѣ князя С. Голицына на имя І. И. Ростовцова. Дѣла редакціонныхъ комиссій. Архивъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

не только письменнаго, но даже и изустнаго употребленія слова освобожденіе; тѣмъ не менѣе этому комитету Высочайше повелѣно было хранить всѣ дѣла въ тайнѣ, а для достиженія этой цѣли «и дабы отклонить всякія догадки гласно именовать этотъ комитетъ: *о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній*».

Въ началѣ настоящаго царствованія, столь обильнаго событіями и крупными реформами, прилагательное «секретный», уступило мѣсто еще менѣе строгому выраженію. Первое учрежденіе по крестьянскому дѣлу получило въ началѣ, какъ мы видѣли, наименованіе особаго комитета. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ сдѣланъ былъ въ послѣдствіи еще шагъ впередъ: журналы общаго присутствія, заключавшіе мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ, не согласныя съ большинствомъ, которыя «для избѣжанія всякаго гласнаго проявленія разномыслія комиссій» положено было хранить въ нѣкоторой тайнѣ, были названы уже просто: «Дополнительные журналы общаго присутствія комиссій для составленія Положеній о крестьянахъ». Тогда и прилагательное *особый*, въ смыслѣ негласнаго, потеряло свое значеніе — почти все, что было гласно, стали печатать, а то, что негласно, оставалось большею частью въ письменныхъ документахъ, при дѣлахъ архива ¹⁾.

Если принять въ соображеніе эти обстоятельства, то всѣ матеріалы по крестьянскому дѣлу слѣдуетъ отнести къ тремъ категориямъ, именно:

1) *Къ официальнымъ гласнымъ*: во-первыхъ, все то, что было правительствомъ напечатано не по числу лицъ, которыя непосредственно принимали участіе въ разработкѣ дѣла, а въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, и во-вторыхъ все, что во время составленія Положеній о крестьянахъ могло быть предано печати, а если не было напечатано, то по какимъ нибудь, независящимъ отъ храненія въ тайнѣ, причинамъ.

2) *Къ официальнымъ негласнымъ* или конфиденціальнымъ все, что исходило отъ правительства такого, чего по тѣмъ или другимъ его соображеніямъ оно не хотѣло въ то время сдѣлать гласнымъ, хотя и печатало въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, для употребленія лицъ, призванныхъ къ ближайшему участію въ дѣлѣ и то, что по его соображенію не могло быть вовсе напечатано для оглашенія и хранится нынѣ въ архивѣ главнаго комитета по крестьянскому

¹⁾ См. Дѣят. Я. И. Ростопцова, Русск. Вѣстникъ за 1864 г. № 12, стр. 454 и 472 и Второе изд. редакціонныхъ комиссій, т. I, кн. I, стр. 92—93.

дѣлу, а также въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, наконецъ,

3) *Къ неофициальнымъ* или частнымъ матеріаламъ слѣдуетъ отнести: а) проекты и записки лицъ, не принимавшихъ оффиціального участія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, подававшіеся правительству или помимо его появлявшіеся въ печати, б) разныя литературныя статьи, в) записки засѣданій редакціонныхъ комиссій и нѣкоторыхъ засѣданій главнаго комитета и Государственнаго Совѣта, которыя велись кѣмъ нибудь изъ присутствовавшихъ при совѣщаніяхъ, частнымъ образомъ, г) нѣкоторыя рѣчи лицъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ реформѣ, когда они обращались къ тѣсному кругу другихъ соучастниковъ въ разныхъ случаяхъ, д) наконецъ всякія замѣтки о происшествіяхъ и анекдотахъ, записанныхъ тѣми, которые такъ или иначе стояли близко къ крестьянскому дѣлу.

О матеріалахъ этой послѣдней категоріи здѣсь говорить нечего, потому что ими не могъ пользоваться г. Скребицкій; онъ включилъ въ свой трудъ, въ числѣ приложений, только перечень частныхъ проектовъ и записокъ, поступившихъ изъ архива главнаго комитета и прямо къ предсѣдателямъ редакціонныхъ комиссій: Я. И. Ростовцову и графу В. Н. Панину (т. I. стр. 926 — 943), я привожу это потому, что опись этимъ запискамъ напечатана вообще въ первый разъ, по крайней мѣрѣ для публички ¹⁾.

Придерживаясь приведеннаго дѣленія матеріаловъ, мы должны отнести:

Въ Государственномъ Совѣтѣ и главномъ комитетѣ:

Къ оффиціальнымъ *яснымъ* матеріаламъ все, что было обнаружено Положеніемъ и разослано циркуляровъ черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и разныя правительственныя распоряженія по крестьянскому дѣлу, на которыя послѣдовало Высочайшее утвержденіе.

Къ оффиціальнымъ *неласнымъ*: а) журналы Государственнаго Совѣта и главнаго комитета, изъ которыхъ можно видѣть, какія мнѣнія высказывались въ этихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и какъ распредѣлялись голоса лицъ, входившихъ въ ихъ составъ; другими словами, въ чемъ заключались, такъ сказать, оффиціальныя соображенія, которыми руководились высшіе государ-

¹⁾ См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. А. Скребицкаго. Заря за 1871 г. № 1. Январь, стр. 85.

ственные дѣятели при обсужденіи проектовъ освобожденія крестьянъ, б) дѣлопроизводство канцелярій этихъ высшихъ учреждений.

Въ губернскихъ комитетахъ и двухъ общихъ комиссіяхъ:

Официальный *гласный* матеріалъ составляютъ ихъ проекты положеній «объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», со всѣми приложеніями.

Официальный *негласный*—протоколы ихъ засѣданій, постановленія на циркуляры и распоряженія высшаго правительства и переписка съ нимъ, обнимающіе уже внутреннюю сторону ихъ дѣятельности, которая почти вовсе неизвѣстна въ литературѣ и вѣроятно представляетъ большое разнообразіе по разностямъ административнаго и гражданскаго быта губерній ¹⁾.

Въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ:

Къ официальнымъ *гласнымъ* матеріаламъ принадлежитъ собственное его изданіе: «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», начатый съ самаго его учрежденія въ 1858 году и продолжающійся до сего времени и послѣ преобразования, которое расширило этотъ отдѣлъ. За тѣмъ, такъ какъ дѣятельность его слѣдъ, что мы уже видѣли выше, съ дѣятельностью редакционныхъ комиссій, то остальной официальной, гласный матеріалъ его, представляющій только канцелярскія работы, вошелъ въ составъ матеріаловъ этихъ послѣднихъ.

Къ официальнымъ *негласнымъ* матеріаламъ земскаго отдѣла слѣдуетъ отнести всю конфиденціальную переписку отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ съ учреждениями и лицами, состоявшими во время разработки крестьянскаго дѣла во главѣ мѣстнаго управленія, и всподданнѣйшія его записки ²⁾.

Особая комиссія (изъ четырехъ) при главномъ комитетѣ оставила печатный матеріалъ: записки внесенныя въ нея для соображенія по крестьянскому дѣлу, членомъ оной генераль-адъютантомъ Ростовцовымъ:

1) О проектѣ Положенія комитета Нижегородской губерніи.

2) О сводѣ мнѣній начальниковъ губерній касательно новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ властей, какъ судебной, такъ и административной.

¹⁾ См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. А. Скребицкаго, Заря за 1871 годъ № 1. Январь, стр. 41.

²⁾ См. записку: Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время. Русск. Архивъ за 1869 г., изд. П. Баргсневымъ № 7 и 8, стр. 1362—1375.

3) О проектѣ Положенія комитета С.-Петербургской губерніи.

4) Объ учрежденіи особыхъ комиссій для составленія сводовъ проектовъ Положеній губернскихъ комитетовъ.

5) О проектѣ Положенія комитета Симбирской губерніи.

6) О проектѣ меньшинства комитета Симбирской губерніи.

7) Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса.

8) Дополненіе къ статьѣ: ходъ и исходъ крестьянскаго дѣла ¹⁾.

Подобныя записки гр. В. Н. Панина, а можетъ быть и другихъ двухъ членовъ особой комиссій, развѣ потому не могутъ быть еще подведены подъ принятую здѣсь классификацію, что онѣ не были напечатаны и мало извѣстны; по характеру содержанія однако ихъ нельзя отнести къ конфиденціальнымъ матеріаламъ.

Изъ матеріала комиссій о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ только «проектъ Положенія о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ по крестьянскому дѣлу», вошедшій въ матеріалы редакціонныхъ комиссій, относится непосредственно къ исторіи крестьянскаго дѣла.

Финансовая комиссія вошла органически въ составъ редакціонныхъ, и сдѣлалась однимъ изъ отдѣленій ихъ, а потому слѣдуетъ перейти къ самому обширному изъ матеріаловъ, тому, который оставили редакціонныя комиссіи.

Къ официальнымъ гласнымъ матеріаламъ ихъ слѣдуетъ отнести: а) 18 частей, подъ заглавіемъ «первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій для составленія Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости» 1859—1860 года, со вторымъ изданіемъ этихъ матеріаловъ, только первыхъ трехъ частей, соотвѣствующихъ первому періоду занятій комиссій, въ 3 томахъ и 6 книгахъ и б) печатныя «Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій», составляющія 14 томовъ разнаго формата до большой четвертки листа ²⁾.

Къ официальнымъ *негласнымъ* относятся: а) вся переписка, которая не вошла въ печатные матеріалы, отъ лица предсѣдателей Я. И. Ростовцова и гр. В. Н. Панина съ разными лицами и учрежденіями по поводу нѣкоторыхъ случаевъ во время разработки крестьянскаго дѣла, и всеподданнѣйшія ихъ записки ³⁾, б) все дѣло-

¹⁾ См Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій, т. I, кн. I, стр. 257.

²⁾ См. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, В. И. Межова. С.-Петербургъ, 1865 года, стр. 160 въ выноскѣ и 172—175.

³⁾ См. на прим. предсмертную записку Я. И. Ростовцова, Русск. Архивъ,

производство канцеляріи при редакціонныхъ комиссіяхъ, в) всякія ненапечатанныя записки и бумаги членовъ комиссіи, во время ихъ дѣятельности, по разнымъ предметамъ, которые иногда читались общему присутствію, какъ изъясненіе ихъ личныхъ взглядовъ на дѣло освобожденія крестьянъ, и не были приобщены къ дѣламъ, г) также изъ отдѣльныхъ ихъ мнѣній тѣ, кои не вошли въ сборникъ приложений къ трудамъ редакціонныхъ комиссій и д) летучіе листки, на которыхъ подавались голоса, когда возникали въ комиссіяхъ споры при разрѣшеніи того или другаго вопроса ¹⁾.

Одинъ уже обзоръ матеріаловъ по крестьянскому дѣлу показываетъ, какъ они обширны въ однихъ только редакціонныхъ комиссіяхъ. гдѣ сосредоточивается исключительно съ 4 марта 1859 г. по 10 октября 1860 года, въ продолженіе одного года и семи мѣсяцевъ, вся дѣятельность правительства по предмету разработки проектовъ освобожденія крестьянъ; по этому одному уже можно видѣть какъ трудно изслѣдователю обходиться съ такими матеріалами въ ихъ сыромъ, такъ сказать, видѣ. Матеріаль редакціонныхъ комиссій есть, безъ сомнѣнія, самый важный для исторіи внутренняго процесса освобожденія крестьянъ, тогда какъ весь остальной относится преимущественно къ внѣшней, если можно такъ выразиться, исторіи этой великой реформы

Г. Скребицкій пользовался въ своемъ трудѣ собственно матеріалами редакціонныхъ комиссій и сборникомъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ. Никакого другаго матеріала онъ и имѣть не могъ, какъ потому, что извѣстному барону Августу ф. Гакстгаузену, при которомъ онъ началъ трудиться, было сообщено покойнымъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцовымъ только то, чѣмъ онъ самъ могъ располагать въ то время, т. е. официальные источники, составлявшіе предметы занятій и разработки редакціонныхъ комиссій, такъ и потому, что когда г. Скребицкій принялся за свой трудъ и продолжалъ его, правительство считало многіе бумаги и документы не подлежащими оглашенію; предварительная цензура съ своей стороны вѣроятно затруднилась бы пропустить къ печати все, что не было официально-гласнымъ по дѣлу освобожденія крестьянъ и

изд. Я. И. Баргеновымъ за 1866 г., стр. 1214 и стат. мою: «Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова. Русскій Вѣстникъ за 1866 г., № 2, стр. 726—731 и 735.

¹⁾ См. Дѣятельность Я. И. Ростовцова Русск. Вѣстникъ за 1864 годъ, № 12, стр. 484.

наконецъ потому, что весьма важная доля частныхъ матеріаловъ не могла быть вовсе обнародована по близости времени къ совершившемуся событію.

Эти соображенія приводятъ къ тому, что для справедливой оцѣнки труда г. Скребицкаго нужно прежде всего стать на исключительную точку зрѣнія. Не бывъ участникомъ и ближайшимъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, онъ, съ тѣмъ однимъ матеріаломъ, которымъ имѣлъ возможность располагать, не могъ избрать путь чисто исторической его разработки.

Вотъ какъ, по собственному его выраженію (предисловіе т. I его сочин.), онъ самъ отнесся къ своей задачѣ: «Мы, современники великой реформы, обязаны передать (историческій матеріалъ крестьянскаго дѣла) послѣдующимъ поколѣніямъ цѣликомъ, предоставивъ имъ только критическую оцѣнку его, облегченную и проверенную послѣдующимъ опытомъ, для которой не настало еще время. Эта мысль легла въ основѣ разработки матеріаловъ, которыми я располагалъ. Ими можно было воспользоваться двоякимъ образомъ: *во-первыхъ*, оставивъ въ сторонѣ всѣ частности и подробности, я могъ изложить, въ формѣ историческаго повѣствованія, главныя, выдающіяся черты совершившейся реформы; или, *во-вторыхъ*, не дѣлая различія между главнымъ и второстепеннымъ, за обоими признать одинаковыя права историческаго гражданства. Первая форма изложенія имѣла бы то преимущество, что дала бы большинству читающей публики возможность легко познакомиться съ предметомъ, но, по необходимости вѣроятно, часто не безъ основанія, навлекла бы на меня упрекъ въ произвольномъ выборѣ матеріаловъ. Поэтому, отказавшись отъ первой, хотя и болѣе легкой формы изложенія, я съ строгою послѣдовательностью провелъ въ настоящемъ трудѣ послѣднюю». Изъ такого отношенія автора къ предмету труда вытекають какъ недостатки его, такъ и достоинства.

Собственно говоря у г. Скребицкаго нѣтъ критическаго разбора и оцѣнки матеріаловъ, которыми онъ пользовался. Здѣсь хотя вкратцѣ слѣдуетъ для ясности восполнить этотъ недостатокъ.

Весь оффиціальныи матеріалъ редакціонныхъ комиссій распадается, какъ мы уже видѣли, на два главные отдѣла:

а) первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій въ 18 частяхъ,

б) приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій въ 14 томахъ.

Перечень книгъ, или частей и отдѣловъ, изъ которыхъ состоятъ «Матеріалы», находится въ трудѣ г. Скребицкаго (т. I. Введение, стр. СХLIX — СLIII). Изъ составныхъ частей этихъ матеріаловъ самыми важными для историческаго изслѣдованія нужно считать:

А) Изъ матеріаловъ редакціонныхъ комиссій:

Журналы общихъ присутствій редакціонныхъ комиссій, числомъ 117 подъ 140 нумерами (45 журналовъ подъ 52 нумерами, относящихся къ первому періоду занятій, 40 подъ 40 же нумерами, ко второму и 32 подъ 48 нумерами къ третьему періоду). Они даютъ понятіе о томъ, какъ двигалось и въ какой постепенности разрабатывалось крестьянское дѣло; они, можно сказать, — хронологія занятій редакціонныхъ комиссій.

Доклады отдѣленій общему присутствію: 11 по юридическому, 9 по административному, 20 по хозяйственному, 1 по финансовой комиссіи и 8 по особой комиссіи и смѣшанный докладъ отъ разныхъ отдѣленій, а всего 49 докладовъ. Для историка важны слѣдующія части ихъ: собственныя соображенія комиссій и статьи заключенія. Для полнаго изслѣдованія разработки крестьянскаго дѣла могутъ служить корректуры докладовъ, которыя разсылались членамъ комиссій передъ общимъ собраніемъ, назначавшимся для обсужденія отпечатаннаго вчернѣ доклада. Цѣлое собраніе этихъ корректуръ едва ли существуетъ въ трехъ или четырехъ экземплярахъ; оно есть у меня и можетъ быть у одного или двухъ изъ бывшихъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Экземпляра такого собранія нѣтъ и въ публичной бібліотекѣ. Этотъ матеріалъ драгоцененъ не только по своей рѣдкости, но и потому, что иногда весь докладъ возвращался изъ общаго присутствія въ отдѣленіе, если не нравился вліятельнымъ членамъ комиссій, чего не видно изъ печатныхъ официальныхъ журналовъ общихъ присутствій, и въ такомъ случаѣ докладъ имѣетъ въ корректурахъ весьма различныя редакціи. Такъ было, напримѣръ, въ первомъ періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій, съ докладомъ административнаго отдѣленія № 4 «объ общемъ составѣ общественнаго сельскаго управленія», который возвращался даже два раза изъ общаго присутствія; только изъ корректуръ видно въ чемъ онъ былъ передѣльваемъ. Остальныя части докладовъ отдѣленій, какъ-то: содержаніе проектовъ губернскихъ комитетовъ, замѣчанія генераль-губернаторовъ и другихъ лицъ и прочія, имѣютъ очень мало значенія въ докладахъ отдѣленій. Эти замѣчанія принадлежатъ собственно къ развитію крестьянскаго вопроса до редакціонныхъ комиссій.

Отдельные своды проектов положений губернских комитетов: одинъ — по тѣмъ губерніямъ, изъ которыхъ поступили проекты въ земскій отдѣлъ, въ первый періодъ запятіи редакціонныхъ комиссій ¹⁾ и къ которымъ принадлежали и депутаты перваго призыва, и другой сводъ — по тѣмъ губерніямъ, изъ которыхъ поступили всѣ остальные проекты и прибыли депутаты втораго приглашенія (7 и 10 части перваго изданія матеріаловъ редакціонныхъ комиссій). Эти своды имѣютъ очень мало значенія, такъ какъ они представляютъ не сущность соображеній и мнѣній губернскихъ комитетовъ въ ихъ цѣлости, а только разрозненныя выдержки изъ нихъ, распределенныя по программѣ, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ²⁾. Это трудъ, который былъ и для самихъ редакціонныхъ комиссій по меньшей мѣрѣ бесполезенъ ³⁾. Исторія развитія крестьянскаго вопроса въ губернскихъ комитетахъ можетъ быть составлена только на основаніи подлинныхъ проектовъ положеній этихъ комитетовъ, а для того, чтобы она была живою, необходимо, чтобы ей предшествовали монографіи ихъ дѣятельности, каждаго изъ нихъ особо ⁴⁾.

Первоначальный сводъ заключеній комиссій по докладамъ отдѣльной составляетъ 8-ю часть перваго изданія матеріаловъ и есть документъ для сравненія проекта положеній редакціонныхъ комиссій, выработаннаго въ двухъ первыхъ періодахъ ихъ занятій, съ окончательной кодификаціей или проектомъ ихъ въ третьемъ періодѣ ⁵⁾, который помѣщенъ въ 18-й и послѣдней части «Матеріаловъ». Сравненіе же этой части съ обнародованнымъ 19 февраля Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, покажетъ, въ свою очередь, какія сдѣланы измѣненія противъ проекта положеній, составленныхъ редакціонными комиссіями въ главномъ комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

¹⁾ См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ за 1864 г. № 11, стр. 116.

²⁾ См. Сборникъ Правит. распоряж по устр. быта крестьянъ. 1861 года. т. I, стр. 156—168.

³⁾ См. Дѣят. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстникъ 1864 года № 10, стр. 498, 499 и 503.

⁴⁾ См. мой разборъ: Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II, А. Скребицкій. Заря за 1871 годъ № 1. Январь, стр. 41.

⁵⁾ См. мою замѣтку: «Взглядъ Я. И. Ростовцова на дѣло освобожденія крестьянъ» Современная лѣтопись (при Московскихъ вѣдомостяхъ), февраль. 1864 года № 7, стр. 6.

Повырочная работы по опредѣленію размѣровъ крестьянскаго надела занимають 15 и 16 части перваго изданія матеріаловъ и также заслуживаютъ вниманія историка. На нихъ основано окончательное рѣшеніе самаго важнаго вопроса въ крестьянскомъ дѣлѣ: рѣшеніе освободить крестьянъ съ землею, о которомъ авторъ книги: «Россія и Европа» въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія такъ мѣтко выразился: «Россія, эта страна варварства, застоя и абсолютизма, приобрѣла внезапно такое нравственное оружіе, сила котораго не исполнѣ еще ясна и для насъ самихъ, хотя мы уже имѣли случай разъ употребить ее въ дѣло съ неизмовѣримымъ успѣхомъ, ибо не только умиротворили мы Польшу, но обратили даже всю массу тамошняго народонаселенія въ преданныхъ Россіи подданныхъ, отъ нея лишь чающихъ своего спасенія и устройства своего благосостоянія. Нравственная сила эта называется крестьянскимъ надѣломъ»¹⁾).

Наконецъ дополненіемъ къ историческому изслѣдованію разработки крестьянскаго вопроса должны служить въ 17 томѣ «Матеріаловъ» предположенія, имѣющія связь съ крестьянскимъ дѣломъ и нѣкоторыя приложенія, разсѣяанныя по разнымъ частямъ «Матеріаловъ» редакціонныхъ комиссій.

Б) Изъ приложеній къ трудамъ редакціонныхъ комиссій болѣе важны для исторіи:

Отдѣльныя мнѣнія ихъ членовъ, составляющія небольшую книжку, въ 338 страницъ.

Отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ поданные въ редакціонныя комиссіи, четыре большихъ тома, два—депутатовъ перваго приглашенія, въ 2076 стр. и два—депутатовъ втораго въ 1396 стр., всего 3472 страницы, кромѣ оглавленій. Въ этихъ отзывахъ можно прослѣдить, что они особенно хотѣли отстоять изъ проектовъ своихъ комитетовъ, въ какомъ согласіи между собою дѣйствовали члены комитетовъ разныхъ губерній, и какія соображенія руководили ими въ ихъ предположеніяхъ о крестьянской реформѣ.

Извлеченіе изъ описаній помѣщичьихъ имѣній въ 100 душъ и слѣше, изданіе въ 6 частяхъ большаго формата въ четвертку на 2082 страницахъ, представляетъ начало кадастра или по крайней мѣрѣ инвентарное описаніе недвижимыхъ, населенныхъ имѣній въ Россіи. Эти свѣдѣнія требуютъ небольшой развѣдывки для строгой

¹⁾ Россія и Европа Н. Я. Данилевскаго, изданіе товарищества «Общественная польза». С.-Петербургъ, 1871 года, стр. 497 и 498.

точности потому, что въ нихъ показанія о количествѣ десятинъ земли и угодій, а также общаго числа душъ крестьянъ безъ сомнѣнія вѣрны. Предъ освобожденіемъ крестьянъ былъ самый благоприятный случай для собранія такихъ свѣдѣній. Если въ чемъ могутъ быть невѣрности, то развѣ только въ означеніи земель, состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ, какъ по неопредѣленности ихъ надѣловъ и произволу въ то время помѣщичьей власти, такъ и по неизвѣстности тогда къ какимъ для владѣльца послѣдствіямъ могло повести то или другое показаніе помѣщиковъ относительно земли, состоящей въ пользованіи у крестьянъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Нынѣ эти возможные невѣрности не имѣютъ значенія, за введеніемъ вездѣ уставныхъ грамотъ и за совершеніемъ множества выкупныхъ сдѣлокъ, т. е. полнаго раздѣла бывшихъ помѣщиковъ, нынѣ землевладѣльцевъ, съ своими крестьянами. Въ архивѣ дѣлъ редакціонныхъ комиссій или земскаго отдѣла имѣлись ненапечатанныя свѣдѣнія всѣхъ дворянскихъ имѣній и ниже 100 душъ. Пользуясь этимъ огромнымъ матеріаломъ, будущій историкъ можетъ представить полную картину дѣйствительнаго положенія владѣвшаго землею дворянства передъ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи. Нельзя не упомянуть здѣсь мимоходомъ, что и этотъ драгоценный матеріалъ былъ какъ будто оставленъ въ сторонѣ при послѣдующихъ реформахъ правительства; такъ напримѣръ: у насъ уничтожено прежнее устройство крѣпостныхъ дѣлъ для совершенія всякаго рода актовъ явочныхъ и крѣпостныхъ, введена новая нотаріальная система, въ лицѣ нотаріусовъ, которая своимъ основаніемъ должна имѣть гипотечное устройство, но самыхъ гипотекъ и до сего времени не существуетъ, хотя названный матеріалъ могъ бы служить для составленія ихъ. Новая система затруднила совершеніе актовъ; теперь для покупки и продажи недвижимаго имѣнія обѣимъ договорившимся сторонамъ нужно ѣхать на мѣсто, гдѣ имѣніе находится, тогда какъ прежде можно было совершать такіе акты гдѣ угодно. Земскія собранія, когда встрѣтили надобность въ свѣдѣніяхъ о владѣнннхъ землями для раскладки повинностей и другихъ потребностей, собирали ихъ вновь по уѣздамъ, часто по нѣскольку разъ, какъ будто по этому предмету не предпринималось до того времени вовсе никакого труда, а между тѣмъ доставлявшіяся этимъ путемъ свѣдѣнія впускаютъ менѣе довѣрія, нежели тѣ, которыя были представлены во время разработки крестьянскаго дѣла.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта

крестьянъ, изданіе земскаго отдѣла, который также служи́тъ отчасти г. Скребицкому, представляетъ необходимый матеріалъ для виѣнней, такъ сказать, исторіи учреждений по крестьянскому дѣлу и для раскрытія дѣятельности правительства во все время такъ называемаго переходнаго состоянія и приведенія въ дѣйствіе Положеній 19 февраля.

Приведенными мною матеріалами редакціонныхъ комиссій г. Скребицкій воспользовался, на сколько они могли служить для предположенной имъ цѣли.

При отсутствіи критическаго разбора, изложеніе у г. Скребицкаго всѣхъ матеріаловъ въ равной степени и размѣрахъ, какой бы они ни были относительной важности, лишаетъ должнаго интереса и самое его введеніе, въ которомъ онъ передаетъ исторически ходъ дѣла, съ объявленія перваго рескрипта объ улучшеніи быта крестьянъ до закрытія редакціонныхъ комиссій. Примѣромъ тому можетъ служить изложеніе командировки министромъ внутреннихъ дѣлъ двухъ чиновниковъ въ общія комиссіи: одного въ Виленскую, другаго въ Киевскую, съ приведеніемъ данной имъ инструкціи во всей подробности, на ряду съ Высочайшими рескриптами 1857 года (т. I, стр. XXXVII и слѣд.).

Другой общій недостатокъ въ текстѣ, если можно такъ выразиться, труда г. Скребицкаго есть отсутствіе въ немъ хронологіи событій или хотя прямыхъ указаній на нея; черезъ это утрачивается послѣдовательность мнѣній, которыя были высказаны столькими лицами и учреждениями по крестьянскому дѣлу. Связь этихъ мнѣній и заключеній раскрывается именно въ томъ, что крестьянское дѣло постепенно разяснялось и созрѣвало въ разные періоды времени, отчего развертывались самыя понятія лицъ, призванныхъ къ участию въ немъ, и измѣнялись взгляды на него; въ этомъ переходѣ и борьбѣ мнѣній и заключается вся историческая занимательность дѣла; при совершенномъ отсутствіи всего этого въ самомъ ядрѣ сочиненія, послѣдовательное чтеніе содержанія его главъ дѣлается невозможнымъ.

Система расположенія труда, придуманная г. Скребицкимъ, заключается въ слѣдующемъ:

«Журналы общихъ присутствій редакціонныхъ комиссій» и «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ» послужили для его введенія на 159 страницахъ, которое уже само по себѣ составляетъ довольно обширное историческое изложеніе хода дѣла, со времени послыски перваго рескрипта 20 ноя-

бря 1857 года Виленскому генераль-губернатору до закрытія редакціонныхъ комиссій 10 октября 1860 года. Это есть, такъ сказать, влѣшняя сторона исторіи разработки крестьянскаго вопроса. Въ концѣ введенія, сверхъ перечисленія частей «Матеріаловъ» съ краткимъ ихъ содержаніемъ и указанія на приложения къ трудамъ редакціонныхъ комиссій, излагается авторомъ и способъ разработки имъ этихъ матеріаловъ.

Доклады отдѣленій, своды проектовъ губернскихъ комитетовъ, отзывы депутатовъ и другія приложения къ трудамъ редакціонныхъ комиссій, — этотъ матеріалъ для исторіи внутренняго процесса крестьянскаго дѣла — сдѣлался предметомъ самаго содержанія плана текста труда г. Скребицкаго.

Сочиненіе его, состоящее изъ 4 томовъ, изъ коихъ второй томъ — изъ двухъ частей, что составляетъ пять большихъ книгъ, раздѣлено на 4 отдѣла, по тремъ отдѣленіямъ редакціонныхъ комиссій и четвертому, къ которому отнесены финансовая комиссія и особая, занимавшаяся въ качествѣ отдѣленій, приготовленіемъ работъ, не вошедшихъ въ общую программу докладовъ отдѣленій. Такимъ образомъ *первый* томъ соответствуетъ двумъ отдѣленіямъ комиссій: юридическому и административному; *два* части 2-го тома и *третьей*: хозяйственному; *четвертый*: финансовой и особой комиссіямъ. Главы содержанія труда расположены по программѣ докладовъ редакціонныхъ комиссій общему ихъ присутствію, особой по каждому отдѣленію, подъ тѣми же заглавіями. Въ каждой главѣ излагается все, что къ предмету ся относится изъ проектовъ, соображеній и отзывовъ лицъ и учреждений, участвовавшихъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ такомъ приблизительно порядкѣ: сначала изложеніе проектовъ губернскихъ комитетовъ и обзоръ ихъ основаній, потомъ соображеній и заключеній редакціонныхъ комиссій, и наконецъ отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ, обоихъ призывовъ. На первой страницѣ каждой главы сдѣланы ссылки на источники, и въ выносахъ приводятся замѣчанія и соображенія разныхъ лицъ, дававшихъ, въ томъ или другомъ порядкѣ, свои заключенія.

Весь трудъ г. Скребицкаго, кромѣ предисловія, оглавленій и введенія, состоитъ изъ 49 главъ, соответствующихъ общему числу докладовъ редакціонныхъ комиссій, 5 главъ дополненій, всего 54 главъ, изъ 4 особыхъ еще дополненій, 45 приложений и наконецъ особыхъ «Матеріаловъ для сельскаго устава», оставленныхъ редакціонными комиссіями.

Система изложенія труда г. Скребицкаго есть самая удобная для пользованія имъ, чѣмъ восполняется отчасти недостатокъ хронологіи, т. е. облегчается отысканіе того, что именно нужно прочесть.

Къ достоинствамъ его труда слѣдуетъ еще отнести крайнюю добросовѣстность въ обработкѣ всего сыраго матеріала редакціонныхъ комиссій и въ сведеніи въ одно цѣлое его разрозненныхъ частей.

Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій состоитъ изъ журналовъ, носящихъ послѣдовательные номера и числа общихъ собраній ихъ. Къ журналамъ тѣхъ чиселъ, когда обсуждался одинъ докладъ отдѣленія или болѣе приложены эти доклады, каждый съ своей особой нумераціей страницъ. Всѣ части изданія матеріаловъ, гдѣ идутъ журналы общихъ присутствій, представляютъ случайное собраніе нѣсколькихъ такихъ послѣдовательныхъ по нумераціи журналовъ, съ слѣдующими къ нимъ докладами и приложениями, если они есть. Другія части заняты исключительно одними приложениями, какъ наприм.: сводомъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ или кодификаціей заключеній по докладамъ общему присутствію, безъ обдуманнаго порядка, а по соображенію съ тѣмъ, какъ тогда постигала та или другая работа. Однимъ словомъ это изданіе матеріаловъ потому развѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, что они переплетены въ отдѣльныя книги, по невозможности переплести ихъ всѣ въ одну. Оно представляетъ конечно большія неудобства, какъ для ссылокъ, такъ и вообще для обращенія съ ними. Г. Скребицкій привелъ все это въ систему.

Къ достоинству его труда должно отнести и большую точность изложенія того, чѣмъ онъ пользовался, а самое существенное въ немъ: соображенія и заключенія редакціонныхъ комиссій, а также отзывы депутатовъ приводятся подлинникомъ, почти во всей ихъ цѣлости. Если бы г. Скребицкій поставилъ себѣ задачей написать исторію крестьянскаго дѣла за періодъ разработки его въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то по близости времени къ совершившемуся событію и по невозможности пользоваться частными матеріалами ничего удовлетворительнаго изъ этого конечно не могло бы выйти, и во всякомъ случаѣ приведеніе подлинныхъ матеріаловъ въ такой точности уже не могло бы имѣть мѣста.

Ссылки на источники во всѣхъ отдѣлахъ труда г. Скребицкаго облегчаютъ его повѣрку съ ними и обращеніе съ подлиннымъ,

неприведеннымъ въ порядокъ матеріаломъ. Если его сочиненіе не есть собственно исторія крестьянскаго дѣла, даже въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то все таки оно (кромѣ введенія) есть разработанный сводъ матеріаловъ редакціонныхъ комиссій, и несомнѣнное его достоинство заключается въ томъ, что оно представляетъ вѣрный ключъ къ исторической обработкѣ того, что оставили по себѣ редакціонныя комиссіи; работа г. Скребицкаго должна служить важнымъ пособіемъ будущему историку крестьянской реформы.

Практическая польза труда г. Скребицкаго сверхъ того состоитъ въ томъ, что онъ заключаетъ хотя въ пяти большихъ книгахъ, но все таки въ значительно меньшемъ объемѣ, нежели «Матеріалы редакціонныхъ комиссій и приложенія къ нимъ», все самое существенное, что въ нихъ находится; отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ, которые составляютъ библиографическую рѣдкость, особенно членовъ втораго приглашенія, напечатанные только въ 50 экземплярахъ ¹⁾, сдѣланы доступными для многихъ, какъ бы въ подлинникѣ.

Оближеніе всего изложеннаго о трудѣ г. Скребицкаго приводитъ къ слѣдующимъ, окончательнымъ о немъ соображеніямъ: трудъ его начать почти немедленно за обнаруженіемъ Манифеста и Положеній объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля, именно первый печатный томъ его изданія появился уже въ слѣдующемъ за тѣмъ 1862 году, когда удовлетворительное историческое изслѣдованіе разработки дѣла было невозможно; оконченный въ 1868 году, этотъ трудъ есть слѣдовательно плодъ слишкомъ шестилѣтнихъ непрерывныхъ занятій автора, который одинъ, безъ помощниковъ, имѣлъ смѣлость взяться за такое предпріятіе, котораго польза относится не только къ будущему, но и къ настоящему, какъ я старался показать въ самомъ началѣ статьи, при объясненіи важности труда, касающагося разработки крестьянскаго дѣла для всѣхъ послѣдующихъ реформъ. Сочиненіе его, содержащее 5382 страницы и изданное на частныя средства, вѣроятно не можетъ вполне окупиться и возбудить такое сочувствіе въ публикѣ, которое могло бы до нѣкоторой степени вознаграждать автора за положенный въ него трудъ и за потраченное время, такъ какъ это сочиненіе, по свойству своему, совсѣмъ недоступно для

¹⁾ См. статью мою: Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу. Русск. Вѣстникъ за 1868 годъ № 11, стр. 75 въ выноскѣ.

последовательнаго чтенія. Всѣми матеріалами, которыми авторъ могъ располагать, онъ воспользовался со всею добросовѣстностью, и трудъ его есть первый опытъ разработки матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, облегчающій всѣ последующіе труды по этому предмету. Никакого полнаго руководящаго сочиненія по крестьянскому дѣлу до него издано не было. Наконецъ сводъ, сдѣланный столь обширному и неприведенному ни въ какой порядокъ матеріалу, есть до нѣкоторой степени самостоятельное произведеніе, а введеніе въ него само по себѣ, въ объемъ цѣлой книжки, есть историческое изложеніе, за извѣстный періодъ времени, хода разработки крестьянскаго дѣла.

Исчисленныя достоинства разобраннаго здѣсь, обширнаго и добросовѣстнаго труда, по такому предмету, который составляетъ самый насущный интересъ Россіи, взятыя всѣ въ совокупности, даютъ, по моему мнѣнію, г. Скребицкому полное право на удостоеніе его большой награды, учрежденной въ память о бывшемъ президентѣ Императорской Академіи Наукъ, графѣ Сергіѣ Семеновичѣ Уваровѣ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ М. МОРОШКИНА:

«Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до настоящаго времени». Часть 2-я. Сиб. 1870 г.

Рецензія А. Н. Попова.

Заключая отчетъ о первой части сочиненія о Морошкина, вышедшей въ 1867 г., мы сказали, что по окончаніи борьбы іезуитовъ съ митрополитомъ Сестреничичемъ, «ихъ замыслы развились широко, на всю Россію. Они хотѣли доказать Риму, что въ то время, когда онъ преслѣдовалъ своихъ вѣрныхъ слугъ, они завоевали ему новый міръ и снова готовы сдѣлаться передовою дружиною его воинства. Но на окончаніи царствованія Павла останавливается разсматриваемое нами сочиненіе, поэтому и мы должны остановиться». Теперь, послѣ появленія второй части этого сочиненія, обвиняющей исторію іезуитовъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, мы считаемъ долгомъ, въ дополненіе къ отчету о первой части, представить отчетъ и объ этой второй части. Она вышла послѣ кончины о. Морошкина, такъ рано и неожиданно прервавшей его въ высшей степени полезную учено-литературную дѣятельность, и представляетъ, не менѣе первой части, любопытныя и важныя свѣдѣнія, тщательно собранныя и обработанныя и стройно изложенныя.

Политика русскаго правительства, однаково благосклонная въ отношеніи къ іезуитамъ въ продолженіе трехъ царствованій, Екатерины, Павла и Александра I, приводила къ однимъ и тѣмъ же

послѣдствіямъ; но происходила однакоже изъ совершенно различныхъ началъ.

Императрица Екатерина хорошо понимала значеніе *коварный-шаго*, по ея выраженію, изъ всѣхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ; но видѣла въ немъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія, наиболѣе способное орудіе къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей. Иезуитскій орденъ очутился въ предѣлахъ имперіи съ 1773 г., т. е. послѣ раздѣла Польши. Уничтоженный Римомъ, изгнанный изъ всѣхъ государствъ западной Европы, кромѣ Пруссіи, онъ сосредоточилъ свои силы въ Полоцкѣ и на дѣлѣ продолжалъ свое существованіе, вопреки папскому запрещенію. Очевидно, его отношенія къ римскому двору были враждебны въ то время; а между тѣмъ римскій дворъ, какъ въ слѣдствіе самого раздѣленія Польши, такъ особенно въ слѣдствіе начавшагося въ значительной степени въ Бѣлоруссіи, обращенія униатовъ въ православіе, былъ крайне враждебно расположенъ къ русскому правительству. Покровительствуя иезуитамъ, императрица могла посредствомъ ихъ привлечь на свою сторону новыхъ своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія, которыхъ конечно всѣми способами возбуждала противъ Россіи политика римскаго двора. Послушнымъ орудіемъ этой политики было все польское духовенство. Его враждебное настроеніе къ Россіи, отражавшееся и на другихъ сословіяхъ, кромѣ простаго народа, поставило даже въ сомнительное положеніе вопросъ о присягѣ на вѣрность новой государственной власти. Иезуиты первые присягнули императрицѣ и увлекли за собою всю страну. Польское духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось преимущественно народное образованіе, безъ сомнѣнія продолжало бы его въ исключительно польскомъ направленіи и враждебномъ Россіи, какъ и дѣйствовалъ орденъ піаровъ. Иезуиты, какъ по общему характеру своего ордена, такъ и по составу его въ это время изъ изгнанниковъ и пришельцовъ изъ разныхъ странъ и народовъ, не принадлежали ни къ какой народности и выражали готовность служить и—русской. Считаая иезуитовъ хорошимъ орудіемъ для воспитанія юношества, едва ли императрица высоко цѣнила вообще ихъ воспитаніе, какъ даже Фридрихъ великій. Выражая постоянно эту мысль въ сношеніяхъ съ Римомъ, она въ тоже время объясняла своему посланнику въ Варшавѣ, что дѣйствительно считаетъ иезуитовъ хорошими воспитателями юношества — *въ этихъ областяхъ*, т. е. присоединенныхъ отъ Польши. Тамъ и сосредоточивалась исключительно ихъ дѣятельность во все

царствованіе Екатерины великой. Въ новое царствованіе, послѣдовавшее за кончиною императрицы, вмѣсто Полоцка уже Петербургъ сдѣлался средоточіемъ іезуитской дѣятельности и вмѣсто Бѣлоруссіи для ней открылось широкое поприще всей Россіи. Прежде всего они забрали въ свои руки все управленіе латинскою церковью въ имперіи, удаливъ отъ дѣлъ и потомъ изгнавъ въ заточеніе, митрополита Сестренцевича, очень хорошо понимавшаго все ихъ козни и постоянно имъ противодѣйствовавшаго. За тѣмъ, изъ временнаго и можетъ быть нужнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ, орудія русской политики, они наоборотъ желали руководить ею и русскую политику превратить въ свое орудіе.

Въ отношеніи къ внѣшней нашей политикѣ, для іезуитовъ первой важности вопросъ заключался въ томъ, чтобы убѣдить папу и римскій дворъ снова возстановить орденъ іезуитовъ, хотя временно признавъ законнымъ его существованіе лишь въ Россіи. Нашъ кабинетъ постоянно и усиленно заботился исполнить желаніе іезуитовъ и — наконецъ достигъ цѣли. Папа подписалъ бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи. Петербургскіе іезуиты уже знали объ этомъ, знали что бреве уже было отправлено изъ Рима въ Петербургъ, и нетерпѣливо ожидая вожделѣнной минуты его полученія и обнародованія, въ знакъ благодарности поспѣшно подготавливали слѣдующее, конечно пріятное для римскаго двора событіе.

Въ отношеніи къ внутренней политикѣ Россіи замыслы іезуитовъ конечно не могли ограничиться только тѣмъ, чтобы захватить въ свои руки все управленіе латинскою церковью въ имперіи, т. е. управлять незначительнымъ меньшинствомъ ея подданныхъ. Простирая свои виды на цѣлый міръ, они въ этомъ случаѣ могли мириться лишь съ присоединеніемъ всехъ русскихъ подданныхъ, исповѣдывавшихъ православіе всеянской церкви, къ церкви латинской. Таковъ и былъ ихъ замыселъ. Они хотѣли повторить въ отношеніи къ Россіи тоже, что въ XVI столѣтіи удалось имъ въ отношеніи къ православной церкви, находившейся въ предѣлахъ польскаго королевства, т. е. устроить подъ названіемъ *унии* ея подчиненіе церкви латинской и надѣялись въ русскомъ правительствѣ найти такое же покорное, но болѣе могущественное орудіе для приведенія въ исполненіе своего замысла, какое въ свое время нашли въ правительствѣ польскомъ.

Нельзя не замѣтить, что направленіе общества того времени, наиболѣе соприкасававшагося съ правительствомъ, и многихъ прави-

тельстванных лицъ, могло внушать имъ эту надежду. Послѣ французской революціи высшее петербургское общество постоянно наполнялось эмигрантами изъ Франціи и Италіи. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, число ихъ значительно умножилось, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и устроилъ его капитулъ въ Петербургѣ. Этотъ орденъ составлялъ средоточіе всѣхъ иностранныхъ выходцевъ, большею частію учениковъ іезуитовъ или ихъ почитателей. Званіе эмигранта сдѣлалось почетнымъ и доставляло право на всѣ сословныя привилегіи и высшія мѣста государственной службы. Такое положеніе эмигрантовъ и особенно членовъ Мальтійскаго ордена, относившихся непосредственно къ императору, какъ своему магистру, помимо учреждений и властей русской имперіи, превращало ихъ изъ учениковъ и почитателей іезуитовъ, въ могущественныхъ покровителей ихъ ордена. Они постоянно проповѣдывали, что іезуиты могутъ служить единственно годнымъ орудіемъ противъ революціи, что одни они способны воспитывать поколѣнья въ строгой законности и повиновеніи властямъ. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на іезуитовъ и императоръ Павелъ и питалъ къ нимъ полную довѣренность.

Получивъ извѣстіе объ отправленіи папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена, О. Груберъ, пользовавшійся правомъ лично являться къ императору, прибылъ во дворецъ 11 марта 1801 г. съ проектомъ о соединеніи церквей. Но за недосугомъ онъ не былъ принятъ императоромъ; а на другой день узналъ о внезапно послѣдовавшей его кончинѣ. Описаніемъ этихъ происшествій начинается 2-й томъ Исторіи іезуитовъ въ Россіи о. Морошкіна и затѣмъ подробно, на основаніи достовѣрныхъ и большею частію неизданныхъ источниковъ, излагается дѣятельность іезуитовъ въ царствованіе Александра I. Къ сожалѣнію, покойный сочинитель этого замѣчательнаго труда не успѣлъ написать, какъ сказать, послѣднихъ строкъ, послѣдней главы объ удаленіи іезуитовъ изъ Петербурга и потомъ изгнанія ихъ вообще изъ Россіи.

Въ новое царствованіе взглядъ правительства на іезуитовъ измѣнился совершенно. Кромѣ личнаго взгляда самого императора и лицъ, пользовавшихся наибольшимъ его довѣріемъ, возвращеніе пзъ ссылки митрополита Сестрепевича, возведеніе его вновь въ должность предсѣдателя римско-католической коллегіи, и пересмотръ устава объ управленіи латинскою церковью въ имперіи послужили поводомъ къ обнаруженію коварныхъ дѣйствій іезуитовъ въ пред-

шествовавшее царствованіе. Впрочемъ не смотря на правильный взглядъ новаго правительства на этотъ орденъ, оно готово было оградить ихъ существованіе въ имперіи, руководствуясь самыми широкими началами *въротерпимости*. Но общественная среда была такъ уже подготовлена въ пользу іезуитовъ, что ихъ защитники въ обществѣ и правительствѣ превращались болѣею частію въ покровителей. Іезуитамъ удалось съ самаго начала царствованія Александра I удержать за собою право прямо относиться къ государю, если не лично чрезъ своихъ представителей, чего они домогались, то по крайней мѣрѣ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, не признавая никакихъ правительственныхъ властей имперіи, ни римско-католической духовной коллегіи. Имъ удалось обнародовать папское бреве о возстановленіи ихъ ордена, не соблюдая установленныхъ на то правилъ въ нашихъ законахъ и несмотря на холодность и непріятныя отношенія нашего двора къ римскому престолу по случаю избранія новаго магистра Мальтійскаго ордена. Имъ удалось разбросать по всеѣмъ краямъ Россіи своихъ миссіонеровъ, найти покровителей въ остзейскихъ губерніяхъ, въ саратовскихъ колоніяхъ, въ Одессѣ и Новоросійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Сибиріи. Возведеніемъ своего Полоцкаго училища въ академію, равную по правамъ съ университетамъ, имъ удалось свою учебную дѣятельность удалить отъ надзора правительства. Но тѣ же самыя начала *въротерпимости*, на основаніи которыхъ русское правительство временъ Александра I обезпечивало имъ благонадежное существованіе въ имперіи, должны были наконецъ привести его— къ изгнанію іезуитовъ.

Конечно, зная взгляды императора, іезуиты отложили мысль обратиться въ унию всю Россію; но могли ли они отказаться вообще отъ совращеній, отъ прозелитизма, составляющаго основной и существенный характеръ ихъ общества? Отказаться притомъ въ такое время, когда высшее общество, воспитанное иностранцами, утратило всякое понятіе о своей церкви, наполнялось иностранцами — учениками и почитателями іезуитовъ, способствовавшими ихъ пропагандѣ? Конечно нѣтъ. Въ подготовленной уже средѣ, совращенія быстро слѣдовали одна за другими и не могли не обратиться на себя вниманіе правительства, которое, обезпечивая существованіе іезуитовъ въ Россіи, прямо заявило имъ: «что въ случаѣ нарушенія обѣщанія и особенно, если орденъ позволитъ себѣ обращать въ католичество юношество, исповѣдующее другую вѣру; то такое нарушеніе условія строго будетъ наказано и это будетъ поводомъ

отказать во всякомъ покровительствѣ ордену, даже въ терпимости его въ Россіи».

Иезуиты и писатели, ихъ защитники, постоянно указываютъ на совращеніе юноши кн. Голицына, близкаго родственника тогдашняго министра просвѣщенія и исповѣданій, какъ на причину изгнанія іезуитовъ изъ Россіи, желая конечно показать какой незначительный поводъ заставилъ русское правительство прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ. Совращеніе кн. Голицына конечно могло бы быть явленіемъ случайнымъ, еслибъ оно не было однимъ изъ многочисленныхъ совращеній, учиненныхъ іезуитами, которыхъ вся дѣятельность въ Россіи и заключалась въ совращеніяхъ, вопреки общаго, при данному нашему правительству никого не совращать.

Изложивъ общее содержаніе сочиненія о. Морошкина, мы могли бы его дополнить многочисленными подробностями, и для этого намъ пришлось бы дополнить нашъ отчетъ выписками изъ самого сочиненія. Но, во-первыхъ, мы это считаемъ излишнимъ въ виду тѣхъ лицъ, которымъ представляется этотъ отчетъ, — безъ сомнѣнія знакомыхъ съ сочиненіемъ; а во вторыхъ — эта книга любопытна съ первой страницы и до послѣдней и трудно выбрать изъ нея выдержки.

Поэтому намъ остается только усердно просить Академію обратить на это замѣчательное сочиненіе благосклонное вниманіе и удостоить его преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ О. МИЛЛЕРА:

«Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кievское».

Рецензія академика Ф. И. Буслаева.

Взявъ предметомъ своего сочиненія Илью Муромца, г. Миллеръ—согласно общему строю нашего богатырскаго эпоса—сосредоточиваетъ около этого героя подробное изслѣдованіе вообще всѣхъ былинъ о такъ называемомъ богатырствѣ кievскомъ. Начинаетъ онъ съ эпизода о боѣ отца съ сыномъ, и, усматривая въ этомъ эпизодѣ связь Муромца съ Святогоромъ, переходитъ вообще къ богатырямъ старшимъ; затѣмъ предлагаетъ обстоятельную характеристику эпическаго князя Владиміра и его богатырей, туземныхъ и заѣзжихъ, проводя ее по былинамъ отъ самыхъ раннихъ преданій до позднѣйшихъ слѣдовъ татарщины, Ермака и казачества; потомъ цѣлую главу посвящаетъ калпкамъ переходимъ и отношенію Ильи Муромца къ Идолищу и князю Царегралскому, и наконецъ, предложивъ сравненіе кievскихъ былинъ съ новгородскими, заключаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ того значенія, какое имѣетъ періодъ суздальскій въ развитіи нашего богатырскаго эпоса.

Чтобы въ краткомъ обзорѣнн дать по возможности полное понятіе объ обширномъ трудѣ почтеннаго профессора, я раздѣляю свой отзывъ на два отдѣла: сначала познакомлю съ методомъ из-

слѣдованія, и потомъ изложу главнѣйшіе результаты, къ которымъ этотъ методъ приводитъ изслѣдователя. Оба эти отдѣла будутъ остереть въ такой же тѣсной связи, какъ процессъ работы и выработанный матеріалъ, какъ принятый путь и цѣль, къ которой онъ ведетъ, такъ что оцѣнкою метода опредѣлится въ значительной степени качество данныхъ, вносимыхъ авторомъ въ науку, а уясненіемъ той цѣли, которую онъ назначаетъ себѣ, будетъ оцѣнена годность ведущаго къ ней пути.

И такъ, начинаю съ метода.

Прежде всего, что представляется изслѣдователю русскаго эпоса—это цѣлый рядъ эпизодовъ или былинъ во множествѣ разныхъ редакцій и вариантовъ, пропущенныхъ частію отъ разнообразія и богатства самаго матеріала, который могъ исчерпываться въ теченіе столѣтій такимъ же разнообразіемъ былинъ объ одномъ и томъ же сюжетѣ, частію отъ различія по мѣстностямъ, гдѣ былины возникли или куда онѣ переносились, и наконецъ отъ многихъ случайностей, которымъ былины могли подвергаться, будучи измѣняемы, подновляемы или искажаемы въ теченіе своего многолѣтняго существованія въ устахъ народа. Чтобы составить себѣ полное и ясное понятіе о томъ, какъ народный эпосъ изображаетъ бой Ильи Муромца съ его дѣтищемъ, пораженіе Соловья-разбойника или отношеніе Потока къ его женѣ, изслѣдователю нужно сначала разсмотрѣть всѣ редакціи и варианты былинъ каждаго изъ этихъ сюжетовъ, и потомъ опредѣлить въ точности существенныя различія редакцій и вариантовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее имъ всѣмъ единство, положенное имъ въ основу. При этомъ должны оказаться черты каждаго преданія древнѣйшія, первобытныя, и болѣе или менѣе позднѣйшія, и между позднѣйшими такія, которыя объясняются мѣстностью или исторіею, и такія, которыя носятъ на себѣ явные слѣды искаженія. Сверхъ того однѣ редакціи краткія, другія распространенныя; однѣ въ цѣломъ рядѣ былинъ передаютъ эпическій матеріалъ о какомъ нибудь героѣ по частямъ, дробя его на эпизоды, посвящая каждому эпизоду отдѣльную былинку; напротивъ того, другія редакція группируютъ въ одно цѣлое все, что можно сказать о героѣ, и такимъ образомъ собираются въ одну сводную редакцію всѣ эти мелкіе эпизоды, воспеваемые, такъ сказать, въ-разсыпную, въ отдѣльныхъ краткихъ былинахъ.

Собиратели и издатели былинъ, конечно, не могли не обратить вниманія на этотъ предметъ, вызванный на то самымъ разнообра-

зіємъ собирасаго и надавасаго ими матеріала; что же касается до изслѣдователей, то они не брали на себя тяжелаго труда—критически разсмотрѣть всё извѣстныя намъ редакціи и варианты каждой былины, и для своихъ наблюденій довольствовались тѣмъ или другимъ пересказомъ, основываясь въ своемъ выборѣ случайностью личнаго вкуса. Такое ненаучное отношеніе къ матеріалу русскаго народнаго эпоса противорѣчило основнымъ правиламъ современной филологической критики. Профессору Миллеру принадлежитъ важная заслуга исправить въ нашей ученой литературѣ этотъ капитальный недостатокъ. обстоятельное сравненіе всѣхъ редакцій и вариантовъ каждой былины было первою задачею его почтеннаго труда.

Само собою разумѣется, что наука не можетъ остаться при томъ, что только еще начато г. Миллеромъ. Со временемъ будутъ открыты болѣе точныя правила для опредѣленія первобытности или вообще древности редакцій и вариантовъ, будутъ яснѣе опредѣлены пути, по которымъ разнорѣчія развивались и искажались; можетъ быть, въ самой верификаціи, на которую авторъ мало обратилъ вниманія, ученые найдутъ новый источникъ для возстановленія лучшихъ текстовъ; но во всякомъ случаѣ, продолжатели этой важной критической работы будутъ обязаны тѣмъ началамъ, на которыя столько труда положилъ г. Миллеръ. Если бы въ своей книгѣ авторъ ограничился только этимъ однимъ дѣломъ, то и тогда она заняла бы самое почетное мѣсто въ литературѣ по русскому народному эпосу.

Итакъ, чтобы подвергнуть научному разсмотрѣнію нашъ эпосъ, сначала надобно было имѣть подъ руками его тексты, во всемъ ихъ разнообразномъ обиліи, надобно было во всѣхъ разнорѣчіяхъ и даже иногда противорѣчіяхъ отдѣльныхъ былинь, изъ которыхъ онъ слагается, усмотрѣть одно стройное цѣлое. Случайность личнаго выбора устранена, и матеріалъ является во всей его объективности, какъ продуктъ совокупныхъ силъ многихъ вѣковъ и разныхъ мѣстностей нашего отечества.

Именно такой-то матеріалъ г. Миллеръ и беретъ для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Сравнительный методъ, блистательно выработанный нѣмецкими учеными, даетъ ему руководящія нити. И до сихъ поръ сравнивали русскій эпосъ съ народною поэзіею другихъ народовъ, но это дѣлалось не систематически, по частямъ, болѣе случайно: одинъ ученый сравнивалъ съ поэзіею германскою,

другой съ греческою, иной съ индійскою, такъ что всё эти попытки носили на себѣ явный характеръ односторонности.

Чтобы устранить этотъ существенный недостатокъ, надобно было, запасшись обширными свѣдѣніями сравнительнаго изученія иностранныхъ литературъ — повсюду отыскивать сходное съ русскимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ внести русскій эпосъ въ сравнительное изученіе вообще народной поэзіи всёхъ народовъ, по скольку этотъ предметъ доступенъ современной наукѣ. Задача трудная, и уже по тому самому въ настоящее время не разрѣшимая, что сравнительная наука далеко еще не обошла того громаднаго цикла народностей, который ей предстоитъ. Впрочемъ, г. Миллеръ предусмотрительно ограничиваетъ область своихъ сравнительныхъ наблюдений.

Во-первыхъ, онъ сосредоточивается на родственныхъ индоевропейскихъ народностяхъ, и особенно останавливается на эпосѣ германскомъ, какъ наиболѣе разработанномъ, во вторыхъ, входитъ въ подробнѣйшія сближенія русскаго эпоса съ поэзіею родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, особенно сербовъ, столь богатыхъ своимъ эпическимъ творчествомъ, и наконецъ, стѣсняя кругъ сравненій русскою народностію, проводитъ онъ сравнительныя параллели между быльями и русскими сказками, загадками, лѣтописными сагами, мѣстными преданіями.

Кромѣ сродства племеннаго г. Миллеръ допускаетъ сродство по одинаковости умственнаго и нравственнаго развитія народовъ въ звѣстномъ періодѣ ихъ бытія, пменно въ періодѣ такъ называемомъ эпическомъ. На этомъ основаніи могутъ быть сближаемы по нѣкоторымъ обрядамъ и преданіямъ славянскія племена, напримеръ съ дикарями американскими. Это сродство можно назвать логическимъ или психологическимъ.

Что касается теоріи заимствованія, представителемъ которой признается Теодоръ Бенфей, то г. Миллеръ, находя ее примѣнною къ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, объясняемымъ дѣйствительно историческимъ вліяніемъ, признаетъ ее непригодною для изслѣдованія такихъ самородныхъ памятниковъ народной жизни, какъ наши быльи. Примѣненіе ея къ вопросу о происхожденіи русскаго богатырскаго эпоса, сдѣланное г. Стасовымъ, онъ полагаетъ неудачнымъ возвращеніемъ къ тѣмъ устарѣлымъ взглядамъ, которые были возможны въ наукѣ только до открытія сравнитель-

наго изученія языковъ и народностей ¹⁾. Чтобы доказать это фактами, онъ нашелъ себя вынужденнымъ вдаваться въ подробнѣйшія сравненія русскихъ былинь съ народною поэзію монгольскихъ, тюркскихъ и другихъ азіатскихъ племенъ, преслѣдуя шагъ за шагомъ г. Стасова, и даже иногда дополняя его сравненія, съ тѣмъ чтобы сильнѣе ихъ опровергнуть. Смотр. стр. 273, 302, 303, 354, 384, 395 — 413, 423, 434, 559 и мн. др. «Впрочемъ — замѣчаетъ почтенный профессоръ съ свойственною ему добросовѣстностью — настоящей, полной провѣрки не могло быть съ моей стороны, потому что и я, подобно самому г. Стасову, незнакомъ съ восточными языками» ²⁾.

Такимъ образомъ, сближеніе нашихъ былинь съ поэзію восточныхъ народовъ составляетъ въ разбираемой мною книгѣ одну изъ составныхъ частей всесторонняго сравнительнаго метода, основною питью котораго принято сродство племенное. Вопросъ поставленъ на твердой почвѣ сравнительной науки о народностяхъ, и для рѣшенія его собраны всестороннія сравнительныя данныя, въ силу которыхъ уже сама собою изобличается всякая односторонность.

Своими началами былинный эпосъ восходитъ къ доисторической эпохѣ созданія мифовъ, и потомъ, обособляясь вмѣстѣ съ языкомъ и народностью вообще, прикрѣпляется къ родной мѣстности, и, развиваясь въ теченіи извѣстнаго періода эпического творчества, вноситъ въ свое содержаніе черты народнаго быта и главнѣйшія историческія данныя. Такую одновременную смѣсь элементовъ авторъ называетъ *словнымъ* составомъ народнаго эпоса, и всю свою книгу посвящаетъ наблюденію надъ этимъ словеснымъ составомъ въ примѣненіи къ нашимъ былинамъ.

Для опредѣленія мифологическихъ основъ русскаго эпоса авторъ пользуется сравнительною мифологіею, прилагая теорію такъ называемой мифологіи природы къ объясненію древнѣйшихъ возрѣвій, лежащихъ въ основѣ богатырскихъ личностей и ихъ походовъ. Чтобы дать систему этимъ возрѣвіямъ, приводитъ ихъ къ одному общему началу, которое указываетъ въ борьбѣ двухъ элементовъ

¹⁾ См. введеніе къ разбираемой мною книгѣ, стр. XVII—XXI.

²⁾ Сказано въ одномъ изъ примѣчаній къ «Вступительной рѣчи, произнесенной 25 января 1870 г. въ Санктпетербургскомъ Университетѣ передъ публичнымъ защищеніемъ диссертациі на степень доктора, доцентомъ русской словесности О. Ф. Миллеромъ».

изт-за третьяго (стр. 274 — 275). Сверхъ того въ общей характеристикѣ эпическихъ походовъ руководствуется установленными въ наукѣ такъ называемыми сказочными формулами ¹⁾. Дѣйствительно, мифологія природы и сказочныя формулы — это такіе два принципа, которые освѣщаютъ темную, доисторическую старину раннихъ эпическихъ преданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ руководящія нити, на которыя такъ легко можно нанизывать ряды сравнительныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, нашъ Илья Муромецъ сближается съ индійскимъ Индрою, съ греческимъ Зевсомъ, съ германскимъ Торомъ; въ былинѣ о женьбѣ Добрыни усматриваются формулы Дѣвы-воительницы и Пенелопы, въ былинѣ о Садкѣ, спускающемся въ море къ морскому царю — формулы Орфея и Аріона ²⁾. Нѣкоторыя изъ формулъ могли быть основаны на первобытныхъ мѣтахъ, напримѣръ, борьба съ змѣемъ, другія — на общихъ вѣсѣмъ народамъ бытовыхъ и историческихъ данныхъ, напримѣръ, кочевье, осѣдность, борьба младшаго поколѣнія съ старшимъ, борьба со врагами, похищеніе невѣсты и т. п., наконецъ многія другія формулы обязаны своимъ происхожденіемъ, частію единству эпическихъ пріемовъ, основанному на законахъ логики и психологіи, частію разнымъ случайностямъ, согласно Бенѣевской теоріи историческаго вліянія и заимствованія.

Когда приведется къ болѣе точному и полному рѣшенію вопросъ объ этихъ сказочныхъ, или эпическихъ формулахъ, тогда въ значительной степени уяснится вопросъ о составѣ народнаго эпоса. Но уже и при настоящемъ состояніи сравнительнаго изученія, это дѣло приводитъ къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ, какъ это явствуетъ изъ книги г. Миллера. Что же касается до общихъ принциповъ, къ которымъ авторъ, на основаніи мифологіи природы, старается подвести разнообразныя данныя нашего былиннаго эпоса, то принятая имъ теорія борьбы двухъ элементовъ изт-за третьяго, по своей общности и эластичности въ приложеніи, едва ли удовлетворитъ строгимъ требованіямъ науки, направленнымъ къ опредѣленной, точной постановкѣ фактовъ. Самъ авторъ неоднократно это чувствуетъ; такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «известно, до какого противорѣчащаго разнообразія дохо-

¹⁾ Pahn. Griech. u. Alban. Märchen. I, стр. 45.

²⁾ Всев. Миллера «О сравнительномъ методѣ автора происхожденія русскихъ былинъ» въ 3-мъ выпускѣ Всеѣдъ въ Обществѣ Любит. Рос. Слов. 1871 г. стр. 169.

дили представленія мнѣческія», или въ другомъ мѣстѣ: «потому-то и такое сходство, а отсюда и такая перепутанность между мнѣами небесными съ одной, и мнѣами солнечными и громовыми съ другой стороны. Потому-то и сходство и перепутанность между богатырями, выработавшимися изъ небеснаго божества, и тѣми, которые выработались изъ божествъ солнечныхъ и громовыхъ», стр. 337, 543. Такимъ образомъ, слишкомъ широкое, слишкомъ общее опредѣленіе мнѣа съ одной стороны, и допущеніе постоянной перепутанности мнѣовъ съ другой стороны, даютъ автору возможность легко обобщать наши богатырскіе тины. По этой теоріи оказываются въ основѣ своей одно и тоже — и Потокъ, и Илья Муромецъ, и Дунай (стр. 392), или Егорій, Добрыня и князь Владиміръ (стр. 433 — 434). Дунай сближается съ Муромцомъ потому, что — «какъ богъ-богатырь-рѣка (небесная), онъ близокъ къ богу громовнику (громъ сопровождается же всегда дождемъ). Мы знаемъ уже, что отъ удара копытомъ (молніею) коня громоваго бога протекають источники. Въ концѣ же нашихъ былинъ о Дунаѣ, послѣ убіенія жены, онъ самъ закалывается и отъ крови его протекаетъ рѣка» (стр. 345). Добрыня, какъ змѣборецъ, сближается съ Егоріемъ и Тирономъ духовныхъ стиховъ, и утопаніе всѣхъ троихъ въ змѣиной крови объясняется мнѣчески тѣмъ, что небесная рѣка или дождь представляются въ видѣ крови змѣи-тучи (стр. 431). И Соловей-разбойникъ есть то же туча или ненастье съ свистомъ вѣтровъ и рѣками дождей, потому, какъ змѣй, онъ шипитъ по-змѣиному (стр. 275). Это демонъ бурной тучи (стр. 269). Положимъ, что у Добрыни, какъ божества солнечнаго, мнѣческая основа совершенно иная, чѣмъ у громовника—Ильи Муромца (стр. 433), но оба они являются однимъ и тѣмъ же мнѣческимъ существомъ, оба сливаются въ одну личность въ пораженіи тучи, которая представляется для Добрыни въ видѣ многоглаваго змѣя, для Ильи въ видѣ Соловья-разбойника, потому что богатыри, выработанные изъ божествъ солнечныхъ и громовыхъ перепутываются между собою (стр. 543), то есть, какъ солнце, такъ громъ съ молніею, одинаково поражаютъ тучу.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ своей все мнѣческое въ нашихъ былинахъ должно быть объяснено мнѣологіею; нѣтъ также сомнѣнія, что толкованіе первобытныхъ мнѣовъ явленіями природы приводить къ нѣкоторымъ результатамъ самымъ удовлетворительнымъ, и г. Миллеръ безспорно оказалъ услугу наукѣ внесеніемъ нашихъ богатырей въ циклъ мнѣческихъ существъ, поскольку

своими ранними основами наши былины соприкасаются съ мифами. Но добросовѣстность и предусмотрительность не допускаютъ его въ этомъ дѣлѣ сказать послѣднее слово, остановиться на окончательно признанныхъ имъ результатахъ; потому что, какъ справедливо онъ замѣчаетъ, въ эпическихъ памятникахъ отдаленной эпохи — «трудно отличить мифъ отъ исторіи» (стр. 86), и мифическое могло соотвѣтствовать самымъ бытовымъ явленіямъ старины отдаленной (стр. 337). Хотя, по мифологіи природы, онъ толкуетъ Святогора представленіемъ горы, и гору объясняетъ тучею, но, не довольствуясь результатами сравнительной мифологіи природы, присовокупляетъ: «Въ сущности все это остается еще весьма и весьма гадательнымъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящемъ видѣ былины о гибели Святогора, онъ гибнетъ вполне, гибнетъ по приговору судьбы его поспавшей. Какая бы тамъ ни была первоначальная мифическая основа этого сказанія, въ настоящее время она уже совершенно заслонена въ немъ мыслию о смѣнѣ одного богатырскаго (а не божескаго) поколѣнія — другимъ смягченнымъ, менѣе сильнымъ, но именно потому-то и болѣе человѣчнымъ. Вотъ этою-то мыслию (повторяю здѣсь слова, сказанныя мною въ другомъ трудѣ), достойною движущагося впередъ, историческаго народа, нашъ видъ сказанія выдвигаетъ его изъ разряда сказокъ-сказодокъ (какими являются кашубское о Столымѣ и новогреческія о Дракѣ) и вноситъ его въ разрядъ былевыхъ. Между тѣмъ мысль эта находится, какъ не трудно замѣтить, въ самой тѣсной внутренней связи съ тою, которая выражена въ былевыхъ встрѣчахъ Святогора и Волха-Волги съ первенствующимъ передъ ними Миколою — этимъ *предтечею* Ильи Муромца» (стр. 252—253).

Мысль автора ясна. Онъ не только не ограничивается сравнительною мифологіею въ опредѣленіи даже раннихъ основъ богатырскихъ типовъ, но и придаетъ ей гораздо менѣе значенія, нежели быту народному и исторіи, которые именно и наложили свои прочныя *слои* въ *словомъ* составѣ русскаго эпоса: въ чемъ и содержится главный предметъ изслѣдованія, какъ показываетъ самое заглавіе книги. Потому-то, въ интересахъ автора, мнѣ казалось необходимымъ прочесть и тверже установить тотъ древнѣйшій, собственно русскій слой, который наши былины наложили на эту неустановившуюся, колеблющуюся подъ ногами изслѣдователя мифологическую массу, сложенную изъ хаотической смѣси свѣта и тьмы, тепла и холода, тучъ и дождей и прочихъ элементовъ, по рубрикамъ которыхъ мифологія природы распредѣляетъ свой матеріалъ.

Каково бы ни было первоначальное, мифическое значеніе горъ и рѣкъ, но онѣ уже перестали быть тучами и дождями, какъ только русскій народъ сталъ слагать свои древнѣйшія сказанія, лѣтописныя и мѣстныя ¹⁾.

Въ богатыряхъ, какъ воспѣваются они въ нашихъ былинахъ, авторъ усматриваетъ личности уже человѣческія, въ дѣйствіяхъ своихъ подчиненныя законамъ нравственнымъ. Это не только люди, но и представители русскаго быта и исторіи. Между тѣмъ дѣйствующія лица въ мифахъ природы, какъ бессознательныя силы вещественныя, въ своихъ поступкахъ не руководятся правилами человѣческой нравственности, какъ существа демоническія позволяютъ себѣ дѣлать всякое зло безъ зазрѣнія совѣсти, будутъ ли то божества тьмы или свѣта, холода или тепла. Илья Муромецъ, какъ громовникъ, стоитъ внѣ человѣческой нравственности, но, какъ представитель русскаго народа, какъ герой бытовой и историческій, чувствуется въ разбираемой мною книгѣ высокими достоинствами нравственными. Этотъ переходъ отъ демона къ нравственному существу не могъ не обратить на себя вниманіе автора, напримѣръ, въ пѣвѣстномъ эпизодѣ о нарушеніи клятвы (стр. 296); и дѣйствительно эта смѣсь демоническаго съ сознательнымъ и безнравственнымъ съ нравственнымъ, не мало затруднявшая прежнихъ изслѣдователей народнаго эпоса, отлично объясняется наложеніемъ бытовыхъ и историческихъ слоевъ на слои мифологическіе. Но, какъ мнѣ кажется, авторъ недостаточно анализировалъ эту смѣсь, и именно по той причинѣ, что не провелъ болѣе замѣтной, болѣе точной черты между ранними, мифологическими слоями и позднѣйшими, бытовыми и историческими, и между данными общесравнительными и мѣстными, національно-русскими.

Чтобы нѣсколько объяснить мою мысль, приведу примѣры. Въ очищеніи поля изъ подъ лѣсу авторъ совершенно справедливо видитъ явленіе *бытовое* (стр. 286), сближающее этотъ эпизодъ изъ подвиговъ Ильи Муромца съ сказаніями восточными (стр. 175); какимъ же образомъ эта бытовая черта сливается въ нашемъ богатырѣ въ одинъ моментъ съ срываньемъ лѣсовъ *небесныхъ*, которое авторъ приписываетъ къ числу подвиговъ этого моліеносца? (стр. 182). Въ дубахъ, которые вырываетъ Илья, можно видѣть также то дерево, которое было посвящено Перуну (стр. 789), и съ

¹⁾ См. мою рецензію книги г. Миллера въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за апрѣль 1871 г.

другой стороны — очищеніе поля въ мѣстномъ сказаніи приурочивается къ христіанской легендѣ: будто бы три цѣльныхъ дуба, вырванныхъ Ильею, были положены въ основаніе деревянной церкви, впоследствии сгорѣвшей дотла (стр. 255). Пережили-ли лѣса небесныя въ обыкновенныя деревья, изъ-подъ которыхъ земледѣлецъ расчищаетъ поле, дѣлаетъ рощищу, пашь или огнище, или же два не зависящихъ другъ отъ друга сказанія слились въ одно, то есть, сказаніе о лѣсахъ небесныхъ и сказаніе объ огнищѣ? Не служить ли, можетъ быть, посредникомъ между небеснымъ и земнымъ лѣсомъ тотъ Перуновъ дубъ, который горѣлъ передъ истуканомъ божества, и потомъ получилъ христіанское освященіе, будучи положенъ въ основаніе той деревянной церкви? Имѣеть ли этотъ рядъ преданій какую нибудь связь съ извѣстнымъ зырянскимъ сказаніемъ о *Прокудливой березѣ*, и если имѣеть, почему авторъ не коснулся его? По этому сказанію также расчищаютъ лѣсъ, и пень ялычской березы освящается сооруженнымъ на немъ алтаремъ деревянной церкви ¹⁾.

Еще примѣръ. Германскіе герои, какъ и нашъ Муромецъ, очищаютъ пути отъ вражьиыхъ засадъ и проводятъ дорогу прямоѣзжую (стр. 77). Илья Муромецъ моститъ мосты по дорогамъ, дотолѣ непроходимымъ. Сличая, въ этомъ отношеніи, нашего богатыря съ Торомъ и Индрюю, авторъ замѣчаетъ: «Въ мнѣическомъ отношеніи мосты Ильи могутъ быть приняты и *за радугу*, представляющуюся мостомъ въ мифологіи у разныхъ народовъ» (стр. 279). Понятно по наглядности сближеніе радуги съ мостомъ черезъ рѣку или оврагъ, и особенно съ мостомъ, построеннымъ аркою; но мосты Ильи Муромца совсѣмъ не то: это мостовая изъ бревенъ, наложенныхъ по грязямъ и трясинамъ, для проведенія по нимъ прямоѣзжей дороги. Былина говоритъ такъ:

Скоро спущался онъ съ добра коня,
 Рукой онъ коня повелъ,
 А другой началъ мосты мостить,
 Тыл мосточки калиновы:
 Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую ²⁾.

Это фактъ, чисто бытовой, не имѣющій прямого отношенія къ ми-

¹⁾ Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго. Спб. 1856 г. стр. 14—16.

²⁾ Рыба. I, 47.

эпической радугѣ, и *мостить мосты*, какъ выраженіе существенной потребности быта, очень рано стало эпическою формулою, что явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста въ Словѣ о полку Игоревѣ: «оруть-мами и япончидами и кожухы начаша *мосты мостити по болотомъ и грязивомъ мѣстомъ* и всякими узорочьи Половецкыми». Что же касается до переправы черезъ рѣки, то для этого въ старину служили *бродъ* и *перевозъ*, оставившіе по себѣ замѣтные слѣды въ нашихъ эпическихъ сказаніяхъ, на что, какъ замѣчено мною въ другомъ мѣстѣ *), авторъ не обратилъ должнаго вниманія.

Такимъ образомъ, расчищеніе полей изъ подъ лѣсу, проведеніе дорогъ по непроходимымъ мѣстамъ, броды и перевозки черезъ рѣки—все это историческія данныя ранняго народнаго быта, общія славянамъ съ другими народами. Какъ подробности разсказа, эти данныя могли быть введены въ миѳъ, но сами по себѣ миѳическаго ничего не имѣютъ. Какъ явленіе историческое, они прикрѣпляются къ извѣстной мѣстности, и такимъ образомъ служатъ основой былевому эпосу, напримѣръ, въ собственномъ имени города *Кіева*, въ связи съ *Кіевымъ Перевозомъ* и съ эпическимъ княземъ *Кіемъ*; въ этихъ былинныхъ *грязяхъ Смоленскихъ*, по которымъ приходилось *мостить мосты*. Какъ выраженіе существенныхъ потребностей быта, они глубоко коренятся, столько же въ содержаніи эпоса, какъ и въ формахъ языка. Если Микула Селяниновичъ соответствуетъ чешскому Премыслу, и если онъ дѣйствительно, по выраженію автора, предтеча Ильи Муромца, то въ расчищеніи этимъ послѣднимъ лѣса около Муромъ надобно видѣть бытовой фактъ высокой важности. Прежде чѣмъ стать *княземъ мужемъ* въ дружинѣ князя Владиміра, онъ, какъ земледѣлецъ, трудится надъ устройствомъ русской земли для хлѣбонашества, онъ расчищаетъ доръ, палитъ лѣсъ, дѣлаетъ *огнище*, а *огнищемъ* и доселѣ въ Ярослав. Костр. губ., называется вновь расчищенное изъ-подъ лѣсу мѣсто, а потомъ, въ Псковск. Тверск., извѣстное разстояніе, т. е. извѣстное пространство земли. Илья Муромецъ, слѣдовательно, не кто другой, какъ *огнищанинъ*, то есть, и пахарь, расчищающій огнище, и *князь мужъ*, вариантъ Русской Правды при словѣ *огнищанинъ* ²⁾. Я не слишкомъ стою за эту филологическую характеристику Муромскаго богатыря, а привожу ее только въ объясненіе своей мысли

1) Въ моей рецензіи въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрель. 1871 г.

2) Слич. Срезневскаго, Мысли объ Исторіи русск. языка. 1850 г., стр. 150. Калачева, Изслѣд. о Рус. Праздѣ, стр. 113.

о томъ, что въ разбираемой мною книгѣ не достаточно точно отдѣлено мифическое отъ бытового и не удовлетворительно разобраны эпические слои, въ ихъ бытовой, исторической послѣдовательности. Авторъ такъ много говоритъ и о крестьянствѣ своего героя, и о воинскомъ стояннн его за землю русскую, что невольно заставляетъ искать такого посредствующаго термина, въ которомъ бы сливались въ одно цѣлое оба эти служенія русской землѣ. Для примѣра, я указываю этотъ терминъ въ огнищанинѣ, національный типъ котораго, такимъ образомъ, привлекаетъ Муромскаго богатыря изъ доисторической смутной толпы языческихъ божествъ сравнительной мифологн.

Далѣе. Авторъ слѣдя указаннмъ былинн, усматриваетъ въ своемъ героѣ высокія качества христіанской и вообще человѣческой нравственности. Ясно, что въ интересахъ собственной своей характеристики, онъ обязанъ былъ, какъ замѣчено мною выше, какъ можно точнѣе отдѣлнть замѣтною чертою нравственный индеферентизмъ мифа отъ человѣческой совѣсти нашихъ былинн. Уже самые мифы природы, будучи озарены свѣтомъ историческаго сознанн, переходятъ отъ наивныхъ интересовъ, ограниченныхъ скудными воззрѣннми на явленія природы, къ болѣе развитымъ интересамъ, умственнымъ и нравственнымъ. Такъ, напримѣръ, мифъ о глоткѣ напитокка, общій многимъ народамъ (стр. 126, 180), можетъ быть, первоначально, означаетъ воду небесную или дождь, потомъ, въ кровожадномъ быту дикарей означаетъ кровь, отсюда скандинавскій мифъ о чудодѣйственной крови убитаго Квасира, вѣроятно, состоящій въ связи съ варварскимъ обычаемъ разныхъ народовъ — пить изъ черепа убитаго врага; затѣмъ, раннее распространеніе *бортнаго* промысла *смывало* кровь съ *медомъ*, какъ и свидѣтельствуетъ именно о такой *смеси* тотъ же скандинавскій мифъ. Мифическій напитокъ сначала могъ имѣть значеніе какое нибудь стихійное, потомъ могъ давать вообще безсмертіе, то есть, продолженіе земной, физической жизни, наконецъ получилъ нравственный смыслъ поэзіи, мудрости, какъ въ скандинавскихъ мифахъ, или физической силы, умѣряемой и руководимой нравственными принципами, какъ въ сказаннн объ Ильѣ Муромцѣ. Что дѣйствительно таковъ смыслъ этого эпизода въ нашихъ былинахъ, это явствуетъ изъ того, что, по нѣкоторымъ варіантамъ, къ нашему богатырскому сидню являются самъ Христосъ съ Апостолами.

Правда, что эти данныя — впрочемъ и вообще очень извѣстныя — частію приводятся въ разныхъ мѣстахъ разбираемой мною

книгѣ, но авторъ и здѣсь не потрудился точнѣе отдѣлнить мпоичское отъ историческаго, потому что наложеніе христіанскаго слоя на мпоѣ принадлежитъ уже исторіи. Вообще должно замѣтить, что авторъ не довольно обратилъ вниманія на *двоевѣріе*, которое проходитъ черезъ всю нашу древнюю литературу и потому самому не могло не войти въ самыя основы нашего былиннаго эпоса.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что хотя авторъ долѣе останавливается на сравнительной мпоологіи, однако постоянно указываетъ въ эпосѣ и на слѣды народнаго быта и исторіи. Напримѣръ: развитіе мпоовъ о Валькиріяхъ и Одинѣ въ быту воинскомъ, стр. 128, 156; казацкое наслоеніе въ нашихъ былинахъ, стр. 202; княжеская дружина, стр. 224; звѣрніскіе обычаи Соловья-разбойника, вѣроятно, въ связи съ грубыми нравами далекой старины, чему авторъ однако не приписываетъ особеннаго значенія, стр. 264; удѣльный періодъ, стр. 310; умыканіе невѣстъ, стр. 337—338, 348; гулянье Дуная, бытовое, стр. 350, 387; Чесовая вдова, стр. 360, 365; Варяжская Рогнѣда, стр. 369; наемническое перекочеванье Варяга въ Михаилѣ Потыкѣ, стр. 387; историческій Добрыня, стр. 416—417; лѣтописный князь Владиміръ, стр. 493; грубость семейнаго быта, стр. 500; отношеніе князей Волынскихъ и Суздальскихъ къ земскимъ боярамъ, стр. 574; Дюкъ—рыцарь, стр. 587; Янъ Усмошвецъ, стр. 586, 683; Галицкая Русь, стр. 613—614; родовое и общинное начало, стр. 614; Даниилъ Заточникъ, стр. 646; Златыя Врата въ Кіевѣ, стр. 693; во Владиміръ, стр. 702; Илья Пророкъ, стр. 761, 801; мѣстное и бытовое въ типѣ Ильи Муромца, стр. 801, 810, 815; значеніе Суздальскаго періода въ развитіи нашего эпоса, стр. 809, и мн. др. И однако, всѣ эти и многія другія, бытовыя и историческія данныя, не будучи подведены подъ общее начало, оказываются въ книгѣ г. Миллера какими-то случайными замѣтками, между тѣмъ какъ часть сравнительная отличается основательностью въ постановкѣ главныхъ вопросовъ и стройностью и полнотою системы. Такъ напримѣръ, что выходитъ у автора изъ той гипотезы, что въ былинномъ Добрыниѣ можетъ быть, слиясь въ одно двѣ историческія личности—*Добрыня Малковичъ*, дядя князя Владиміра, и *Добрыня Рязаничъ Златый Поясъ*? Только то, что въ основѣ обонхъ «можетъ крыться не что иное, какъ *служба мпоическая*» (стр. 417). Еслибы авторъ провелъ свою мысль о значеніи Суздальскаго періода систематически по слоевому составу нашихъ былинъ, то Добрыня *Рязаничъ* сталъ бы у него рядомъ съ Александромъ или Алешеемъ Поповичемъ *Ростов-*

скимъ, и съ Ильєю Муромскимъ; потому что приуроченіе всѣхъ этихъ богатырей къ сѣверо-восточнымъ мѣстностямъ должно было совершиться въ періодъ Суздальскаго развитія нашихъ былинъ. Лѣтописныя сказки свидѣтельствуютъ намъ, какъ Ростовскій Поповичъ, въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, былъ причисленъ къ богатырямъ князя Владиміра. По смыслу этихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сказокъ, вмѣстѣ съ Ростовомъ, могли потянуть къ Киеву и Рязань съ Муромомъ ¹⁾. Какъ историческими судьбами Рязань была соединена съ Муромомъ, такъ оба эти города соединены и въ легендѣ, напр. въ Муромскомъ сказаніи о князѣ Петрѣ и Февроніи, а равно и въ былинномъ эпосѣ — поѣздкою Ильи Муромца вмѣстѣ съ Добрынею. Какъ эпическій *сидень*, Илья Муромецъ сближается съ Ростовомъ въ лицѣ Авраамія Ростовскаго, и потомъ съ Киевомъ и съ княземъ Владиміромъ, въ лѣтописной сказкѣ о *сионѣ*, сынѣ Рогнѣды, передѣланномъ изъ *хромца* Ярославъ ²⁾. Каково бы ни было достоинство приводимыхъ мною догадокъ, я касаюсь ихъ для того только, чтобы предъявить богатство мѣстныхъ и историческихъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса о былинномъ Добрынѣ, между тѣмъ какъ авторъ, оставляя ихъ въ сторонѣ, спѣшитъ указать на *миоическое служеніе* этого богатыря. Я ничего не имѣю противъ раннихъ миоическихъ основъ нашего эпоса, но желалъ бы, чтобы авторъ болѣе обратилъ вниманія на *историческое служеніе* нашихъ богатырей, которые — по сказкѣ Тверской лѣтописи — собравшись, около Александра Поповича Ростовскаго, въ укрѣпленномъ городѣ подъ Гремячимъ Колодеземъ — «рядъ положивше, яко *служити имъ единому великому князю* въ матери градомъ Киевѣ» ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что самое имя *Олѣша*, подъ которымъ слыветъ въ былинахъ Ростовскій Поповичъ, есть не что иное, какъ древняя ласкательная форма отъ *Александръ*, а не отъ *Алексій*, какъ это дѣйствительно и встрѣчается въ старинныхъ актахъ.

Итакъ, фактически не достаточно доказана въ разбираемой мною книгѣ, впрочемъ, справедливая мысль о Суздальскомъ періодѣ въ развитіи нашего эпоса. Во всякомъ случаѣ авторъ ея руководствуется въ бытовой и исторической характеристикѣ нашихъ богатырей, и въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше стоитъ его взглядъ передъ наивными увѣреніями г. Стасова, что при князѣ Владимірѣ

¹⁾ Слич. въ моей рецензій въ журн. Мин Нар Пр. Апрель, 1871 г.

²⁾ Беслужина-Рюмина О составѣ русскихъ лѣтописей, въ Прилож. стр. 20.

³⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. XV, 338.

не могло быть между богатырями такого различія по сословіямъ, какое представляется въ былинахъ. Но чтобы нагляднѣе показать, какъ твердо напечатлѣлся въ нашемъ эпосѣ слой Суздальскій на раннемъ Кіевскомъ, г. Миллеру слѣдовало припомнить тѣ лѣтописныя сказки, въ которыхъ, съ одной стороны князь Владиміръ изъ Кіева переводится во Владиміръ на Клязмѣ, а съ другой — богатыри позднѣйшихъ сказокъ сгруппировываются около стараго Владиміра Кіевского ¹⁾).

Отдавая полную справедливость общесравнительному методу, которому и посвящена большая половина разбираемой мною книги, не могу не выразить своего желанія, чтобы и другія научныя средства для изслѣдованія нашего эпоса были доведены до такой же полноты, и были бы уравниваемы съ средствами сравнительными. Эти средства—именно лингвистическія и историческія.

Хотя авторъ и касается иногда лингвистическихъ соображеній, но, заимствуя ихъ изъ вторыхъ рукъ, не хочетъ относиться къ нимъ критически, самостоятельно. Иногда цитуетъ дѣйствительные авторитеты въ лингвистикѣ, напр. Куна (стр. 180), иногда же — къ крайнему удивленію — ссылается на г. Аоанасьева въ такихъ словопроизводствахъ, какъ *aquila*, *vulturmus*, *nachtigal*, *sol*, *Сварогъ* (стр. 266, 267, 276), которыя самъ г. Аоанасьевъ заимствовалъ изъ грамматики Як. Гримма, изъ Глоссарія Боппа, или даже изъ какого нибудь болѣе популярнаго сочиненія. Г. Аоанасьевъ много сдѣлалъ полезнаго по изданію и собранію памятниковъ русской народности, но онъ никогда не претендовалъ на лингвистическую спеціальность, и свѣдѣніями по этому предмету самъ пользовался изъ вторыхъ рукъ. Дѣло не въ томъ, вѣрны или невѣрны заимствованныя г. Миллеромъ у г. Аоанасьева лингвистическія сравненія, а въ томъ, что, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, точность и основательность ученой критики обязываютъ обращаться къ источникамъ непосредственнымъ. Въ противномъ случаѣ на книгу, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ основательную, можетъ быть брошена тѣнь, по недостатку въ ней свѣдѣній по литературѣ сравнительной лингвистики, которая имѣетъ такое важное значеніе въ разработкѣ мифологіи и народнаго эпоса. Во всякомъ случаѣ надобно замѣтить, что еслибы г. Миллеръ по всей своей книгѣ провелъ въ стройной системѣ лингвистическій элементъ, то придавъ бы болѣе прочности своимъ изслѣдованіямъ какъ по мифологіи, такъ и по народ-

¹⁾ См. мою рецензію въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрель, 1871 г.

ному быту. Самое точное и установившееся, что доносится до нас из мрака доисторических вѣковъ — это языкъ, и что глубоко вкоренилось въ быту народномъ, то непремѣнно окрѣпнеть въ типической формѣ слова. Въ примѣръ важности лингвистическихъ данныхъ можно указать на нѣсколько подробностей, кое-гдѣ оброненныхъ въ книгѣ самого г. Миллера: *тма* (стр. 214), *воевода* (стр. 307); въ одномъ заговорѣ, по указанію г. Потемни, мѣсяцъ названъ *Владиміромъ*, что сблжается съ польскимъ *kesimiec* (мѣсяць), т. е. князь (стр. 276), и если бы авторъ систематически слѣдовалъ лингвистическому приему, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ, по поводу *дружки* на свадьбѣ (стр. 339) привелъ бы польское *жсрца*, что означаетъ и жреца, и свата, и дружку. На стр. 253, слѣдуя г. Срезневскому, онъ сблжаетъ форму *Омъ*, *Омга*, съ сканд. *Helgr*, *Helgi*, а на стр. 328, говоря объ эпитетѣ князя Владиміра, *ласковий*, забываетъ сканд. эпитетъ князей *mildingr*. Слѣдуя г. Стасову (стр. 291), число *сорокъ* въ нашемъ эпосѣ онъ склоняется объяснить восточнымъ вліяніемъ, между тѣмъ какъ происхожденіе самого слова этого указываетъ намъ на Грецію, какъ это замѣчено въ моемъ отзывѣ о книгѣ г. Стасова ¹⁾. На стр. XXIII — XXVI введенія говорится о происхожденіи слова *богатырь*: приводится мнѣніе о заимствованіи его въ русскомъ языкѣ отъ монголовъ, указывается малорусская форма *богатыри*, въ смыслѣ богача, и приводимое Шоттомъ санскр. слово *bhagadhara* сблжается по смыслу съ эпитетомъ богатыря: *удача, удачливый*. Выводъ, извлекаемый авторомъ изъ всего этого, слѣдующій: «Что касается собственно слова *богатырь*, въ его настоящемъ *богатырскомъ* смыслѣ, то если бы даже нѣмцамъ и удалось доказать его монгольское происхожденіе, то этимъ однимъ они бы еще не много выиграли. Слово могло быть заимствовано и замѣнить собою какое нибудь другое, предшествовавшее ему туземное, а эпические сказанія о личностяхъ, позже проименованныхъ богатырями, все таки могли существовать издавна, и всецѣло принадлежать нашему народу».

Эта мысль, сама по себѣ, достойна полнаго уваженія въ научномъ отношеніи, но, какъ выводъ изъ лингвистическихъ и филологическихъ соображеній, она погрѣшаетъ недостаткомъ оснований. Въмѣсто того, чтобы ждать, что могутъ сдѣлать для насъ нѣмцы, не лучше ли намъ самимъ повнимательнѣе взглянуть на нашу старину и своими изслѣдованіями прочистить имъ дорогу? Что же,

¹⁾ Отчетъ о XII присуд. наградъ гр. Уварова, стр. 72.

въ самомъ дѣлѣ — если бы и въ правду мы взяли *богатыря* у татаръ, отъ того нашъ Илья Муромецъ не сталъ же бы татариномъ! Возражая г. Стасову, я оставался при своемъ прежнемъ мнѣнii, потому что онъ не привелъ ничего новаго, что бы было уже не разсмотрѣно мною въ рецензiи на Словарь Миклошича ¹⁾; что же касается до мысли г. Миллера, то она заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманiя.

Итакъ, попытаюсь разъяснить эту мысль.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что кромѣ поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ нѣтъ слова *богатырь*. Въмѣсто его употребляется то *юнакъ*, то *урдина*, то какое нибудь другое реченiе. Стало быть, *богатырь* — мѣстное русское названiе, общее намъ съ поляками.

Во-вторыхъ, въ древне-русской письменности до самыхъ татаръ, это слово не употребляется, и самая мысль о героѣ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать *богатырь*, мы встрѣчаемъ то *кметъ* (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то *витязь* (въ Лѣтоп. Переяславск.), то просто *мужъ*, *воинъ*, *храбрый* и др. Далѣе въ позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ *богатыремъ*, какъ бы въ дополненiе мысли, употребляются *удалецъ*, *рзвецъ* (напр. въ Рязанск. повѣсти объ Евпатiи Коловратѣ).

Только со временъ татаръ, и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарскихъ воеводахъ, стало у насъ употребляться слово *богатырь*, и — что особенно важно — какъ вариантъ формы *богатырь* (монг. *baghatur*). А именно, въ Ипат. спискѣ Лѣтописи (XIV — XV в.), подъ 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаемъ: «Се Бѣдiй (вар. Себедiй) Богатуръ и Бурундай Багатырь» Полн. Собр. Лѣт. II, 177. При *Богатуръ* варианты: древнѣйшiй *багатырь*, поздн. *богатырь*. Далѣе въ томъ же Ипат. спискѣ, на стр. 180, подъ 1243 г., читаемъ о томъ, какъ въ Холмѣ къ Даниилу прибѣжалъ половчанинъ Актай и говорилъ: «Батiй воротился есть изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возискати тебе, Монъмана и Балаа». Ясно, что слово *богатырь*, соответвенно монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственномъ имени.

Какъ, въ эпоху древнѣйшую для означенiя великановъ, то есть, богатырей старшихъ, славяне замѣтвовали слова у другихъ наро-

¹⁾ Отчетъ о XII присуд. наградъ гр. Уварова, стр. 71—72.

довъ, напр. *обръ*, *оборъ*, *обржимъ* отъ народа *Обровъ*, или *исполмиъ*, *сполмиъ*, отъ народа *Спалм*, такъ и *богатыря* могли взять отъ татаръ. Сверхъ того, какъ титулы *князя*, *кагана*, *царя*, мы заимствовали отъ германцевъ, казаръ, грековъ, такъ и титулъ *богатыря* могли взять отъ татаръ. Если уже въ самую санскритскую литературу вошелъ въ позднѣйшее время этотъ монгольскій титулъ въ формѣ *bāhādūra* ¹⁾, то почему было не войти ему и къ намъ? Во всякомъ случаѣ, въ глазахъ нашихъ предковъ, это было званіе почетное, высокое воинское отличіе, которое такъ гибельно давало о себѣ знать въ татарскихъ погромахъ.

Теперь, если согласимъ сказанное здѣсь съ мыслию о значеніи Суздальскаго періода въ развитіи нашего эпоса, то для насъ станетъ ясно появленіе лѣтописныхъ сказокъ о борьбѣ нашихъ *богатырей* съ татарами и гибели ихъ на рѣкѣ Калкѣ. *Багадуралъ* монгольскимъ національная гордость противопоставила *богатырей* русскихъ. За тѣмъ, позднѣйшія лѣтописи титулъ богатыря перенесли и на храбрецовъ временъ князя Владиміра, въ связи съ процессомъ сліянія позднѣйшаго богатырства суздальскаго съ кievскимъ.

Итакъ, если слово *богатырь* и татарскаго происхожденія, то оно могло войти въ нашъ эпосъ и въ немъ укорениться только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что былины наши зарождались и развивались самостоятельно, въ неразрывной, органической связи съ лѣтописью, какъ выраженіе историческаго сознанія народнаго.

Подъ историческими средствами научной критики я разумѣю пользованіе вообще литературными, письменными памятниками нашей старины. Сюда относится какъ критика историческая, въ ея собственномъ смыслѣ, такъ и критика филологическая, состоящая въ изслѣдованіи нашихъ устныхъ былинъ въ связи съ памятниками нашей письменности вообще. Самъ г. Миллеръ вездѣ, гдѣ только ему представляется случай, пользуется этими историческими и филологическими пособиями. Такъ напримѣръ для объясненія одного эпизода въ былинахъ о Дюкѣ онъ приводитъ отрывокъ изъ «Посланія царя Ивана Индѣйскаго къ царю Мануилу Греческому» (стр. 594—595); касается лѣтописныхъ сказаній о Ставрѣ и вообще о богатыряхъ Владиміровыхъ (стр. 645); указываетъ на связь нашихъ былинъ съ преданіями о Владимірѣ Мономахѣ и Даніилѣ Заточникѣ (стр. 646); приводятся выдержки изъ лѣтописи по Ипат. списку о Батыгѣ, и при этомъ въ примѣчаніи не забыты тѣ татар-

¹⁾ XXIX выпускъ словаря Бѣтлинга, стр. 78.

скіе воеводы Бѣдѣй богатуръ и Бурундай багатырь, о которыхъ сказано у меня выше, но которыми авторъ, по моему мнѣнію, не умѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ (стр. 701); тутъ же приведена цѣтата изъ Рязанскаго сказанія объ Евпатіи Коловратѣ, на которое впрочемъ слѣдовало бы обратить большее вниманіе (стр. 701); для опредѣленія историческихъ преданій объ Ильѣ Муромцѣ взяты въ соображеніе и книга Кальнофойскаго, и Кіевскій Патерикъ, и старинныя Святцы, и путешествіе Лассоты (стр. 799—800), но при этомъ забыто свидѣтельство такъ называемой «Книги о россійскихъ святыхъ», въ которой между Кіевопечерскими угодниками упомянутъ: «Преподобный Илія Муромецъ, *богатырь*».

Впрочемъ, такъ какъ на историческую и филологическую часть своего изслѣдованія авторъ обращалъ менѣе вниманія, нежели на сравнительную, мѣтологическую, то весьма естественно могъ сдѣлать много опущеній, которыя сами собою бросаются въ глаза при чтеніи его книги.

На примѣръ:

Когда авторъ говоритъ о законахъ родовой мести германскихъ племенъ (стр. 124, 148—149), невольно приходитъ на мысль статьи о томъ же предметѣ въ Русской Правдѣ и лѣтописное сказаніе о мщеніи княгини Ольги.

Одинъ изъ вариантовъ имени матери богатыря Сокольника — *Латыгорка*—авторъ, слѣдуя былинамъ, сближаетъ съ формою *Семигорка*, а потомъ съ *Святими Горами* и съ самимъ *Святогоромъ* (стр. 164). Замѣчаніе, столько же основательное, сколько и остроумное. Но при этомъ слѣдовало бы припомнить и названіе народа *Латыгора*, напр. въ Псковск. лѣт. «бѣ бо Псковичи подвели Нѣмцы, Чюдь, и *Латыгору*, и Либы» Полн. Собр. Рус. лѣт. IV, 178. Собственные имена народовъ, съ которыми наши предки въ древнѣйшую эпоху сталкивались, получали не разъ значеніе великановъ или чудовищъ: по чему и самое *Чудище* нашихъ былинъ, какъ вариантъ Идолица (стр. 772), можетъ быть постановлено въ связи съ *Чудью*, оставившею по себѣ кое-гдѣ мѣстныя преданія. Такъ въ Томской губерніи разсказываютъ, что до прихода русскихъ Сибирь была заселена Чудью; у Чуди было предсказанье, что когда на сибирской почвѣ вырастетъ бѣлая береза, тогда и всей землей завладѣетъ бѣлый царь. Бѣлая береза наконецъ дѣйствительно оказалась въ Сибири, и тогда Чудь закопалась живою въ землю со всѣми сокровищами. Потому бугры, въ которыхъ находятъ древ-

ности, и все, что въ нихъ найдено, называются чудскими ¹⁾. Однимъ словомъ, преданіе, вполне соотвѣтствующее въ языкѣ формамъ: *Волоть* и *Щудъ*, *волотка* и *щудка*. Къ тому же разряду преданій можетъ быть отнесена и *Латыгорка*, вмѣстѣ п этнографическое названіе, и великанша, и гора или *волотка*.

Въ примѣчаніи на стр. 278 упомянута *Дятлова гора* въ Нижнемъ. Для объясненія преданій о Соловьѣ-разбойникѣ, въ связи съ мифическимъ Дятломъ, слѣдовало бы указать древнее урочище на самой родинѣ Ильи Муромца. Въ Сотной на Муромскій Посадъ, 1574 г., кромѣ знаменательныхъ урочищъ *Богатырева* и *Скокова горы* ²⁾, мы находимъ и *Дятлову гору* ³⁾.

Для дополненія къ тому же преданію о Соловьѣ-разбойникѣ надобно присовокупить то мѣсто, гдѣ авторъ цитуетъ мнѣніе г. Стасова о томъ, что въ этой мифической личности слиты два чудовища восточныхъ оригиналовъ: Гельбегенъ и Черный волъ (стр. 271). Нисколько не раздѣляя мнѣнія г. Стасова, не могу не привести слѣдующаго мѣста изъ Исторіи о началѣ Царства Казанскаго, такого мѣста, которое очень бы пригодилося г. Стасову, если бы другія соображенія, болѣе важныя, не опровергали его мнѣнія. Объ основаніи Казани слымо такое древнее преданіе: «Плаголють многи нѣщии прежде мѣсто то быти издавна *Гнъздо Змино*, всѣмъ жителемъ земли тоя знаемо; живяше бо ту вогнѣздився змій великъ и страшень, о двою главу, едину имѣя змиеву, а другую *волосу*».

Производя названіе рѣчки *Смородина* отъ *самородный*, авторъ замѣчаетъ: «къ имени этой рѣчки не приищешь никакого сколько нибудь соогвѣтствующаго географическаго» (стр. 265). Напрасно авторъ ограничился только формою *Самородина*: если бы онъ обратилъ вниманіе на другую, и притомъ болѣе употребительную — *Смородина*, отъ *смородъ* или *смордъ*; то нашелъ бы соотвѣтственную ей рѣчку въ книгѣ Большаго Чертежа: *Дъвица смердячая*, можетъ быть, въ противоположность имени другой рѣчки: *Красная Дъвица* ⁴⁾. Южной рѣкѣ — Дѣвицѣ Смердячей могла соотвѣтствовать сѣверная Смородина, которая потомъ приурочена была къ московской мѣстности.

¹⁾ Этнограф. Сборникъ. VI, 149—150.

²⁾ См. мою рецензію въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрель. 1871 г.

³⁾ Акты Юридич. 1838 г., стр. 249.

⁴⁾ По изданію Спасскаго, стр. 47, 48.

Мифическую ткачиху Адотью авторъ сближаетъ съ нѣмецкими мифическими пряхами (стр. 373). Почему было не упомянуть при этомъ о Февроніи Муромской? Это ближе шло къ дѣлу, даже уже и потому, что она не пряха, а ткачиха. Что авторъ мало обращалъ вниманія на это Муромское сказаніе, видно изъ того мѣста, гдѣ онъ приводитъ мифы о томъ, какъ жена была обманута оборотнемъ, принявшимъ видъ ея мужа (стр. 544). При этомъ авторъ замѣчаетъ: «Ня въ соотвѣтственныхъ разсказахъ германскихъ, ни въ нашихъ отечественныхъ пересказахъ мы не встрѣтили ничего подобнаго». Сказаніе Муромское именно и начинается этимъ самымъ мотивомъ, и если онъ не вошелъ въ былины о Добрынѣ, все же принадлежитъ къ нашему эпосу.

На стр. 560 идетъ рѣчь о сказаніяхъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ увозъ на кораблѣ, и именно въ извѣстной повѣсти о Соломонѣ. При этомъ сказано: «это чужое живѣйшимъ образомъ напоминало народу многое, и очень многое въ собственномъ его запасѣ эпическомъ». Мнѣ кажется, сюда слѣдовало бы отнести лѣтописную сагу объ убіеніи Аскольда и Дира. Хотя тутъ увоза и не послѣдовало, но другія обстоятельства сказанія удержаны, а именно пріѣздъ гостей-корабельщиковъ съ товарами и посѣщеніе ихъ на кораблѣ тѣми лицами, которыя должны быть жертвою обмана.

Слѣдуя г. Стасову, авторъ полагаетъ, что одна подробность въ русскомъ сказаніи о стеклянномъ полу, принятомъ за воду «могла къ намъ зайти изъ восточныхъ сказаній» (стр. 611); при чемъ цитруется приводимое г. Стасовымъ изъ Магабгараты. Я уже имѣлъ случай указать ближайшій для русскихъ разсказчиковъ источникъ въ апокрифѣ о Южской Царицѣ ¹⁾.

Точно также и въ другомъ мѣстѣ (стр. 737) цитусмыя по сказанію г. Стасова восточныя сказанія о томъ, какъ юноша вырвалъ плч выкололъ себѣ глазъ, потому что въ его очи влюбилась женщина—слѣдовало бы подвести къ ближайшему въ нашей письменности источнику, указанному мною въ Историческихъ Очеркахъ ²⁾.

Сказаннымъ доселѣ ограничиваю я свои замѣчанія о методѣ, принятомъ въ разбираемой мною книгѣ. Теперь разсмотрю главнѣйшіе результаты, къ которымъ этотъ методъ приводитъ изслѣдователя.

¹⁾ Въ моемъ отзывѣ о сочиненіи г. Стасова, стр. 66.

²⁾ I, 622 — 623.

Самъ авторъ ¹⁾ излагаетъ сущность этихъ результатовъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Съ одной стороны *своеобразіе*, съ другой стороны *цѣльность* нашего эпоса — вотъ мои два основныя положенія, на которыя и обращаю я вниманіе моихъ оппонентовъ... Въ нихъ — центръ тяжести моего труда. Чтобы окончательно отгѣнить все *историческое своеобразіе* нашего эпоса, я съ особенною обстоятельностью противопоставлялъ его эпосу германскому. Такое противопоставленіе представлялось мнѣ особенно важнымъ при издавней исторической тяжбѣ германскаго міра съ славянскимъ. *Болѣе сочувственнымъ* представился мнѣ при этомъ противопоставленіи русскій эпосъ: онъ исполненъ болѣе свободнаго духа, и поверхъ основной общедогатырской грубости въ немъ замѣтна большая степень смягченности, чѣмъ въ германскомъ. Впрочемъ это объясняется для меня очень просто — тѣмъ, что нашъ эпосъ есть эпосъ *простонародный*.... Первенствующій идеалъ нашего народнаго эпоса, Илья Муромецъ, именно и выработался подъ вліяніемъ издавнаго *общиннаго начала* и первыхъ, озарившихъ его лучей христіанства. Всѣ преимущества этого идеала такимъ образомъ объясняются благопріятностью *древнѣйшихъ историческихъ нашихъ условій*, а вовсе не какимъ либо особымъ «избранничествомъ» русскаго народа... Самъ я ни мало не увлекаюсь моимъ трудомъ. Въ немъ не сдѣлано мною никакихъ открытій; трудъ мой — только повѣрочный. При помощи употребленнаго мною въ нѣсколько особомъ, расширенномъ смыслѣ *сравнительнаго пріема* мнѣ удалось убѣдиться въ томъ, что основныя заключенія о нашемъ эпосѣ нашихъ писателей народнаго направленія — вполнѣ справедливы. Я радостно признаю себя ихъ *ученикомъ* и желалъ бы остаться ихъ вѣрнымъ послѣдователемъ и, по мѣрѣ силъ моихъ, однимъ изъ подражателей ихъ великаго дѣла».

Доселѣ слова автора. Изложенные въ нихъ результаты проверимъ теперь на основаніи тѣхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы выше о методѣ и научныхъ средствахъ, употребленныхъ въ разбираемой мною книгѣ.

Во-первыхъ, авторъ доказываетъ *своеобразіе* и *цѣльность* нашего эпоса, употребляя для своихъ изслѣдованій преимущественно методъ сравнительный, въ томъ научномъ смыслѣ, какъ этотъ методъ принять въ сравнительномъ языковѣдѣніи и въ сравнительной мифологіи. При этомъ методѣ, нашъ эпосъ долженъ былъ вы-

¹⁾ Въ своей вступительной рѣчи передъ диспутомъ, 2 января 1870 г.

дѣлаться изъ общей массы сравнительныхъ народностей, какъ органической членъ громаднаго цѣлага сродныхъ между собою организмовъ. Этимъ опредѣляется уже до нѣкоторой степени и своеобразіе и цѣльность нашего эпоса, какъ опредѣляется своеобразіе и цѣльность славянскаго языка путемъ сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ. Этими двумя качествами устраняется изъ науки Стасовская теорія случайнаго заимствованія, по которой нашъ эпосъ ничего не имѣетъ въ себѣ ни своеобразнаго, ни цѣльнаго, предлагая въ своихъ эпизодахъ только однѣ безсмысленныя передѣлки восточныхъ оригиналовъ. Мы уже отдали справедливость книгѣ г. Миллера въ отношеніи сравнительномъ. Но какъ своеобразіе, такъ и цѣльность нашего эпоса могли развиваться и окрѣпнуть только путемъ исторической формаціи русской народности, то въ этомъ отношеніи мы встрѣтили у автора много пробѣловъ, при всемъ его желаніи время отъ времени прикрѣплять сравнительные выводы къ фактамъ историческимъ и бытовымъ. Если бы онъ постоянно и тверже держался народной почвы, бытовой и исторической, то съ большею основательностью имѣлъ бы возможность *историческое* своеобразіе (какъ онъ самъ выражается) нашего эпоса противопоставить эпосу германскому. Съ другой стороны, чтобы опредѣлить *цѣльность* нашего эпоса, надобно было понять его во всей его первоначальной, органической *цѣлости*, какъ онъ является въ лѣтописныхъ сказкахъ, житіяхъ Святыхъ, мѣстныхъ преданіяхъ, въ названіяхъ урочищъ и проч. Былины составляютъ только часть этого цѣлага, которое и должно быть собственно названо русскимъ народнымъ эпосомъ¹⁾.

Во-вторыхъ, рѣзкое разграниченіе такъ называемаго образованнаго класса людей отъ простонародной массы, оказавшееся только въ позднѣйшее время, привело къ ложному понятію о нашемъ былинномъ эпосѣ, будто онъ есть *эпосъ простонародный*, какъ называетъ его и авторъ, слѣдуя принятому предразсудку. Если усмотрѣть тѣснѣйшую внутреннюю связь нашихъ былинъ съ лѣтописями, легендами, съ словомъ о полку Игоревѣ, съ сказаніемъ о шествіи Батя, о городѣ Кидежѣ, съ Исторіею Казанскою и т. п., если принять въ соображеніе сколько былиннаго вошло въ позднѣйшія наши лѣтописи, то и всѣ эти произведенія нашей древней письменности придется назвать простонародными. Многія изъ старинныхъ рукописей самаго серьезнаго, историческаго, церковнаго

¹⁾ См. мою рецензію въ журн. Мин. Нар. Пр. Апрель, 1871 г.

или литературнаго содержанія — какъ значится по надписямъ на нихъ — принадлежали даже въ текущемъ столѣтїи крестьянамъ и солдатамъ. Можно ли заключать изъ этого, что содержаніе этихъ рукописей имѣетъ характеръ простонародный? То же должно сказать и о былинахъ, въ отношенїи ихъ основнаго, древнѣйшаго состава. Только въ послѣднія полтора столѣтїя онѣ могли внести въ свое содержаніе нѣкоторую простонародную рознь: первоначально же онѣ были столько же *народны*, а не простонародны, какъ житїе Муромскихъ Петра и Февронїи или Лѣтопись Тверская.

Въ-третьихъ, авторъ признается въ своемъ *сочувствїи* къ русскому эпосу. Сочувствїе къ своему, родному, и особенно въ дѣлѣ народности и народной поэзїи, есть такое естественное явленїе, общее всѣмъ народамъ. и цивилизованнымъ и дикимъ, что объ этомъ не стоило бы здѣсь и упоминать, если бы это чувство, воспитанное предвзятою теорїею такъ называемыхъ славянофиловъ, было для автора только источникомъ воодушевленїя въ его неутомимыхъ изслѣдованїяхъ, а не примѣшвалось бы къ выводамъ чисто научнымъ, которые должны быть далеки отъ всякаго личнаго увлеченїя. Авторъ, съ изумительною скромностью, называетъ себя ученикомъ и вѣрнымъ послѣдователемъ славянофиловъ; между тѣмъ какъ все достоинство его книги составляетъ такое дѣло, которымъ славянофилы меньше всего занимались, именно сравнительное изученїе нашего эпоса, самое обстоятельное и самое добросовѣстное. Напрасно авторъ приписываетъ въ своей характеристикѣ Ильи Муромца особенное значенїе общинному началу, которое онъ почерпнулъ изъ славянофилъской теорїи; потому что это бытовое начало мало разработано въ книгѣ, посвященной болѣе сравнительной мнѳологїи, нежели историческимъ изслѣдованїямъ о юридическомъ и общественномъ бытѣ древней Руси. Напрасно увѣряетъ авторъ, что онъ предпринялъ утомительный трудъ сравнительнаго изученїя нашего эпоса для того только, чтобъ убѣдиться въ истинѣ основныхъ заключенїй объ этомъ предметѣ нашихъ славянофиловъ. Напротивъ того, эти сравнительныя параллели, которыми авторъ сопровождаетъ разборъ нашихъ былинъ, имѣютъ важное для науки значенїе, безотносительное. Въ этомъ состоитъ задача разбираемой мною книги и ея высокое достоинство.

Этимъ замѣчанїями я ограничиваю свой отзывъ, полагая ихъ достаточными, чтобы вывести изъ нихъ довольно ясное понятїе о разбираемой мною книгѣ.

Не смотря на указанные мною недостатки, я прихожу къ тому заключенію, что изслѣдованіе г. Миллера о русскомъ народномъ эпосѣ, по основательности и полнотѣ, и по замѣчательной добросовѣстности, далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ сдѣлано было по этому предмету въ нашей ученой литературѣ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Н. И. ЛАМБИНА:

«Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и Угличахъ».

Рецензія Академика А. О. Бычкова.

Въ Западной Европѣ весьма часто ученые отдають всю свою дѣятельность объясненію и возстановленію испорченнаго текста какого либо письменнаго памятника, и результаты ихъ трудовъ, сухихъ и бесплодныхъ въ глазахъ толпы, заставляютъ нерѣдко измѣнять господствующее въ наукѣ мнѣніе о какомъ-либо предметѣ, освѣщаютъ часто событія съ новой стороны, возводятъ догадки и предположенія на степень фактовъ.

Такимъ образомъ дружными, совокупными трудами ученыхъ въ продолженіе вѣковъ тексты классическихъ писателей, явившіеся первоначально въ печати съ грубыми ошибками и съ бездоказательными догадками, въ настоящее время, насколько это возможно, возстановлены и очищены, и каждое новое ихъ изданіе все болѣе и болѣе обогащается правильными чтеніями и счастливыми предположеніями, которыя находятъ себѣ оправданіе какъ въ писателяхъ, такъ и въ рукописяхъ, вновь находимыхъ.

Изъ всѣхъ памятниковъ нашей древней литературы «Повѣсть временныхъ лѣтъ» Нестора уже давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, и изслѣдованія ихъ, начинающіяся съ Татищева и Шлецера, объяснили въ ней многія темныя мѣста и установили правильное чтеніе довольно значительнаго числа мѣстъ испорченныхъ.

Но соединеніе этой «Повѣсти» составителями лѣтописныхъ сборниковъ въ одно цѣлое съ возникшими послѣ нея лѣтописными трудами, относительная молодость списковъ, въ которыхъ она находится, многократная ея перепись и притомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, что неизбежно должно было оставить слѣды на языкѣ, наконецъ малограмотность и мудрованіе писцевъ, — все это имѣло послѣдствіемъ, что, не смотря на богатую литературу этого памятника, не смотря на столѣтіе, въ теченіе котораго онъ былъ предметомъ изслѣдованій и объясненій, въ немъ остается еще много темныхъ мѣстъ, которыя ожидаютъ толкователей и объяснителей.

Г. Ламбинъ, извѣстный въ нашей исторической литературѣ своими трудами, и между прочимъ удачнымъ возстановленіемъ въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» испорченнаго мѣста: *«и бѣ Якумъ смьнъ»*, обратилъ снова свое вниманіе на Лѣтопись и представилъ изслѣдованіе, въ которомъ поставилъ себѣ задачею возстановить текстъ и объяснить нѣкоторыя мѣста въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», касающіяся Свѣнелда или Свеналда и Угличей.

Свѣнелдъ — выдающаяся личность въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Сподвижникъ и совѣтникъ Игоря, Ольги, Святослава и Ярополка, покоритель Угличей, участникъ въ погромѣ Древлянъ, въ войнѣ Святослава съ Печенѣгами и въ мирномъ договорѣ, заключенномъ этимъ княземъ съ Греками, наконецъ вина печальной распри между сыновьями Святослава, онъ заслуживаетъ того, чтобы текстъ мѣстъ въ Лѣтописи, къ нему относящихся, былъ возстановленъ и объясненъ. Точно такого же вниманія заслуживаютъ и мѣста Лѣтописи объ Угличахъ, которыхъ существованіе нѣкоторыми историками отрицается, такъ какъ только при возстановленіи текста Лѣтописи возможно опредѣлительно сказать: существовали ли Угличи или нѣтъ, и если существовали, то въ какихъ мѣстностяхъ они жили?

Приступая къ разрѣшенію своей задачи, которую, я полагаю, ни одинъ изъ историковъ не признаетъ маловажною и бесплодною для науки, и имѣя въ виду, что извѣстія о дѣлахъ Свѣнелда въ нашихъ лѣтописяхъ, вообще краткія и отрывочныя, представляютъ много разнорѣчій и выраженій явно испорченныхъ и непонятныхъ, что цѣлое сказаніе о войнѣ его съ Угличами, которое только встрѣчается въ болѣе новыхъ спискахъ лѣтописи, считаютъ не принадлежащимъ древнему лѣтописцу и что, наконецъ, дѣятельность Свѣнелда, обнимающую періодъ времени отъ 914 до 977 года, раздѣ-

ляютъ между двумя лицами, случайно носившими одно и тоже имя г. Ламбинъ счесть нужнымъ дословно сличить по всѣмъ спискамъ тѣ лѣтописныя сказанія, въ которыхъ упоминается имя Свѣнелда, критически разобрать ихъ, указавъ при этомъ какія изъ нихъ и въ какомъ именно видѣ могутъ и должны принадлежать Нестору, и на основаніи этого разбора рѣшать пять слѣдующихъ вопросовъ:

I. Какъ именно назывался воевода Игоря и Святослава, доселѣ именуемый у насъ Свѣнелдомъ, то есть какой изъ множества вариантовъ его имени, встрѣчающихся въ нашихъ спискахъ, долженъ быть признанъ за правильную форму, принадлежащую Нестору, и отъ какой первоначальной скандинавской формы она происходитъ?

II. Нестору ли, или новѣйшему автору, какъ полагалъ Карамзинъ, принадлежитъ сказаніе о войнѣ Свенгелда съ Угличами, помѣщенное подъ 914 годомъ во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ, но не встрѣчающееся въ древнихъ?

III. Изъ какого первоначального, правильного чтенія могли, съ наибольшею вѣроятностію, возникнуть тѣ явно испорченныя выраженія нашихъ списковъ, которыя въ упомянутомъ сказаніи объ Угличахъ представляютъ доселѣ камень преткновенія для изслѣдователей?

IV. Были ли у насъ два Свенгелда, какъ догадывался Шлецеръ, или только одно историческое лице извѣстно подъ этимъ именемъ въ нашей лѣтописи, и если одно, то почему оно въ продолженіи шестидесяти-трехъ-лѣтняго своего поприща является дѣйствующимъ только въ немногіе годы, такъ сказать періодически, а именно только въ началѣ и въ концѣ княженій Игоря и Святослава, и въ первые годы княженія Ярополка? И, наконецъ.

V. Что значитъ и откуда происходитъ выраженіе «тоже отецъ Мистшинъ», присоединенное во всѣхъ спискахъ къ имени Свенгелда подъ 945 годомъ, при самомъ началѣ повѣсти объ Ольгиной мести?

Написаніе имени Свѣнелда въ спискахъ нашихъ лѣтописей чрезвычайно разнообразно; есть такія видоизмѣненія его, въ которыхъ трудно предположить это имя, какъ напр. Свентсадъ или Свилдъ. Впрочемъ все это разнообразіе сводится къ двумъ главнымъ чтеніямъ, изъ которыхъ образовались всѣ остальные или вслѣдствіе замѣны однихъ буквъ другими по сходству ихъ начертанія, или вслѣдствіе то выпуска, то вставки буквъ, или наконецъ вслѣдствіе средства звуковъ. Эти два чтенія суть слѣдующія: Свѣ-

нальдъ и Свенгелдъ. Чтеніе *Свѣнмалдъ* находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ (оно въ немъ употреблено въ первый разъ подъ 971 годомъ въ договорѣ Святослава и за симъ повторяется во всѣхъ послѣдующихъ извѣстіяхъ, гдѣ говорится о Свѣнельдѣ). Въ этомъ же спискѣ впрочемъ встрѣчается также и чтенія Свѣнкелдъ (въ извѣстіяхъ ранѣе 971 года) и Свѣндель ¹⁾. Чтеніе *Свѣнмелдъ* (которое по моему мнѣнію могло произойти изъ Свѣнкелда черезъ написаніе писцемъ буквы κ по ошибкѣ буквами γ и ε) господствуетъ въ Ипатскомъ спискѣ. Г. Ламбинъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему чтенію (образовавшемуся, какъ онъ полагаетъ, изъ Sven и haelad=helt), какъ потому, что оно очевидно принадлежало подлинной рукописи Нестора и что только изъ этого чтенія естественно объясняются всѣ разнообразныя варианты имени Свѣнельда, такъ и потому еще, что къ этому чтенію ближе чѣмъ къ Свѣнмалду подходитъ названіе у Льва Діакона нашего воеводы Σφεινελος.

Что касается меня, то, вмѣстѣ съ академикомъ Куникомъ и другими изслѣдователями, я отдаю преимущество чтенію Свѣнмалдъ, такъ какъ это чтеніе въ формѣ Sveinaldr встрѣчается въ скандинавскихъ памятникахъ и такъ какъ при немъ не приходится имя Свѣнмалда объяснять присоединеніемъ эпитета haelad — герой къ собственному имени лица Sven. Сверхъ того кто не знаетъ до какой степени самопроизвольно, не сообразуясь съ законами филологіи и съ употребленіемъ, передавались въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ собственныя имена.

Выше было замѣчено, что Свѣнмалдъ дѣйствуетъ въ нашихъ лѣтописяхъ на пространствѣ 63 лѣтъ. Въ теченіе этого времени онѣ дважды совершенно молчатъ о немъ: въ первый разъ съ 914 по 945 годъ, а во второй разъ съ 946 по 971.

И это умолчаніе, и слишкомъ продолжительная дѣятельность Свѣнмалда, а слѣдовательно и почтенная его старость, дали Шлецеру поводъ предполагать: не было ли у насъ двухъ Свѣнмалдовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ лѣтописецъ какъ будто различаетъ ихъ по сыновьямъ, называя одного Свѣнмалда (подъ 945 годомъ) отцемъ Мистиши (Мстислава), а другаго (подъ 975 годомъ) — отцемъ Люта.

¹⁾ Произошло ли многообразное написаніе имени Свѣнмалда вслѣдствіе различнаго правописанія источниковъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи лѣтописи или вслѣдствіе небрежности и умничанья переписчиковъ — въ настоящее время положительно рѣшить невозможно.

Изъ сопоставленія мѣстъ Лѣтописи, относящихся къ этому вопросу, г. Ламбинъ обнаружилъ несостоятельность предположенія Шлецера и показалъ тѣсную связь между первымъ извѣстiemъ о Свѣнелдѣ и послѣднимъ.

Замѣтка лѣтописца подъ 971 годомъ, что Свѣнелдъ, подававшій благоразумные совѣты Святославу на возвратномъ пути изъ Болгаріи, былъ *воевода отецъ* и извѣстie, помѣщенное въ слѣдующемъ году объ его возвращеніи къ Ярополку въ Кіевъ, какъ нельзя точно и наглядно связываютъ самое раннее лѣтописное сказаніе о дѣйствіяхъ нашего воеводы съ самымъ позднѣйшимъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно предположить, чтобы почти одновременно въ Кіевѣ находилось двое воеводъ съ однимъ и тѣмъ же именемъ Свѣнелда, одинъ при Игорѣ, а другой непосредственно послѣ его смерти при Святославѣ, и чтобы одинъ изъ нихъ добровольно, безъ борьбы, уступилъ свою власть и значеніе другому и ничего не предпринималъ къ ея возвращенію, особенно во время похода Ольги противъ Древлянъ, когда тотъ находился съ нею, а онъ оставался въ Кіевѣ съ своею дружиною, богатству которой завидовала дружина князя. Но что же значатъ присоединенныя къ имени Свѣнелда слова: «тоже отецъ Мистишинъ», которыя служили поводомъ ко многимъ толкованіямъ и спорамъ?

Указавъ на мало объясняющую дѣло догадку Карамзина и на приведенное выше предположеніе Шлецера, г. Ламбинъ подробно разсматриваетъ сначала толкованіе Погодина, принимающаго Мистишу не за сына Свѣнелда, а за сына его современника, неизвѣстнаго боярина, при чемъ находящемуся въ текстѣ слову *тоже* даетъ значеніе союза *также, такжеже*, а потомъ мнѣніе Соловьева, который именуетъ Мистишу Свѣнальдичемъ, а слово *тоже* принимаетъ за искаженный мужескій родъ мѣстоименія *тѣ же* или *той же* ¹⁾. Нельзя не согласиться съ г. Ламбиннымъ какъ въ томъ, что такое неопредѣленное указаніе на какого то неизвѣстнаго боярина въ лѣтописи логически невозможно, такъ и въ томъ, что въ приведенной фразѣ мѣстоименіе *тѣ же*, которымъ замѣнено въ ней слово *тоже*, является лишнимъ и затемняющимъ смыслъ и что предположеніе Соловьева, что будто въ этомъ мѣстѣ «позднѣйшій лѣтописецъ приводитъ въ родственную связь два лица, воспоми-

¹⁾ Изъ мѣстъ лѣтописи, въ которыхъ находится слово *тоже*, видно, что оно никогда не употреблялось въ значеніи союза *также*, но весьма часто, особенно въ Лаврентьевскомъ спискѣ, представляло искаженіе мѣстоименія *тѣ же*.

наніе о которыхъ уже начало слабѣть», едва ли можетъ быть допущено ¹⁾).

За симъ г. Ламбинъ высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ выраженіи, находящемся почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи, и признаетъ его за вставку, притомъ искаженную, внесенную въ лѣтопись послѣ Нестора. «Первый виновникъ — говорить авторъ изслѣдованія—этой вставки также не зналъ никакого Мистиши, какъ не зналъ его Несторъ и «прежнія записки». Мистиша родился подъ перомъ переписчика изъ слѣдующей глоссы, или приписки на полѣ древней рукописи противъ имени Свенгелда: «тъ же оѣ мьстивъ сѣъ», то есть: это отецъ, мьстившій за сына. Происхожденіе этой глоссы объяснить не трудно: какойнибудь любитель «преданій огечьскихъ и почитанья книжнаго», прочитывая добытый имъ списокъ, а можетъ быть и подлинникъ Нестора, вспомнилъ при имени Свенгелда о его мести за сына, убитаго Олегомъ Древлянскимъ, и приписалъ на полѣ рукописи свою замѣтку объ этомъ, можетъ быть, безъ всякой цѣли, просто на память, а можетъ быть и вслѣдствіе какихълибо соображеній. Эту замѣтку переписчикъ внесъ потомъ въ текстъ, и онъ же, или другой послѣдующій переписчикъ, превратилъ слова «мьстивъ сынъ» въ имя «Мьстишинъ», откуда Мистишинъ Лаврентьевскаго списка». Эту удачную и не представляющую ничего невѣроятнаго догадку г. Ламбина подтверждаютъ съ одной стороны многія рукописи, въ томъ числѣ списки лѣтописи, какъ напримѣръ Радзивиловскій, сохранившій на поляхъ подобныя объясненія или глоссы, сдѣланныя позднѣйшими ихъ читателями, а съ другой—небольшое число также рукописей, въ которыхъ глоссы внесены позднѣйшими переписчиками въ текстъ, иногда даже въ средину предложенія. Впрочемъ при этомъ нельзя не замѣтить, что выраженіе «мьстивъ сынъ» едва ли грамматически правильно. Въ рукописяхъ намъ попадались выраженія: «мести брату брата», «мьщю его» и другія; но подобнаго тому, которое приводитъ г. Ламбинъ, мы не встрѣчали. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы читаемъ, что Свѣнелдъ уговаривалъ Ярополка идти на Олега, «хотя отмьстити сыну своему». Утвержденная доказательствами принадлежность всего сообщаемаго лѣто-

¹⁾ Г. Смитъ въ своемъ переводѣ на датскій языкъ Нестора высказалъ предположеніе, что сынъ Свѣнелда могъ имѣть два имени: Мстислава и Люта; но онъ при этомъ упустилъ изъ вида, что изъ двухъ именъ, которыя иногда носили у насъ князья, одно всегда было христіанское.

писями о Свѣнелдѣ одному лицу, а не двумъ, должна была возбудить въ изслѣдователѣ вопросъ: кто же былъ Свѣнелдъ? Отвѣтъ на это Архангелогородскаго списка: «при Игорѣ воеводою, во Ольга мѣсто», разумѣется не могъ быть признанъ удовлетворительнымъ и опровергнутъ г. Ламбинымъ, который вслѣдъ за симъ и самъ приступаетъ къ разрѣшенію этого вопроса. По предположенію автора, ни на чемъ впрочемъ не основанному и ничѣмъ не подкрѣпленному, Свѣнелдъ могъ быть или воеводою ополченія изъ даниковъ Руси, или, что всего вѣроятнѣе, воеводою вспомогательнаго войска изъ наемныхъ Варяговъ, съ которыми онъ явился на службу къ Игорю; онъ происходилъ изъ знаменитаго рода, такъ какъ и имя его и намеки Византійцевъ указываютъ, что онъ былъ не изъ простолюдиновъ, а посему можно допустить, что онъ былъ потомокъ какого либо Скандинавскаго конунга и что онъ, какъ конунгъ по рожденію, могъ уже въ юномъ возрастѣ набрать себѣ дружину и, снарядивъ корабли, выступить на поприще викинга. «Впрочемъ нѣтъ никакой надобности—заключаетъ г. Ламбинъ—выводить его на это поприще въ слишкомъ юныхъ лѣтахъ; если положимъ, что ему было лѣтъ 25 отъ роду, когда онъ, стоя во главѣ дружины и вѣроятно уже извѣстный своими подвигами, предложилъ свои услуги Игорю въ самомъ началѣ его княженія, то въ 977 году ему могло быть около 90». Всѣ такого рода предположенія и измышленія нельзя не признать совершенно излишними въ серьезномъ трудѣ, гдѣмъ болѣе, что они не двигаютъ впередъ науку ни на шагъ.

Первое извѣстіе въ нашихъ лѣтописяхъ о Свѣнелдѣ относится къ 914 году. Подъ этимъ годомъ ¹⁾, почти во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврентьевскаго и Ипатскаго и съ ними сходныхъ, говорится, что воевода Игоря Свѣнелдъ «премучи Угличи»; что наложенную на нихъ дань Игорь отдалъ ему; что городъ ихъ Пересѣченъ былъ взятъ послѣ трехлѣтней осады; что они ²⁾ сначала сидѣли внизъ по Днѣпру, а потомъ перенли въ мѣстность «межи Богъ и Днѣстръ» (такъ въ спискахъ Новгородской лѣтописи, которыми не пользовался г. Ламбинъ; во всѣхъ же другихъ это мѣсто испорчено) и сѣли въ ней. Свѣнелдъ, которому Игорь далъ

¹⁾ Въ Новгородской лѣтописи подъ 922 годомъ и послѣ словъ: «Игорь же сѣдѣше въ Киевѣ княжа и воюя на Древлѣны и на Угличѣ (=Углицѣ).

²⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ и въ томъ числѣ въ спискахъ Новгородской лѣтописи: Улицы, Улицы.

дань и съ Древянъ, бралъ съ нихъ «по чернѣ кунѣ отъ дыма». По сему случаю дружина Игоря замѣтила ему, что онъ слишкомъ много далъ одному человѣку.

Карамзинъ, не найдя этого извѣстія въ древнихъ спискахъ лѣтописи, первый заподозрилъ какъ его принадлежность древнему лѣтописцу, такъ и вѣрность сообщаемыхъ въ немъ фактовъ. Такъ какъ мнѣніе Карамзина принято всѣми историками и такъ какъ г. Ламбинъ съ нимъ не согласенъ, то по этому онъ первоначально разсматриваетъ вышеприведенное извѣстіе: протпворѣчитъ ли оно сказаніямъ Нестора, и за тѣмъ указываетъ примѣты, по которымъ онъ считаетъ, что это извѣстіе не можетъ не принадлежать Нестору.

Первый поводъ къ сомнѣнію въ существованіе Угличей дало Карамзину самое имя народа, который не поименованъ Несторомъ въ начальныхъ сказаніяхъ между другими славянскими племенами. Но это сомнѣніе въ виду того, что нашъ лѣтописатель исчисляетъ только главныя коренныя племена, умалчивая объ ихъ отдѣльныхъ отрасляхъ, и что къ числу послѣднихъ могли принадлежать и Угличи, падаетъ, по мнѣнію г. Ламбина, само собою. Впрочемъ «быть можетъ, — говоритъ авторъ — въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора имя этого народа не пропущено, а только написано нѣсколько иначе, то есть, что оно тамъ, или можетъ быть и здѣсь подь 914 годомъ испорчено переписчикомъ». Въ этихъ начальныхъ сказаніяхъ сосѣдями Тиверцевъ по Лаврентьевскому списку были *Улучи* (по другимъ: Уличи, Улицы, Улутичи, Лутичи, Суличи и пр.); выше было замѣчено, что и въ сказаніи подь 914 годомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ написано *Улицы* вмѣсто *Улучи*. Слѣдовательно весьма возможно, что или чтеніе *Улицы* возникло подь перомъ переписчиковъ изъ правильнаго *Улучи*, или, на оборотъ, изъ правильнаго чтенія *Улучи* вышло *Улицы*.

Оба эти предположенія имѣютъ защитниковъ между нашими историками. Какъ написаны были имена вышеупомянутыхъ двухъ славянскихъ племенъ въ подлинникѣ Нестора при третьемъ ихъ перечисленіи и подь 885 годомъ сказать трудно; но всѣ варианты этихъ именъ указываютъ на то, что вѣроятное ихъ написаніе было Ульци (=Улучи) и Тивьрци. Чтеніе Угличи здѣсь не могло имѣть мѣста, потому что если бы оно было написано въ означенныхъ извѣстіяхъ Несторомъ, то не исчезло бы безслѣдно изъ всѣхъ списковъ лѣтописи. Что же касается сказанія подь 914 годомъ, то, по мнѣнію г. Ламбина, въ немъ должно читать Угличи,

а не Улучи, какъ полагалъ Шафарикъ, потому что во всѣхъ спискахъ, за исключеніемъ только трехъ, мы находимъ чтеніе Угличи безъ всякихъ значительныхъ вариантовъ; сверхъ того лѣтопись и по мѣсту жительства отличаетъ ихъ отъ Ульцевъ (бѣша сѣдяща по Днѣпру внизъ).

При этомъ г. Ламбинъ обращаетъ также вниманіе и на то, что въ большинствѣ позднѣйшихъ списковъ имя Угличи упоминается еще однажды, именно въ разсказѣ объ Аскольдѣ и Дирѣ, которые, овладѣвъ землею Полянъ, «бѣша ратни съ Древліаны и съ Угличи». Миѣ кажется, что автору, для подкрѣпленія высказаннаго имъ миѣнія слѣдовало бы заняться подробнымъ и тщательнымъ разсмотрѣніемъ вопроса: когда воевалъ Олегъ съ Угличами, въ то ли время, когда они еще жили внизъ по Днѣпру, или тогда, когда они уже поселились между Бугомъ и Днѣстромъ ¹⁾; доказать, что выраженіе: «и бѣша сѣдяще Углици по Днѣпру внизъ и посемъ придоша межѣ Богъ и Днѣстръ» не внесено въ лѣтопись позднѣйшими составителями лѣтописныхъ сборниковъ и разсмотрѣть причину, почему въ обоихъ сказаніяхъ Угличи тѣсно связаны съ Древліанами. Голословное утвержденіе, что Угличи, тѣсными Печенѣгами, переселились на новыя мѣста послѣ борьбы съ Свѣнелдомъ, намъ кажется недостаточнымъ. Угличи, по миѣнію г. Ламбина, жили вѣроятно на южномъ предѣлѣ земли Полянъ, въ мѣстности, лежащей отъ Кіева внизъ по западному берегу Нижняго Днѣпра. Подобно Древліанамъ, они были народъ свободный и утратили свою независимость со времени покоренія ихъ Олегомъ. Предположеніе автора о томъ, что Угличи, которыхъ онъ вмѣстѣ съ *Ульцами* признаетъ за потомковъ Антовъ, по своему племенному происхожденію принадлежатъ къ ближайшимъ отъ нихъ на западъ Ульцамъ, не смотря на всю ученую его обстановку, является, по крайней мѣрѣ для меня, мало убѣдительнымъ.

Доказательства, приводимыя г. Ламбинымъ въ защиту древности и достовѣрности сказанія позднѣйшихъ списковъ о войнѣ Свѣнелда съ Угличами и принадлежности его Нестору, весьма вѣски, равно какъ и доводы, представленные имъ въ опроверженіе сомнѣній Карамзина касательно предоставленія Свѣнелду Древліанской дани. И съ тѣми и съ другими нельзя не согласиться. При этомъ считаю нужнымъ указать въ подтвержденіе той мысли, что

¹⁾ Отъ рѣшенія этого вопроса находится въ тѣсной зависимости опредѣленіе мѣстонахожденія Пересѣчена.

великій князь давалъ своимъ приближеннымъ право пользоваться данью съ покоренныхъ племенъ въ теченіе года или вообще короткаго срока времени, на помѣщенное въ спискахъ Новгородской лѣтописи извѣстіе о томъ, что Игорь дважды предоставлялъ Свѣнелду пользованіе данью съ Древлянъ въ 922 и въ 942 году.

Третья глава труда г. Ламбина посвящена объясненію двухъ непонятныхъ мѣстъ въ сказаніи о войнѣ Свѣнелда съ Угличами, именно: а) «По семъ придоша (Угличи) межи во Днѣстръ (=воднѣстръ, воиндестръ, воиндрестръ)» и б) «по семъ же скажемъ приключшихся (=по приключшихся) лѣтехъ сихъ». Что касается перваго мѣста, то правильное чтеніе его возстановлено приведеннымъ мною выше мѣстомъ изъ списковъ Новгородской Лѣтописи, въ которыхъ, вмѣсто *межи во Днѣстръ*, читается: *межи Богъ и Днѣстръ*. Къ этому же правильному чтенію пришелъ и г. Ламбинъ послѣ цѣлаго ряда соображеній и догадокъ. Второе мѣсто авторъ изслѣдованія читаетъ: «По семъ же скажемъ и о приключшихся въ лѣтехъ сихъ», и это чтеніе должно признать совершенно вѣрнымъ.

Въ этой же главѣ, совершенно случайно, г. Ламбинъ подѣлился съ читателями опытомъ возстановленія лѣтописнаго текста о путешествіи великой княгини Ольги въ Новгородъ, представивъ его очищеннымъ отъ Мсты и Луги, заставлявшихъ нашихъ историковъ вдаваться въ разныя предположенія, чтобы оправдать ихъ находженіе въ текстѣ. Вотъ какъ читаетъ это мѣсто г. Ламбинъ: «Иде Ольга Новугороду, сына своего оставивши Кыевѣ, и нача уставляти *по мстѣмъ* (вмѣсто *по Мстѣ*) погосты, и дани положи (вмѣсто *по Лутѣ*), и оброки устави. И ловища ея суть и до сего дне по всей земли Русьстѣй и Новѣгородстѣй...»

Находящіяся въ лѣтописяхъ свѣдѣнія о дѣятельности Свѣнелда послѣ 914 года неполны и отрывочны. Г. Ламбинъ восполняетъ ихъ своими предположеніями, изъ которыхъ многія, не имѣя фактической опоры, и остаются только на степени предположеній. Вотъ краткій очеркъ жизни Свѣнелда, который мы постараемся передать по возможности словами автора, такъ какъ лѣтописныя сказанія имѣютъ въ немъ самую незначительную долю участія. Послѣ событій, записанныхъ подъ 914 годомъ, о которомъ мы уже говорили выше, Свѣнелдъ готовился возвратитъ подъ Русское владычество и остальные отложившіяся завоеванія Олега на юго-западѣ, но былъ въ этомъ остановленъ нашествіемъ Печенѣговъ. Вѣроятно, онъ участвовалъ въ первомъ столкновеніи съ ними и, какъ кажется, получилъ въ это время отъ Игоря право на дань Древлян-

скую въ замѣнѣ прежде предоставленной ему дани съ Угличей. Съ этого времени къ удивленію до самаго конца Игорева княженія о Свѣнелдѣ нѣтъ и помину въ лѣтописяхъ; имя его не встрѣчается даже и въ договорѣ Игоря съ Греками, во время заключенія котораго онъ значитъ находился въ Кіевѣ, не входя въ составъ великокняжеской дружины и кажется уже не былъ и воеводою великаго князя, то есть не состоялъ въ его службѣ. Все это указываетъ на то, что отношенія Игоря къ Свѣнелду совершенно измѣнились и что между княземъ и его воеводою послѣдовалъ разрывъ, который по всей вѣроятности случился въ началѣ княженія Игоря, когда онъ, возвышая и отличая юнаго Свѣнелда, хотѣлъ можетъ быть дѣйствительно поставить его воеводою «въ Ольга мѣсто» и сдѣлать какъ бы своею правою рукою, но былъ въ этомъ остановленъ ропотомъ дружины и жалобами прежнихъ любимцевъ. И если онъ, какъ вѣроятно, отмѣнилъ свое распоряженіе и отнялъ у Свѣнелда право на Древлянскую дань, то этого, конечно, было достаточно для юнаго и гордаго витязя, чтобы покинуть Игоря и Русскую землю. Впрочемъ въ лѣтописи, какъ кажется, замѣчено и самое событіе, послужившее поводомъ къ разрыву Свѣнелда съ Игоремъ. Подъ 921 годомъ говорится, что Игорьъ и Свѣнелдъ ¹⁾ «пристроиста вои многы и корабля безчислены». Эти приготовленія были направлены, какъ можно полагать, по настоянію Свѣнелда и его единомышленниковъ, противъ Грековъ, которые, пользуясь возстаніемъ племенъ и нашествіемъ Печенѣговъ, вѣроятно прекратили въ это время выдачу укладовъ, или стали выдавать ихъ не въ надлежащемъ количествѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничились можетъ быть и права, предоставленныя русскимъ посламъ и гостямъ въ Константинополѣ. Душею предпріятія былъ Свѣнелдъ. Между тѣмъ греческій агентъ, жившій въ Кіевѣ, извѣстилъ о сборахъ свое правительство, которое не замедлило прислать къ великому князю пословъ съ мирными предложеніями и дарами. Когда партія мира взяла перевѣсъ и предложенія пословъ были приняты и когда такимъ образомъ всѣ гордыя мечты и планы Свѣнелда рушились, тогда онъ, недовольный слабымъ княземъ, пересталъ быть его воеводою и покинулъ Русскую землю. «Кука же теперь направился Свѣнелдъ съ своею дружиною? спрашиваетъ г. Ламбинъ. Какія страны служили поприщемъ его подвиговъ въ теченіе

¹⁾ Чтеніе *Свѣнелда*, г. Ламбинъ возстановляетъ изъ чтенія Олега (=Ольга).

слишкомъ 20 лѣтъ, съ 921 до 944 — 945 года, когда мы снова встрѣчаемъ его съ дружиною въ Кіевѣ? Этотъ вопросъ — отвѣчаетъ изслѣдователь — открытое поле для догадокъ; но едва ли онъ когда либо дождется удовлетворительнаго рѣшенія, по совершенному отсутствію положительныхъ извѣстій. Можетъ быть тѣ самые послы, которымъ удалось отвратить грозу, готовую разразиться надъ Греціей, переманили Свенгелда въ службу императорскую, для того, чтобы только удалить отъ Игоря этого отважнаго и безпокойнаго вожда, который, оставаясь въ Руси, могъ снова поднять тревогу и подвергнуть опасности Грековъ. Допустивъ это предположеніе, можно полагать, что тѣ Руссы, которые въ княженіе Игоря, по византійскимъ извѣстіямъ сражались подъ императорскими знаменами въ Италіи, составляли войско нашего Свенгелда, его дружину. Можетъ быть также, что Свенгелдъ съ своею дружиною и съ тѣми судами, которыя имъ самимъ были собраны и вооружены, направился къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, къ Босфору Киммерійскому, гдѣ могъ найти обширное поприще для своихъ подвиговъ. Если онъ при этомъ не совершенно разорвалъ связи съ Кіевскою Русью (что отчасти подтверждается его возвращеніемъ въ Кіевъ, какъ на родину, послѣ слишкомъ 20 лѣтняго отсутствія); если онъ, хотя по имени, признавалъ верховную власть Игоря, то онъ могъ быть основателемъ знаменитаго послѣдствіи Тмутараканскаго княжества ¹⁾, могъ быть первымъ перенесшимъ Русское имя изъ Кіева въ эти восточныя страны, по-

¹⁾ Въ концѣ своего изслѣдованія г. Ламбинъ отказался отъ этого предположенія. «Выше мы заявили — говоритъ авторъ — что основателемъ Тмутараканскаго княжества могъ быть Свенгелдъ, но тамъ же уже предварительно было замѣчено, что предположеній о дѣлахъ Свенгелда съ 921 до 944—945 годовъ невозможно подтвердить никакими историческими свидѣтельствами, такъ какъ о немъ, кромѣ нашей лѣтописи, нигдѣ ничего не говорится, почему мы и отказываемся отъ случайно выраженной нами догадки. Если бы существовало, по крайней мѣрѣ, какое нибудь извѣстіе о войнѣ Руси съ Хазарами въ 921-мъ, или въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, то можно бы еще допустить, какъ вѣроятность, что главнымъ дѣйствителемъ въ этой войнѣ былъ Свенгелдъ, и что дѣло шло объ утвержденіи Русскаго господства въ Тмутаракани. Но мы не только не имѣемъ подобныхъ извѣстій, а напротивъ знаемъ достоверно, что отношенія Руси къ Хазарамъ въ это время были совершенно мирныя и дружественныя. Спрашивается: за чѣмъ же авторъ не исключилъ изъ своего сочиненія этой догадки, невольно обращающей на себя вниманіе своею смѣлостію?»

добно тому какъ мужи Рюриковы—Аскольдъ и Диръ—первые перенесли его съ сѣвера въ Кіевъ. А это имя при Игорѣ въ X вѣкѣ было уже громко и грозно въ странахъ кавказскихъ, какъ свидѣтельствуя почти всѣ извѣстія восточныхъ писателей. И быть можетъ, что изъ описанныхъ имп дѣйствій Руссовъ на востокѣ, между прочимъ и самое развореніе города Бердаа въ 943—944 годахъ было также совершено подъ предводительствомъ Свенгелда, который, господствуя въ Тмутаракани, могъ удобно громить отсюда и Хазарскія владѣнія, и кавказскія земли, подвластныя халифамъ, и греческія владѣнія въ Тавридѣ». Изъ Тмутаракани, въ концѣ Игорева княженія, Свѣнелдъ возвратился въ Кіевъ. При Ольгѣ и малолѣтнемъ Святославѣ онъ является главнымъ военачальникомъ; въ 946 году караетъ Древянъ и за тѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ о немъ нѣтъ снова никакихъ извѣстій. Въ княженіе Ольги Свѣнелдъ безъ сомнѣнія былъ главнымъ оберегателемъ государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и воспитателемъ ея сына, котораго онъ впоследствии сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ въ походахъ, совѣтникомъ и руководителемъ и наконецъ печальнымъ вѣстникомъ его кончины. Возвратясь въ Кіевъ изъ Болгарскаго похода, онъ нашелъ, что мѣсто воеводы уже занято при новомъ великомъ князѣ, и едва ли и домогался возвратить себѣ это мѣсто. Достигнувъ глубокой старости, онъ вѣроятно располагалъ провести остатокъ дней своихъ на покоѣ, среди семейства; но убійство его сына Люта измѣнило это намѣреніе; онъ является мстителемъ за сына и виновникомъ перваго междоусобія и братоубійства между потомками Рюрика. Упрекомъ Ярополка Свѣнелду при трупѣ убитаго брата оканчиваются лѣтописныя сказанія его касающіяся.

Вотъ какими богатыми узорами, по бѣдной лѣтописной канвѣ, при помощи словъ: *впроятно, кажется* и т. п., вышито жизнеописание Свѣнелда.

При изложеніи этого очерка жизни Свѣнелда было упомянуто о донесеніи греческаго агента, жившаго въ Кіевѣ, своему правительству о сборахъ Олега на Царьградъ. По мнѣнію г. Ламбина изъ этого донесенія и было взято въ лѣтопись извѣстіе, помѣщенное подъ 921-мъ годомъ. На слѣды въ лѣтописи донесеній лицъ, стоявшихъ въ главѣ этого агентства, авторъ мимоходомъ также сдѣлалъ нѣсколько указаній и прежде, но этихъ своихъ указаній, или точнѣе предположеній, не подкрѣпилъ никакими доказательства-

ми, обѣщая ихъ представить во второй части своего Опыта возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи.

Тамъ г. Ламбинъ намѣревается, какъ самъ онъ говоритъ, «доказать, что основу лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси дѣйствительно составляетъ древній письменный памятникъ, а именно официальная реляція о Кіевской катастрофѣ 882 года, т. е. о убіеніи Аскольда и Дира, и объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ, писанная въ 885 или въ слѣдующемъ году, вѣроятно по запросу Византійскаго правительства, и что этотъ чрезвычайно важный памятникъ хотя и разбитъ при введеніи въ лѣтопись на отдѣльныя части, размѣщенные подъ нѣсколькими годами, въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ, однако списанъ, какъ кажется, дословно, безъ существенно важныхъ уклоненій отъ подлинника и безъ нарушенія внутренней, логической связи между его разрозненными частями, ибо части эти, освобожденные отъ хронологической рамки и отъ извѣстій, вставленныхъ между ними изъ другихъ источниковъ, равно какъ и отъ позднѣйшихъ вставокъ компиляторовъ, представляютъ по возстановленному тексту лѣтописнаго сказанія одно стройное цѣлое, одну связанную статью, въ которой только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не болѣе четырехъ) замѣтны собственныя пояснительныя вставки лѣтописца».

До сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ никто не намекалъ на этотъ новый источникъ, находившійся въ рукахъ Нестора при составленіи имъ лѣтописи, никто даже и не подозрѣвалъ этого источника, такъ что заслуга его открытія всецѣло будетъ принадлежать г. Ламбину, если онъ свою гипотезу подтвердитъ рядомъ несомнѣнныхъ доказательствъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыми г. Ламбинъ подкрѣпляетъ свое предположеніе касательно существованія въ Кіевѣ греческаго агента. Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе на установившіяся торговыя и религіозныя сношенія между Кіевомъ и Константинополемъ послѣ 865 года, когда Русь впервые явилась подъ стѣнами столицы Византійской Имперіи. Принятіе христіанства Аскольдомъ и Диромъ и ихъ дружинниками имѣло послѣдствіемъ появленіе въ Кіевѣ епископа, который, впрочемъ, по всему вѣроятію, былъ принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ, когда Олегъ, по убіеніи Аскольда и Дира, утвердился въ Кіевѣ и когда на время какъ политическія сношенія съ этимъ городомъ Константинополя, такъ и торговыя приостановились. Послѣ 907 года, а можетъ быть и ранѣе, какъ полагаютъ

г. Ламбинъ, епископъ долженъ былъ возвратиться къ своему посту. «Съ этого времени — говоритъ авторъ — къ его религіознымъ обязанностямъ необходимо присоединились и политическія: или самъ епископъ, или кто либо изъ членовъ состоявшей при немъ миссіи долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями русскаго князя, развѣдывать о его планахъ и намѣреніяхъ и увѣдомлять свое правительство обо всемъ, что могло угрожать опасностію Греціи; ибо рѣшительно невозможно допустить, чтобы правительство Греціи не воспользовалось представившимся ему вполне удобнымъ случаемъ учредить въ Кіевѣ тайное политическое агентство, и чрезъ него узнавать заранѣе о всѣхъ враждебныхъ замыслахъ безпокойнаго сосѣда». За тѣмъ авторъ находитъ подкрѣпленіе высказанному имъ предположенію въ томъ, что Греки послѣ похода Олега уже узнавали заблаговременно о воинскихъ приготовленіяхъ Русскихъ князей, доказательствомъ чему могутъ служить оба неудачные похода Игоря, изъ которыхъ въ первомъ онъ, встрѣтивъ повсюду готовый отпоръ, потерпѣлъ пораженіе, а во второмъ — уже въ устьяхъ Дуная онъ нашелъ императорскихъ пословъ съ дарами. Далѣе къ числу доказательствъ существованія въ Кіевѣ греческаго агента г. Ламбинъ причисляетъ особенный характеръ извѣстій, находящихся въ нашей лѣтописи, которая до послѣдней четверти X вѣка сообщаетъ преимущественно извѣстія, касающіяся прямо или косвенно Греціи, съ примѣсю Болгарскихъ ¹⁾, а о Русскихъ событіяхъ почти не упоминаетъ.

Наконецъ, договоры Русскихъ съ Греками, внесенные въ лѣтопись, г. Ламбинъ причисляетъ къ самымъ капитальнымъ доказательствамъ своего предположенія и притомъ утверждаетъ, что они списаны съ официальныхъ копій, хранившихся въ архивѣ агентства ²⁾, позднѣйшимъ лѣтописцемъ, жившемъ въ концѣ XI вѣка, когда, вмѣстѣ съ Греческою духовною миссіею въ Кіевѣ, упразднилось и существовавшее при ней духовное агентство.

Нельзя не пожалѣть, что г. Ламбинъ, предлагая совершенно

¹⁾ Это обстоятельство навело автора на мысль, что агентъ, по всей вѣроятности, былъ болгаринъ, подданный Византійской имперіи, ведшій краткія замѣтки о тѣхъ Русскихъ, Болгарскихъ и Греческихъ событіяхъ, которыя его интересовали.

²⁾ Этотъ архивъ, какъ думаетъ г. Ламбинъ, находился при церкви св. Ильи и хранившіеся въ немъ документы послужили основнымъ матеріаломъ для «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

новую и оригинальную гипотезу, которою онъ объясняетъ весьма многія мѣста въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и проливаетъ свѣтъ на многіе историческіе факты, не привелъ аналогическихъ примѣровъ изъ Византійской исторіи въ числѣ доказательствъ истины и вѣроятности своей гипотезы. Если бы онъ выставилъ рядъ фактовъ, изъ которыхъ было бы видно, что Византійскіе императоры имѣли обыкновеніе содержать постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ не только при дворахъ сосѣднихъ государствъ, но и у народовъ, окружавшихъ имперію, то это въ значительной степени усилило бы вѣроятность его предположенія; а то безъ этого трудно повѣрять, такъ сказать на слово, изслѣдователю. Мы знаемъ, что походы Игоря и безъ существованія дипломатическаго агента въ Кіевѣ, по многимъ другимъ причинамъ, могли бы кончиться неудачно; что обиліе въ нашей лѣтописи извѣстій, касающихся Греціи и Болгаріи, можетъ быть удовлетворительно объяснено заимствованіемъ этихъ извѣстій изъ болгарскихъ источниковъ; что мирные договоры Олега и Игоря могли быть переписаны въ лѣтопись или съ какого либо славянскаго перевода, экземпляры котораго ходили по рукамъ, или съ копіи перевода, который находился при греческихъ подлинникахъ, хранившихся у русскихъ князей; наконецъ, что копія съ записи Святослава могла дойти въ руки лѣтописца совершенно естественно черезъ греческихъ гостей и купцовъ, такъ какъ въ интересѣ Грековъ было ее распространять между Русскими. Что же касается мнѣнія автора о томъ, что матеріалы агентства находились въ рукахъ составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ и положены имъ въ ея основаніе, то было бы желательно, чтобы оно въ интересѣ и науки и самого автора было обставлено болѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ предположеніе о существованіи въ Кіевѣ греческаго агентства.

Разборъ статей о Корсунской сторонѣ, находящихся въ договорѣ Игоря, при чемъ въ текстѣ договора сдѣлано нѣсколько удачныхъ исправленій, привелъ г. Ламбина къ тому выводу, что «то русское княжество, которое подъ названіемъ Тмутараканскаго впервые упоминается въ нашей лѣтописи только при Владимірѣ Великомъ, подъ 988 годомъ, и котораго основаніе обыкновенно, впрочемъ по догадкѣ, приписываютъ Святославу, существовало уже въ первой половинѣ X вѣка подъ управленіемъ вассала Кіевскаго великаго князя Игоря», который не завоевалъ этой страны, но получилъ ее по наслѣдству отъ Олега. У восточныхъ писателей встрѣчаются также извѣстія о Черноморскихъ Славянахъ и о Босфор-

скихъ владѣнiяхъ Руси. Показанiя Массуди и Ибнъ-Доста, сообщающихъ много свѣдѣнiй по этому предмету, подробно разсмотрѣны г. Ламбинымъ, равно какъ и Византiйское извѣстiе, современное Олегу, о покоренiи Черноморскихъ Славянъ и объ основанiи имъ Тмутараканскаго княжества. Я не вхожу въ разборъ этой части сочиненiя г. Ламбина, такъ какъ трудъ этотъ принялъ на себя сочленъ А. А. Куникъ.

Въ виду указанныхъ мною достоинствъ изслѣдованiя г. Ламбина и его значенiя какъ для объясненiя Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и для первоначальной исторiи Россiи, считаю справедливымъ, не смотря на нѣкоторые недостатки въ изслѣдованiи, преимущественно въ тѣхъ его частяхъ, для которыхъ отсутствуютъ положительныя данныя, и съ которыми по этому трудно, а иногда почти и невозможно согласиться съ авторомъ, поощрить его меньшею Уваровскою наградою, тѣмъ болѣе еще, что труды, подобные имъ предпринятому, требующiе отъ авторовъ, кромѣ многостороннихъ знанiй, настойчивой энергiи и самоотверженiя, какъ извѣстно почти не встрѣчаютъ сочувствiя въ обществѣ и цѣнятся только немногими специалистами.

О ЗАПИСКѢ БЕЗЪИМЯННАГО ТАВРИЧЕСКАГО (ANONYMUS TAURICUS).

(По поводу сочиненія Н. П. Ламбина).

Извѣстный византинистъ Газе нашелъ въ одной греческой рукописи, содержащей творенія св. Василія и другихъ отцевъ церкви, нѣсколько отрывковъ чисто историческаго содержанія (*praecipuum pleniusque regum novarum fragmentum*). Въ нихъ бывший владѣтель упомянутой рукописи изложилъ причины, которыя побудили его предпринять изъ Крыма поѣздку къ могущественному князю на сѣверѣ отъ Дуная, т. е. къ великому князю Киевскому. По предположенію Газе, найденная имъ греческая рукопись была писана подъ конецъ 10-го вѣка, а историческіе отрывки византийскаго намѣстника записаны, по его же мнѣнію, въ 10-мъ или 11-мъ вѣкѣ ¹⁾.

Къ сожалѣнію неизвѣстно, гдѣ теперь находится этотъ списокъ ²⁾. Могло быть что Газе, основываясь на однихъ палеографическихъ признакахъ, немного ошибся въ опредѣленіи вѣка самой рукописи или находящейся въ ней Записки Таврическаго Безъимяннаго. По этому необходимо тщательно разобрать Записку, по ея содержанію, чтобы, по возможности, точно опредѣлить время весьма важныхъ событій, о которыхъ Таврической Безъимянной распространяется.

¹⁾ См. Leo Diaconus. Parisiis 1818, in-fol. или Боннское изданіе Льва Діакона (1828, in 8°), стр. 496—505. «Вольный» русскій переводъ этихъ отрывковъ напечатанъ Е. Поповымъ (Исторія Льва Діакона. Спб. 1820, стр. 195—197).

²⁾ Должно полагать, что онъ былъ возвращенъ, въ 1815 г., въ Ватиканскую бібліотеку.

Когда содержаніе этой исторической Записки, благодаря пытливости г. Ламбина, сдѣлается общимъ достояніемъ науки, многимъ покажется страннымъ, что изслѣдователи русской старины оставляли столь интересный памятникъ почти безъ вниманія. Лѣтъ девять тому назадъ я имѣлъ случай указать на миѣніе г. Гедеонова, по которому эта записка относится не къ временамъ Владиміра Св.,—какъ полагалъ Газе,—а къ временамъ Святослава Игоревича. Въ янв. 1870 г. г. Ламбинъ сообщилъ мнѣ словесно, и въ самыхъ краткихъ словахъ, что напротивъ, на эту Записку слѣдуетъ смотрѣть какъ на произведеніе временъ Олега. Это меня такъ поразило, что я, не зная доводовъ г. Ламбина, немедленно взялся за подробный разборъ всего памятника, чтобы составить себѣ болѣе отчетливое миѣніе, какъ о вѣкѣ, въ который жилъ и писалъ безымянный византійскій губернаторъ, такъ и о значеніи его оправдательной Записки. Нынѣ, по внимательномъ прочтеніи всего сочиненія г. Ламбина, я не вижу надобности измѣнить главныхъ своихъ положеній, изложенныхъ въ моихъ комментаріяхъ, но охотно признаю, что слѣдуетъ ихъ дополнить нѣкоторыми удачными соображеніями, впервые высказанными г. Ламбинымъ.

Разобравъ совершенно независимо отъ г. Ламбина содержаніе отрывковъ, я убѣдился, что упоминаемая въ нихъ событія едва-ли можно приурочивать къ концу 10-го или къ началу 11-го вѣка. Г. Ламбинъ, не стѣсняясь миѣніемъ Газе о палеографической древности рукописи, относитъ эти событія ко времени убіенія Корсуянами (въ 892 г.) византійскаго намѣстника Слемеона. Какъ бы то ни было, — все чтò мы знаемъ объ исторіи земли корсунской и греческихъ владѣній въ Крыму приводитъ насъ къ заключенію, что въ рассказѣ нашего Безымяннаго рѣчь идетъ скорѣе о событіяхъ до 940 года, чѣмъ о второй половинѣ 10-го вѣка.

Для лучшаго разъясненія нашего предмета я представляю здѣсь краткій обзоръ рассказываемыхъ въ Отрывкахъ событій, въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они мнѣ до сихъ поръ представлялись.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что корсунская область въ 9-мъ и 10-мъ вѣкахъ не находилась въ полной зависимости отъ центральнаго византійскаго правительства, хотя послѣднее отъ времени до времени и назначало туда губернаторовъ. Кромѣ того, мы знаемъ изъ житія и перенесенія (мощей) Св. Климента, что около половины 9-го вѣка жители Корсуна не выдавали себя за тамошнихъ уроженцевъ, но за пришельцевъ отъ разныхъ народовъ (*Utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae*). На основа-

ни этого и другихъ свидѣтельствъ, можно смѣло предположить, что корсунская область по временамъ отпадала отъ Византіи, тѣмъ болѣе, что центральное византійское правительство не слишкомъ заботилось о судьбѣ этой торговой колоніи, защищать которую отъ нападений степныхъ варваровъ было довольно трудно. Впрочемъ, до насъ дошло и нѣсколько извѣстій о внутреннихъ смутахъ въ Корсунѣ и о непокорномъ духѣ ея жителей и сопредѣльныхъ народцевъ, какъ-то Готовъ, Алановъ и проч.

Извѣстно, что главнымъ господствующимъ народомъ въ Крыму, въ 8 и 9 вѣкахъ, были Хазары, съ которыми византійскіе императоры и ихъ намѣстники въ Корсунѣ старались поддерживать дружескія отношенія. Авторъ Отрывковъ говоритъ о себѣ какъ о византійскомъ губернаторѣ одной крымской области, къ которой принадлежали такъ называемые Климаты. Ясно, что дѣло идетъ преимущественно о готскихъ жителяхъ, которые въ то время обитали въ юго-западной и южной части Крыма. О Хазарахъ авторъ прямо нигдѣ не упоминаетъ; они скрываются у него подъ именемъ «варваровъ» и «непріятелей». Эти-то «варвары» прежде, по его словамъ, отличались кротостью и справедливостью, такъ что не только отдѣльные города, но и цѣлые народы добровольно признавали ихъ своими верховными владѣтелями. Но вдругъ измѣнился ихъ образъ дѣйствій: они стали опустошать въ Крыму цѣлые города и убивать множество какъ городскихъ такъ и сельскихъ жителей, не щадя даже тѣхъ, которые по той или другой причинѣ были къ нимъ привязаны или приближены. Авторъ изображаетъ этотъ неожиданный переворотъ и несчастье, достигшее вслѣдствіе того, Крымскаго полуострова, такими яркими красками, что намъ остается объяснить все это лишь одними смутами, происходившими внутри хазарской имперіи; намѣтки на эти смуты встрѣчаются у восточныхъ и византійскихъ писателей. Наконецъ нападеніе «варваровъ», главная сила которыхъ состояла изъ конницы, уже угрожало византійскимъ владѣніямъ. Всѣ попытки нашего губернатора войти въ сношенія съ варварами, для возстановленія прежнихъ договоровъ, не имѣли успѣха: непріятель на отрѣзъ отказался отъ всякихъ переговоровъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи византійскій намѣстникъ поспѣшилъ созвать земское собраніе изъ всѣхъ общинъ, державшихъ до сихъ поръ сторону византійскаго правительства. Видно что главная часть членовъ этого сейма состояла изъ именитыхъ людей готскаго племени или такъ называемыхъ Готогрековъ, которые были не аріанскаго, но православнаго вѣроисповѣданія.

Земское собраніе было открыто рѣчью нашего стратига, въ которой онъ прямо предложилъ вопросъ объ избраніи владѣтеля способнаго ихъ впредь защищать. Сеймъ рѣшилъ искать этой защиты у князя, жившаго на сѣверѣ отъ Дуная, сила котораго была известна. Побудительныя причины, которыми члены сейма при этомъ руководствовались, довольно любопытны. Въ концѣ концовъ бывшій византійскій сановникъ былъ отправленъ, отъ имени земскаго собора, къ «царствующему (Βασιλεύω) на сѣверѣ отъ Дуная», который его ласково принялъ, щедро наградилъ и назначилъ его своимъ намѣстникомъ во вновь приобрѣтенной землѣ или такъ называемыхъ Климатахъ.

Описаніемъ возвратнаго пути новаго русскаго посадника, по лѣвому берегу Днѣпра, за тѣмъ трудной переправы его черезъ Днѣпръ въ осеннее время и опасной поѣздки въ *крѣпость* Маврокастронъ, на западъ отъ Перекопа, оканчиваются наши драгоценныя отрывки.

Я не скрою что это изложеніе, въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ, расходится со взглядомъ г. Ламбина. Но я надѣюсь что онъ найдетъ мои доводы, особенно въ отношеніи къ Хазарамъ, убѣдительными. Хазарская исторія до сихъ поръ оставалась плохо обработанною, не смотря на ея важность для исторіи Россіи, Византіи и Кавказа и на ея значеніе въ культурномъ отношеніи. По этому и не удивительно, что г. Ламбинъ, подобно своимъ двумъ предшественникамъ, еще не успѣлъ составить себѣ яснаго понятія о ролѣ, которую слѣдуетъ приписать Хазарамъ въ разсказываемомъ переворотѣ, происшедшемъ въ политическомъ положеніи Крыма.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что Записка Таврическаго Безымяннаго, не смотря на ея краткость, должна числиться въ ряду первоклассныхъ источниковъ для древней русскаго исторіи. Ближайшій поводъ къ строго-научному разбору и болѣе правильной оцѣнкѣ этого памятника данъ въ настоящее время Ник. Петр. Ламбиннымъ, который, кромѣ того, старался, на основаніи славянскихъ, византійскихъ и восточныхъ источниковъ, разъяснить постепенное распространеніе древне-русскаго владычества отъ Днѣпра до нижняго Дуная и далѣе, на побережьи Киммерійскаго Босфора и Таманскаго Полуострова. Такимъ образомъ то, что служило поводомъ къ происхожденію имени «Русскаго моря» въ концѣ 9-го и въ началѣ 10-го вѣка становится нынѣ болѣе яснымъ и заслуга, оказанная въ этомъ отношеніи авторомъ «Опыта возстановленія

Несторовой «Лѣтописи» должна быть признаваемая всѣми, которые въ будущемъ возмущаются за дальнѣйшія разысканія объ этомъ предметѣ и особенно объ исторіи древне-русской торговли. По этому я полагаю, согласно съ нашимъ сочленомъ А. Ѳ. Бычковымъ, что слѣдуетъ поощрить г. Ламбина къ продолженію своихъ изслѣдованій присужденіемъ ему Уваровской награды.
